

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия «Филологические науки»

№2(116)
2024

Издательство ЛГПУ
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
291011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2,
т/ф +7 857-2-58-03-20

№2(116) • 2024 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического университета

Серия «Филологические науки»

№ 2(116) • 2024

Сборник научных трудов

Луганск
Издательство ЛГПУ
2024

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В 38

Учредитель и издатель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Соболева И. А. – кандидат филологических наук, доцент

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – директор Издательства ЛГПУ

Редактор серии

Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

- Водяницкая А. А.** – доктор филологических наук, доцент
Дубровская Т. В. – доктор филологических наук, профессор
Иванова Н. П. – доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А. – доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А. – доктор филологических наук, профессор
Кузина М. А. – доктор филологических наук, доцент
Марфина Ж. В. – кандидат филологических наук, доцент
Меркулова М. Г. – доктор филологических наук, доцент
Озерова Е. Г. – доктор филологических наук, доцент
Петрова И. М. – доктор филологических наук, доцент
Попова Л. Г. – доктор филологических наук, профессор
Присянникова О. И. – доктор филологических наук, доцент
Скляр Н. В. – кандидат филологических наук, доцент
Шулежкова С. Г. – доктор филологических наук, профессор

В38 Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. Серия «Филологические науки». № 2(116) / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып. ред. Г. Г. Калинина ; ред. сер. А. А. Новикова ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск : Издательство ЛГПУ, 2024. – 120 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных исследований теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

Индексируется библиографической базой данных научного цитирования РИНЦ

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 14 от 14 июня 2024 г.)

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2024
© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Банкова Л. Л. Количественные числительные в среднекитайском языке.....	5
Боев Э. Б., Кошкан П. Арабский язык в культурном и политическом пространстве Ирана: история и современность.....	10
Серебряк М. В. Интертекстуальные особенности древнерусского текста.....	17
Цурбанова А. Ю. Когнитивная модель концепта <i>Россия</i> в дискурсе луганчан.....	23

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Аулов А. М. Идеино-художественные стороны произведения: его роль в катарсисе (развитие идей работ философа и эстетика М. А. Лифшица и его школы на примере классической трагедии Эсхила «Орестея»).....	31
Бочацкая А. А. Символика героев-проводников в контексте романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза».....	40
Дятлова А. М. Проблема периодизации русской, английской, арабской литератур.....	46
Коробко К. В. Мифологическое пространство в контексте «литературы поиска корней» (на примере творчества Мо Яня).....	56
Novikova A. A. The problem of synthesis of literary genres in Iris Murdoch's intellectual prose.....	61

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гришак С. Н. Гендерная проблематика в академическом дискурсе высшей школы: специфика легитимации на постсоветском пространстве.....	68
Жиров И. В. Современные приемы и методы обучения говорению на французском языке в средней школе.....	74
Зайцева А. В. Вербальные приемы манипуляции в педагогическом дискурсе.....	78
Ткачева Е. А. Современные технологии мобильного обучения иностранным языкам.....	83

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Дорофеева В. С. Китайские онлайн-идиомы как средство интернет-коммуникации.....	87
Каторгина Д. Ю. Технологии краудсорсинга в интернет-СМИ Луганской Народной Республики.....	92
Скидан Д. А. Значение языковых средств, отражающих эмоции в политических выступлениях (на основе испанских СМИ).....	97

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Кисель В. С., Василькова И. Р. Особенности перевода иронии и сарказма.....	102
Ткачева Ю. Г., Кубракова М. В. Роль переводческих трансформаций при передаче когнитивной составляющей художественного текста.....	107
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	114
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	116

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.581'367.627'342

Банкова Людмила Львовна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры китайского языка
ГАОУ ВО «МГПУ»
BankovaLL@mgpu.ru

Количественные числительные в среднекитайском языке

В статье рассмотрены ключевые изменения в записи и функционировании количественных числительных, имевшие место в среднекитайском языке: закрепление порядка элементов в конструкции «числительное + счетное слово + существительное» и появление нуля в записи чисел с отсутствующим разрядом. Также описывается реконструкция фонетического облика количественных числительных первого десятка.

Ключевые слова: количественные числительные, эволюция китайских числительных, среднекитайский язык, взънянь, произношение среднекитайских числительных.

Количественные числительные в среднекитайском языке представлены несколькими комплектами цифр [1]. Мы будем рассматривать их сквозь призму обычного комплекта иероглифов-цифр (小写), посредством которого могли обозначаться не только количественные, но и порядковые числительные. Для записи последних также использовались традиционные китайские циклические знаки Небесные стволы и Земные ветви [2, с. 64–65], служащие, помимо прочего, для летоисчисления. Поскольку вопрос темпоральной выраженности требует отдельного рассмотрения в любом языке [4; 5], не только в китайском, то циклические знаки останутся за рамками нашего исследования, равно как и активно используемые ныне в Китае арабские цифры, вошедшие в употребление только в XX веке [3, с. 251–252]. Таким образом, в настоящей работе будут рассмотрены особенности записи количественных числительных посредством обычного комплекта иероглифов-цифр в среднекитайском языке, а также их произношение.

В исследовании мы придерживаемся четырехчленной периодизации развития китайского языка, делящей его на древнекитайский (до III в. н. э.), среднекитайский (IV–XII вв.), новокитайский (XIII–IX вв.) и современный (с 1919 г. по настоящее время) периоды [8, р. 15–17]

В Средние века ключевыми изменениями, связанными с количественными числительными, являются, во-первых, закрепление их употребления со счетными словами и существительными и стабилизация их сочетаемости между собой; во-вторых, появление нуля в записи чисел с отсутствующим разрядом.

По мнению французского сиолога Алена Пейроба (*Alain Peyraube*), в древнекитайском периоде развития языка с XIV–VI вв. до н. э. была только одна конструкция с содержанием счетного слова: «существительное + числительное + счетное слово». Свои доводы А. Пейроб иллюстрирует надписями цзягувэнь и цзиньвэнь, которые он приводит в латинской записи:

Пример 1. **Chang liu you** (букв. просяное вино + шесть + мер) (*Jiaguwen, Heji: 35355*).

Пример 2. **Wang yi jin bai lu**. Князь предложил ему бронзы сто лу (мера). (*Jinwen: Qin gui*) [10, p. 209].

По А. Пейробу, конструкция «числительное + счетное слово + существительное» появляется в V–III вв. до н. э.:

Пример 3. **You yi yi bei shui jiu yi che xin zhi huo** уе. «Это все равно, что тушить полную телегу дров стаканом воды» (*Mengzi*).

Пример 4. **Sha yi niu qu yi dou rou**. «Когда он закалывает быка, он берет только одну меру (доу) мяса» (*Hanfeizi*) [10, p. 210–211].

Среднекитайский период озаглавлен активным «проникновением» счетных слов в сочетания числительного и существительного. При этом приоритет отдается препозиционному положению существительного, и такой порядок слов кардинально отличается от современного. Тем не менее, сочетания числительного и счетного слова могут встречаться и в препозиции к существительному, как это было в древнекитайском языке. Данное обстоятельство уточняется у И. Т. Зограф, которая пишет о том, что «числительное с классификатором ㄓэ, так же, как и с другими классификаторами, может находиться и после существительного. <...> Числительное – *yi* ‘один’ может опускаться при условии, что комплекс ㄓэ + существительное не является подлежащим в начале предложения» [6, с. 163]. Также И. Т. Зограф указывает на то, что соотношение числительного, счетного слова и существительного в порядке, характерном для современного китайского языка («числительное + классификатор + существительное»), «начинает употребляться с III в. н. э. и получает сравнительно широкое распространение в языке периода Лючао» [6, с. 162].

А. Пейроб выдвинул гипотезу о трансформации конструкции «существительное + числительное + счетное слово» в конструкцию «числительное + счетное слово + существительное». Он объясняет это изменение переосмыслением сочетания числительного и счетного слова в качестве сказуемого в первых двух примерах в определении главного слова-существительного (см. примеры 3 и 4). Поскольку для китайского языка характерно расположение определения в препозиции к главному слову, то сочетание числительного и счетного слова после осознания его как определения перешло в препозицию к существительному [10, p. 210–211].

Существует также версия, что конструкции «существительное + числительное + счетное слово» и «числительное + счетное слово + существительное» не имеют ничего общего. Последняя появилась в позднем древнекитайском из сочетания числительного и существительного. А конструкция «существительное + числительное + счетное слово» появилась в доархаичном периоде или даже раньше из сочетания существительного и числительного. У этих конструкций разные дискурсивно-прагматические функции:

– «существительное + числительное + счетное слово» обычно содержит новую информацию и характерна для перечислений, когда значение числительного очень важно;

– «числительное + счетное слово + существительное» не акцентирует внимание на количестве, зачастую это числительное ‘один’, и в большинстве случаев оно используется метафорически, как неопределенный артикль *a* в английском языке [10, p. 211].

Среднекитайский период характеризуется наличием эпентез 单 *dān* или 丹 *dān* для обозначения отсутствия цифры в разряде, что является функцией нуля, который в то время еще не употреблялся: 二百单五 «двести пять»; 一百单八 «сто восемь»; 一千丹八 «тысяча восемь» [9, p. 146–147; 11, p. 10].

Что касается произношения количественных числительных среднекитайского периода, то С. Е. Яхонтову удалось реконструировать фонетический облик всех числительных первого десятка. Напомним, что в древнекитайском периоде он был восстановлен лишь у числительных «один», «три», «пять», «семь», «восемь» [7, с. 218–220]. Имеющиеся данные приведем в табличной форме.

Таблица 1

Реконструкция произношения числительных в древнекитайском и среднекитайском периодах развития языка

числительное	древнекитайский	среднекитайский
один	?iet	?iet7
два		ɲi6
три	sumI	sâmI
четыре		si5
пять	ŋâII	ŋo4
шесть		liuk8
семь	tshiet	tshiet7
восемь	plet	pät7
девять		kiu3
десять		ziəp8

Приведенное произношение характерно для VI–VII вв. среднекитайского языка. Для древнекитайского языка обозначены первые два тона, соответствующие классическим *pin* и *shan*. Нечетные цифры обозначают тона, входящие в высокую серию, а четные – в низкую серию, согласно реконструкции Ли Жуна (1952) [7, с. 218–220].

В целом форма записи количественных числительных в среднекитайском языке близка современной или совпадает с ней, почти не требуя толкования. В отличие от нее, произношение числительных значительно отличается от того, каким оно является на современном этапе развития языка.

Список литературы

1. Банкова, Л. Л. Китайские комплекты цифр / Л. Л. Банкова. – EDN ZDQPF. – Текст : электронный // Иностранные языки в высшей школе. – 2017. –

- № 2(41). – С. 56–60. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29869682> (дата обращения: 26.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
2. **Банкова, Л. Л.** Порядковые числительные в китайском языке / Л. Л. Банкова. – DOI 10.17238/issn2227-6564.2019.6.61. – EDN XPVASO. – Текст : электронный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2019. – № 6. – С. 61–68. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=xpvaso> (дата обращения: 26.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
 3. **Банкова, Л. Л.** Арабские и римские цифры как часть китайской семиотической системы / Л. Л. Банкова. – DOI 10.26907/2541-7738.2020.5.249-260. – EDN KDJNFU. – Текст : электронный // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2020. – Т. 162, № 5. – С. 249–260. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44154816> (дата обращения: 26.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
 4. **Баранова, К. М.** Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира / К. М. Баранова, О. Г. Чупрына. – DOI 10.18384/2310-712X-2015-6-8-15. – EDN VLRPF. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – 2015. – № 6. – С. 8–15. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25484471> (дата обращения: 26.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
 5. **Бирюкова, Е. В.** О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания / Е. В. Бирюкова, Л. Г. Попова. – EDN UMMJLF. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11–3(53). – С. 40–43. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24332852> (дата обращения: 26.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
 6. **Зограф, И. Т.** Счет предметов в среднекитайском языке / И. Т. Зограф // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока XIII годичная науч. сессия ЛО ИВ АН СССР, окт. 1977 : краткие сообщ. / [редкол.: Ю. А. Петросян (пред.) и др.]. – Москва, 1977. – С. 161–169.
 7. **Яхонтов, С. Е.** О происхождении тайских числительных / С. Е. Яхонтов // Проблемы китайского и общего языкознания : к 90-летию С. Е. Яхонтова / отв. ред. Е. Н. Колпачкова. – Санкт-Петербург, 2016. – ISBN 978-5-901724-27-9. – С. 215–222.
 8. **Bankova, L. L.** Diachronical Research of the Chinese Numerals: the Problem of Periodization / L. L. Bankova. – DOI 10.22363/09835-2020-10-18. – EDN NOWOHF. – Text : electronic // Current Issues in Modern Linguistics and Humanities : proceedings of the 12th All-Russian research and methodological conference with international participation, Moscow, Institute of foreign languages, RUDN university, March 27th, 2020 / edited by Enrique F. Quero Gervilla, Natalya Sokolova. – Moscow, 2020. – ISBN 978-5-209-09835-5. – P. 10–18. – URL: <https://www.elibrary.ru/item>.

- asp?id=43805516 (date of access: 26.06.2024). – Access mode: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
9. Liu, S. A Tentative Analysis of the Origin of Middle Chinese Grammar and Its Historical Position / Shizhen Liu, Yunxia Ji // *Macrolinguistics*. – 2007. – № 1. – P. 141–156.
 10. Peyraube, A. Historical Change in Chinese Grammar. *Cahiers de Linguistique* / A. Peyraube // *Asie Orientale*. – 1999. – № 28(2). – P. 177–226.
 11. 李文恋. 汉语“〇”概念的不同形式和相关结构 / 李文恋 // *现代语言学*. – 2013. – 第01期. – 页码: 7–14.

Bankova L. L.

Cardinal Numerals in Middle Chinese

The article considers crucial changes in recording and functioning of Middle Chinese cardinal numerals such as the stabilization of word order in “Num + MW + N” structures and the emergence of zero in the recording of numerals with a missing decade. The reconstruction of the first ten cardinal numerals phonetic layout is also analyzed.

Key words: cardinal numerals, Chinese numerals evolution, Middle Chinese, *Wenyan* (classical Chinese), Middle Chinese numerals pronunciation.

УДК 81.411.21'0'1'27(55)

Боев Эрадж Бегиджонович,
канд. ист. наук, доцент,
директор Научно-образовательного
центра востоковедения, доцент кафедры
международной журналистики
Института русского языка
ФГБОУ «НГЛУ им. Н. А. Добролюбова»
ebboev@lunn.ru

Кошкан Париса,
лаборант-исследователь Научно-образовательного
центра востоковедения,
ассистент кафедры иностранных языков
Института русского языка
ФГБОУ «НГЛУ им. Н. А. Добролюбова»
pkoshkan@lunn.ru

Арабский язык в культурном и политическом пространстве Ирана: история и современность

В статье рассматривается историческая роль арабского языка в Иране в административно-правовой, культурной и образовательной сфере. Освещена проблема лингвокультурного взаимодействия между арабским и персидским языками в различные исторические периоды. Дается оценка лингвистической реформе персидского языка в 1930-е годы XX века в Иране в контексте истории арabo-персидских языковых связей. Также освещается роль арабского языка в условиях современной языковой ситуации в Иране.

Ключевые слова: арабский язык, Иран, языковая политика, языковой туризм, лингвокультурное взаимодействие.

Иран является одним из древнейших государств Ближневосточного региона и обладает особой культурно-цивилизационной идентичностью. С VII века Иран выступает в качестве составной части исламского мира. Испытав сильнейшее арabo-исламское культурное влияние, Иран, тем не менее, сохранил специфические признаки, которые обеспечивают преемственность его культуры с древнейших времен. В первую очередь это связано с тем, что Иран смог сохранить национальное самосознание, основанное на богатейшем культурно-историческом наследии и использовании персидского языка, относящегося к иранской группе индоевропейской семьи языков и прошедшего в своем развитии ряд исторических этапов. Тем не менее, для понимания особенностей современного культурного развития этой страны, а также внутренней и внешней культурной политики Исламской Республики Иран важное значение имеет обращение к истории взаимоотношений Ирана с арабским миром. В этой связи изучение исторических аспектов распространения арабского языка в Иране, его влияния на культурную и политическую сферу, а также восприятия со стороны населения и государства в различные исторические периоды позволяет сформировать целостную

картину арабо-персидских культурных связей и определить место арабского языка в прошлом и настоящем Ирана.

Целью настоящей статьи является определение значения арабского языка в иранском культурно-политическом пространстве в исторической ретроспективе. Задачи настоящего исследования заключаются в изучении обстоятельств проникновения арабского языка в Иран, определении приоритетных каналов его распространения в ходе арабского завоевания и особенностей трансформации политического статуса арабского языка в последующем периоде истории Ирана. Также в настоящей статье освещается проблема взаимного влияния арабского и персидского языков.

В работе используются сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный и типологический методы исследования.

Новизна исследования обусловлена тем, что она в значительной степени основана на использовании работ иранских исследователей, ранее не переведившихся на русский язык.

При рассмотрении начального периода арабо-персидских культурных и языковых контактов следует отметить, что культурное и языковое взаимодействие между арабским миром и Ираном началось задолго до прихода арабов на территорию исторического Ирана. Еще в ахеменидскую (VI–IV вв. до н. э.) и парфянскую (III в. до н. э. – III в. н. э.) эпохи арабские племена Северной Аравии и южного побережья Персидского залива входили в культурное и политическое пространство Ирана. Изображения арабов как подданных персидских царей присутствуют на барельефах в Персеполисе. В более позднюю, сасанидскую эпоху, Иран политически контролировал Оман и Йемен. На южном побережье Персидского залива располагалось вассальное арабское царство Лахмидов, также находившееся под контролем Ирана. Культурное влияние Ирана на северных арабов в это время было настолько значительным, что среди них активно распространялся зороастризм. Так, приверженцами зороастризма были представители лахмидского племени Бану Тамим, в особенности входившего в его состав клана Бану Дарим [6, с. 5].

В результате арабского завоевания Ирана в середине VII века арабский язык стал официальным языком исламской религии и административного аппарата Арабского халифата. Иранский исследователь Абдолхосейн Зарринкуб (1923–1999) в своей работе «Два века молчания», вышедшей впервые в 1951 году, отмечал, что арабское завоевание было безусловной трагедией для Ирана. По мнению Зарринкуба, первые 200 лет после вторжения арабов персидский язык вел борьбу за свое существование. Ему угрожало полное вытеснение арабским языком [13, с. 125]. При этом важно отметить, что позиция Зарринкуба пользовалась наибольшей популярностью в шахское время, поскольку она соответствовала националистическому подходу в культурной политике правящей в Иране династии Пехлеви.

После победы Исламской революции 1979 года в академическом сообществе Ирана возобладал более сдержанный подход. Например, Муртаза Мутаххари («Ислам и Иран: история взаимоотношений») и Риза Шабани («Краткая история Ирана») отмечают положительные стороны арабского завоевания, в частности то, что оно стало катализатором обновления и последующего расцвета персидской культуры [7, с. 215–216], а также ее

интеграции в состав единой исламской цивилизации, в которой иранцы стали играть одну из важнейших ролей [10, с. 155]. Своего рода аргументом в пользу неоднозначности последствий арабского завоевания для развития персидского языка и иранской культуры является то, что именно в период халифата в IX–X веках на востоке Ирана, в Хорасане, на основе местной разновидности среднеперсидского языка пехлеви и арабской письменности складывается новый персидский литературный и письменный язык *дари* или *фарс-и дари* («персидский дворцовый язык»). Новый персидский алфавит отличался от арабского только тем, что в него были добавлены 4 буквы. Поскольку образованные носители новоперсидского языка, как правило, были двуязычными, на все лексические уровни персидского языка массово проникли арабские слова, которые органически вошли в персидский лексический фонд [8, с. 68]. Парадоксом арабского завоевания Ирана стало то, что оно объективно поспособствовало расширению географии использования персидского языка. На нем стали говорить представители восточноиранских этносов Центральной Азии, постепенно утратившие свои языки.

Ответом на доминирование арабского языка и арабизацию на окраинах халифата стало движение «шуубийя» (от араб. *шууб* – народы). Наибольшее распространение это движение получило именно в Иране в IX–X веках. В первую очередь оно выражалось в стремлении его представителей к сохранению персидской культуры и защите персидской идентичности и персидского языка. Известными представителями иранских шуубитов были Ибн аль-Мукаффа, Хайсам ибн Адди и др. В своих трактатах они отстаивали достоинства персидского языка и персидской культуры. Примечательно, что шуубитские мотивы нашли отражение в эпическом произведении Абулькасима Фирдоуси «Шахнаме», в языке которого арабизмы присутствуют в минимальной степени [1, с. 184].

Административно-политическая лексика эпохи арабского халифата пополнялась персидскими заимствованиями. Еще омейядскими халифами были учреждены диваны (ср.-перс. «собрание», «совет») как профильные органы государственной власти [5, с. 70]. При Аббасидах, перенесших столицу халифата в Багдад, диваны продолжали свою работу. Также в халифате была создана канцелярия визиря. С арабского языка название должности визиря буквально переводится как «несущий непосильное бремя» (от араб. «вазара»). Существует, однако, другая точка зрения, согласно которой основу этого слова следует искать в терминологии среднеперсидского языка. В ней присутствует термин «вазург». В Сасанидском Иране существовала должность вазургфармдара, которая могла быть основой для должности вазир-е азам (великого визиря) в Арабском халифате [5, с. 78–79].

В IX–XI вв. в ходе распада халифата и возрождения национальной иранской государственности (Тахириды, Саффариды, Буиды, Саманиды) персидский язык начинает конкурировать с арабским языком, который по-прежнему оставался официальным языком делопроизводства. При этом уже у Буидов, возродивших титул шахиншаха, персидский язык являлся вторым государственным языком. Постепенно с XI–XII вв. персидский язык начинает использоваться в других областях культурной жизни, хотя в этот период он все ещё уступает арабскому языку.

В Сельджукском султанате персидский язык являлся одним из официальных языков, а начиная с эпохи Хорезмшахов он становится единственным официальным языком. Важным фактом является то, что при Сельджуках при активном участии Омара Хайяма был разработан и утвержден новый персидский календарь (солнечная Хиджра, календарь Джалали), который, хотя и сохранил арабские названия месяцев, начинался с Навруза, так же, как и календарь древнеиранской эпохи. В созданном монголами на территории Ирана государстве Ильханов арабский язык впервые утрачивает свой официальный статус. В этом государстве первые 50 лет официальным языком был монгольский, затем его сменил персидский язык. Все это время арабский язык на территории исторического Ирана остается языком дипломатии, религии, поэзии, науки и т. д.

В Сефевидском государстве, так же, как и в Каджарском Иране, официальным языком оставался персидский. Тюркский язык был языком двора и армии.

С приходом к власти новой династии Пехлеви Иран отчетливо разворачивается в сторону вектора персидского национализма. С точки зрения политики нового режима, сочетающего форсированную вестернизацию с опорой на доисламское культурное наследие, арабо-исламская часть иранской культуры рассматривалась как маргинальное явление. В 1935 году в Иране была создана Академия персидского языка и литературы (Фархангестан), в задачи которой входило «очищение» персидского языка в рамках политики языкового пуризма. В первую очередь замене подлежали арабизмы. Вначале утверждение новых чисто персидских терминов шло медленно, что вызвало неудовольствие Реза-шаха, и академия была реорганизована в 1938 году. В итоге её деятельность резко ускорилась, и всего ей удалось заменить более 3500 арабских слов (или до трети всей арабской лексики) на чисто персидские, тем самым снизив их долю в персидской лексике с 60% до 40% [12, с. 305]. Например, были введены слова: пезешк (врач) вместо араб. табиб, данешкаде (факультет) вместо араб. куллийе, шахрдари (мэрия) вместо араб. балядийе. Были возрождены или созданы заново административные термины на основе древнеперсидского и среднеперсидского языков [2, с. 69]. Таким образом, деятельность Первого Фархангестана значительно повлияла на персидский язык, резко снизив в его лексическом фонде процент арабизмов. После роспуска академии в 1941 году через некоторое время ее деятельность была возобновлена уже при новом шахе, который создал Второй Фархангестан (1970–1979 гг.), продолживший активную борьбу с арабизмами [11, с. 112].

После Исламской революции 1979 года отношение к арабскому языку в Иране кардинально изменилось. Он стал обязательным предметом во всех иранских школах, его знание стало всячески поощряться, арабские заимствования более не преследовались. Данное обстоятельство связано с усилением роли ислама во внешней и внутренней политике, с особенностями политического курса Исламской Республики, в первое время ориентировавшейся на экспорт исламской революции в другие исламские страны региона, в первую очередь, арабские. Следует отметить, что в ряде арабских стран находятся важные для мусульман-шиитов центры – Эн-Наджаф, Кербела, Куфа в Ираке, мечеть Зайнаб – дочери Али – в Дамаске

(Сирия). Наиболее активные отношения Иран в настоящее время развивает с такими арабскими странами, как Сирия, Йемен и Оман.

Тем не менее, в конечном итоге массового возвращения арабской лексики в персидский язык не произошло. Все новые персидские слова, возникшие в результате политики пуризма при династии Пехлеви, сохранились и продолжают активно использоваться и в настоящее время. При этом в Иране усилилась борьба с заимствованиями из европейских языков, вошедшими в персидский язык в основном в XX веке. В 1990 году в Иране был учрежден Третий Фархангестан, который возглавил эту борьбу.

В последнее время в иранском обществе вновь появляется определенный тренд, в основном в академической среде, связанный с использованием исключительно персидских слов. Подобные выступления плохо понятны простым иранцам и нуждаются в специальном переводе.

В соответствии с законодательством Исламской Республики Иран, на всей ее территории единственным языком официального делопроизводства, а также обучения в образовательных учреждениях всех уровней, остается персидский язык [3, с. 114]. Вместе с тем статья 15 Конституции ИРИ разрешает использование местных языков в СМИ, а также преподавание национальных литератур в средних школах. Особая роль арабского языка подчеркивается в статье 16, в которой этот язык назван языком Корана и исламских наук, связанным с персидской литературой. Отмечается обязательность его преподавания в средних школах страны вне зависимости от их специализации [4].

Следует также отметить и тот факт, что на территории Ирана проживает арабское этническое меньшинство, преимущественно на территории остана (провинции) Хузестан, а также в гораздо меньшей степени в провинциях Илам, Тегеран, Хормозган, Бушир, Фарс, Семнан, Керман, Хорасан, Керманшах и Кум. Примерное количество иранских арабов – 1,5 миллиона человек, что составляет около 2% от общего числа населения страны [9]. Примечательно, что во время ирано-иракской войны (1980–1988 гг.) попытки режима Саддама Хуссейна вызвать антииранские выступления арабов в Хузестане не увенчались успехом. Это во многом связано с многовековыми традициями добрососедских отношений местных арабов с персидским населением, а также с тем, что хузестанские арабы в религиозном отношении являются шиитами, так же, как и персы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы об исторической роли арабского языка в культурном и политическом пространстве Ирана. Следует отметить, что связи между арабским миром и Ираном, арабским и персидским языками восходят к древнейшему периоду в истории иранской государственности. Уже в доисламский период начинаются арабо-персидские языковые контакты, которые в то время имели односторонний характер (заимствования из персидского языка в арабский язык), что было обусловлено доминированием Ирана и его культуры в регионе. В ходе арабского завоевания в VII веке господствующая роль в Иране перешла к арабскому языку, повлиявшему на формирующийся новоперсидский язык. При этом персидский язык продолжил влиять на арабский язык в части заимствования терминов политико-административной лексики. С XII века персидский язык возвращает себе официальный статус в

Иране при параллельном использовании арабского в делопроизводстве, науке и образовании. В дальнейшем арабский язык окончательно теряет статус государственного языка в Иране, а в эпоху правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.) происходит его маргинализация в связи с националистическим характером государственной политики монархического Ирана. Исламская революция 1979 года повысила роль арабского языка в стране, но при этом персидский язык сохранил свою главенствующую роль в качестве единственного государственного языка в Иране. Арабский язык сохранил важное значение в религиозной и культурной жизни Ирана, а также на региональном уровне в среде арабского национального меньшинства.

Подводя итог настоящему исследованию, можно констатировать, что арабский язык в Иране в настоящее время является частью этнокультурного многообразия этой страны, он тесно связан с ее историей и культурой, религиозными ценностями и особенностями современного внешнеполитического курса, в рамках которого Иран развивает добрососедские отношения с арабскими странами региона.

Список литературы

1. **Беков, К.** Шуубитская литература и поэты / К. Беков // Вестник Педагогического университета. – 2019. – № 2(79). – С. 181–191.
2. **Боев, Э. Б.** Государственная языковая политика Ирана: история и современность / Э. Б. Боев // Языковая политика и лингвистическая безопасность : материалы IV Междунар. науч.-образоват. форума, Нижний Новгород, 1–2 окт. 2020 г. / отв. за вып. Р. М. Шамилов. – Нижний Новгород, 2020. – ISBN 978-5-85839-354-2. – С. 66–75.
3. **Каменева, М. С.** Языковая политика в Иране во втором десятилетии XXI века: традиции и инновации / М. С. Каменева // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 4 ч. – Тамбов, 2017. – № 12(78), ч. 2. – С. 114–118.
4. **Конституция Исламской Республики Иран.** – Текст : электронный // Мастерская конституционного дизайна : [сайт]. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (дата обращения: 29.04.2024).
5. **Малаери, М. М.** Культура Ирана в доисламскую эпоху и ее влияние на мусульманскую цивилизацию и арабскую литературу / Мухаммад Мухаммади Малаери. – Москва : Научная книга, 2013. – 328 с. – ISBN 978-5-91393-117-7.
6. **Мишин, Д. Е.** Арабы-зороастрийцы в доисламской Аравии / Д. Е. Мишин // Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. – 2021. – № 1. – С. 3–17.
7. **Мутаххари, М.** Иран и ислам: История взаимоотношений / Муртаза Мутаххари ; пер. с перс., примеч. М. Махшулова. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2008. – 225 с. – ISBN 978-5-85803-381-3.
8. **Сатцаев, Э. Б.** Арабские заимствования в иранских языках (осетинский и персидский) / Э. Б. Сатцаев // Современные тенденции развития науки и технологий : сб. науч. тр. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. 31 окт. 2015 г. : в 10 ч. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород, 2015. – ISSN 2413-0869. – Ч. 4. – С. 66–70.

9. **Хузестанские арабы.** – Текст : электронный // Большая российская энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/4672211> (дата обращения: 29.04.2024).
10. **Шабани, Р.** Краткая история Ирана = A selected history of Iran / Риза Шабани ; [пер. Е. А. Морозова]. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2008. – 384 с. – ISBN 978-5-85803-380-6.
11. **Meskoob, S.** Iranian Nationality and the Persian Language / S. Meskoob. – Washington, D.C. : Mage Pub., 1992. – 191 p. – ISBN-13. 978-0934211215.
12. **Perry, J. R.** Language Reform in Turkey and Iran / J. R. Perry // International Journal of the Middle East Studies. – 1985. – № 17. – P. 295–311.
13. **امالسا ییادتبا نرق و د رد ناریا خیرات: توکس نرق و د نیسح لادبع بوک نیرز** / زارینکوب, А. **Два века молчания: история Ирана в течение двух первых веков ислама, от арабского вторжения до установления правления Тахиридов («До карн сукот: Тарих-е Иран дар до карн ибтедаје ислам аз хамлие араб та тасиси Тахериян»)** / Заринкуб Абдолхоссейн. – 2-е изд. – Тегеран : [Б. и.], 1957 (1336). – 343 с.].

**Boev E. B.,
Khoshkhan P.**

Arabic Language in the Cultural and Political Area of Iran: History and Modernity

The article examines the historical role of the Arabic language in Iran in the administrative, legal, cultural and educational spheres. The problem of linguistic and cultural interaction between the Arabic and Persian languages in various historical periods is considered. An assessment is made of the linguistic reform of the Persian language in the 1930s of the twentieth century in Iran in the context of the dynamics of Arab-Persian linguistic ties. The role of the Arabic language in the current linguistic situation in Iran is also studied.

Key words: Arabic language, Iran, language policy, language purism, linguistic and cultural interaction.

Серебряк Марина Владимировна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
marinasv86@gmail.com

Интертекстуальные особенности древнерусского текста

В статье рассмотрены некоторые аспекты дискурсивного анализа древнерусского текста. Отмечено, что полнота понимания смысла этих произведений возможна только в контексте православной культуры и теоцентрического мировоззрения. Одной из их выразительных характеристик является интертекстуальность, проявляющаяся в различного рода включениях фрагментов Священного Писания в канву произведений. Автор осуществил попытку анализа роли интертекстуальности в понимании данных произведений.

Ключевые слова: древнерусский текст, дискурсивность, интертекстуальность, теоцентрическое мировоззрение.

Новый виток современных исследований древнерусского текста обусловлен развитием дискурсивных методов изучения. Наблюдаются попытки изучения произведений словесности с погружением в мировоззренческий и культурологический контекст, что позволяет получить новые смыслы в интерпретации текстов. В этом аспекте особый интерес представляет подход профессора А. Н. Ужанкова, разработавшего «концептуально новую научную платформу» исследования средневековой книжности с позиции самого Средневековья, с учетом специфики православного мировоззрения и церковной культуры [8; 9; 10]. Многие исследователи XX века не могли говорить о религиозном содержании древнерусских текстов по причине богоборческой идеологии, они лишь указывали на их специфичность. Так, А. С. Курилов писал, что в изучении «Слова о полку Игореве» и других древнерусских текстов следует говорить о специфической «художественности» и не подходить к их изучению с мерками, применяемыми для литературных произведений Нового времени [3, с. 177]. Одной из особых характеристик древнерусского текста является интертекстуальность, выражающаяся в обязательном наличии различного рода включений библейских фрагментов в текст произведения. Понимание цели этих включений, их смыслового разворачивания возможно только при дискурсивном подходе, то есть, при анализе текста в контексте эпохи и мировоззрения книжников. Таким образом, целью данной статьи является анализ интертекстуальности древнерусского текста как одной из его основных текстообразующих характеристик.

Современные дискурсивные методы исследования предполагают, что новые возможности интерпретации смыслов появляются при изучении «текста, погруженного в жизнь». Автор этой цитаты Н. Д. Арутюнова

определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [1, с. 136]. Для того, чтобы понимать истинный смысл древнерусского текста, необходимо «погрузить» его в естественную историко-культурную среду, исследовать с позиции средневекового восприятия. Известно, что авторами большинства текстов были монахи, священники – люди, посвятившие свою жизнь служению Богу. Понимание того, что древнерусские книжники – это носители теоцентрического мировоззрения, и то, что, отказавшись от мира, они не могли создавать «светские» тексты «среднего» стиля, например, летописи, наталкивает исследователей на поиск иных аспектов интерпретации данных текстов.

Среди многих аспектов дискурсивности древнерусских текстов одним из важнейших является интертекстуальность, которая проявляется в полноте многообразия – от прямых цитат и отсылок к текстам Священного Писания до имплицитных аллюзий, скрытых в подтексте. Н. В. Петрова, проанализировав различные определения понятия «интертекстуальность», выделяет такие главнейшие характеристики: интертекст – это «мозаика цитаций» (Ю. Кристева), «наличие в тексте элементов (частей) другого текста» (В. А. Лукин), «взаимосвязь текстов и / или их фрагментов как в плане содержания, так и в плане выражения» (В. Е. Чернявская), «диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» (С. Ю. Гаврикова) и др. [5, с. 196–197]. Отметим, что, не зная претекста, читатель не сможет правильно воспринять замысел автора, который выстроил композицию произведения, опираясь на смысловую составляющую цитируемого текста. В этой связи становится понятным, почему особое затруднение в понимании для современного читателя вызывают именно древнерусские произведения, поскольку они существенно отдалены от современного человека и мировоззренческими установками, и опорой на малознакомые библейские тексты. Интертекстуальные отсылки подчеркивают узловые моменты содержания и защищают замысел автора от привнесения других смыслов, тем самым обеспечивают определенную инвариантность и адекватность интерпретации. Это положение становится очень важным в понимании древнерусского текста, поскольку достойным уважением и обязательным среди книжников считалась опора на Священное Писание.

Отметим, что интертекстуальность имеет двоякую направленность и может рассматриваться как: 1) модель текстообразования, авторская стратегия построения текста; 2) способ его восприятия читателем. Для полноты понимания функций интертекстуальности приведем высказывание Е. Г. Воскресенской: «Основными функциями всех видов включений в интертекстуальности являются композиционная (интексты определяют композицию или структуру произведения), характерологическая (использование интекстов для характеристики персонажей, интердискурсивные включения в речи), образная (интермедиальные включения, вербализирующие памятники и предметы искусства), сатирическая (передача несоответствия внешних и внутренних черт персонажей, социального статуса притязаниям и т. д.), эйдологическая (в сильных позициях, влияющих на интерпретацию всего произведения или его части), оценочная и

комментирующая (обращение к опыту и авторитетам прошлого для оценки событий, героев)» [2]. Взяв за основу данную классификацию, рассмотрим некоторые компоненты в аспекте прочтения древнерусского текста.

1. Композиционная интертекстуальность проявляется весьма выразительно в русском летописании. Так, А. Н. Ужанков, проводя параллель с «Откровением» Иоанна Богослова и тропарем службы первой недели Великого поста («На Страшном судилищи без оглагольников обличаются, без свидетелей осуждаются; книги бо совестные разгибаются и дела сокровенные открываются»), заключает, что идея летописания – это создание «совестных» книг, т. е. «знающих и повествующих о человеческих деяниях» [10, с. 299]. Так становится понятным, почему в «Повести временных лет» подробно повествуется о княжеских злодеяниях, поскольку за эти дела они будут отвечать перед Богом. Христианское мировоззрение – это, по сути, стержень, на котором строится все русское летописание. Упомянем также тесную связь композиционного построения летописей с календарем пасхалий, поскольку сам принцип изложения событий по годам с точным перечнем всех, даже «пустых», лет восходит к пасхальным таблицам. В XI веке, когда в Киево-Печерском монастыре зарождалось русское летописание, пасхалии уже были рассчитаны до 7000 года от сотворения мира (1492 от рождения Христова), поэтому был известен и перечень «временных лет». То есть, летопись в своей хронологической основе имела временной предел, обоснованный с представлениями о символике числа семь в христианстве.

2. Во многих житийных текстах имеются указания или смысловые параллели с личностями ветхозаветной истории, т. е. так проявляется характерологическая интертекстуальность. Это связано с представлениями о том, что Ветхий Завет – некий прообраз будущей новозаветной истории, поэтому считалось, что нет ничего такого в новой истории, чего не было бы в прошлом. Книжники старались найти параллели своего времени с ветхозаветным, тем самым указывая на преемственность и взаимосвязь эпох. Например, в «Повести о житии Александра Невского» читаем: «И красив он был, как никто другой, и голос его – как труба в народе, лицо его – как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его – как у царя римского Веспасиана».

3. Образная интертекстуальность. Не менее важным свойством древнерусских текстов является символизм. С помощью аллегории авторы зачастую пытались отразить то, что являлось недоступным для понимания. Проанализируем «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. В этом тексте содержится значительное количество цитат и парафраз, так что оно может показаться «цитатной мозаикой» [8, с. 52]. Главнейшая функция цитат – раскрыть важный духовный смысл через богоносные изречения, проявить повторяемость библейской истории. А. А. Алексеев, С. Я. Сендерович, исследователи «Слова» Илариона Киевского, отмечают аллегорические образы Агари и Сарры, заимствованные из Послания апостола Павла к галатам (4:22–5:1), в котором служанка Агарь символизирует прежний завет рабства; Сарра, свободная женщина, воплощает новый завет – Церковь Христа. Ранее полагали, что «Слово» –

простая «компиляция текстов кирилло-мефодиевской традиции с небольшим приспособлением к киевской теме» (Г. М. Барац). Однако это не так. Иларион не останавливается на первичном прочтении образов Агари и Сарры как превосходства благодати над законом, он, обращаясь к истории их потомков, «проясняет парадигму триумфа младшего брата над старшим» [8, с. 57]. В его концепции история предстает не традиционной двухчастной, а трехчастной – рождение Израиля, христианства и христианской Руси. Новое триединство позволяет увидеть закономерность избрания по благодати младшей отрасли. Иларион формирует новую идею, которая станет началом русской историографии: Русь, как младшая из пришедших к Богу посредством чуда, становится хранительницей Православия до Страшного Суда [8, с. 93]. С. Я. Сендерович заметил, что нужно было присоединиться к христианской истории, в которой сознание начала было неотделимо от вписывания в готовую традицию, при этом важно, что «вписывание мыслится как подлинное начало, потому что христианская история... вся состоит из новых начал» [6].

4. Эйдологическая интертекстуальность проявляется в сильных позициях текста, влияющих на его интерпретацию в целом или его отдельных частей. В «Слове о полку Игореве» гармонично сочетаются и символизм, и построение текста на основе стержневых скрытых параллелей с текстами Священного Писания. В этом аспекте А. Н. Ужанков раскрыл новые смыслы «Слова» как христианского произведения [9]. Имплицированная интертекстуальность проявляется здесь через символы, смыслы которых недоступны без знания о претексте. Ключом к пониманию служит символическое затмение солнца, которое в год злополучного похода припало на день памяти пророка Иеремии. Параллели между библейскими событиями, описанными в книге «Плач Иеремии», и походом Игоря на половцев очевидны: отступление от Бога царя Седекии, злое затмение солнца, поражение войска, плен. Слова, с которыми обращается пророк к царю, узнаваемы в произведении: «Для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из реки ее...». А слова Господа, сказанные через пророка царю, как будто обращенные к князю: «И воззовете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас; и взыщите Меня и найдете, если взыщите Меня всем сердцем вашим..., и возвращу вас из плена». Однако, в отличие от ветхозаветного царя, князь Игорь раскаивается (об этом свидетельствуют летописи), и ему «Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую», о чем в конце произведения «страсти ради, гради весели». Такая смысловая параллель помогает раскрыть истинный смысл произведения. Главной его идеей является покаяние, поскольку «радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся» (Лук. XV. 7).

5. Оценочная интертекстуальность проявляется в том, что книжники считали обязательным ссылаться на мысли авторитетов – отцов церкви; они проверяли себя, свои слова Евангелием, свидетельствами святых, достигших опытности и показавших пример высокодуховной жизни. В каждом тексте наблюдаем явное или скрытое цитирование, например, в «Повести о житии Александра Невского»: Как сказал Исая-пророк: «Так говорит Господь: “Князей Я ставлю, священны ибо они, и Я веду их”». И воистину – не без Божьего повеления было княжение его».

Таким образом, анализ древнерусских текстов засвидетельствовал, что их понимание возможно только при «погружении» в историко-культурную эпоху. Истинной целью этих творений было изложение духовного видения происходящего в преломлении через призму Священного Писания, поэтому важнейшим в понимании смысла произведений древнерусской словесности является интертекстуальность. Различного рода включения библейских текстов в композицию повествования становится своего рода ключом к пониманию важнейших духовных смыслов.

Список литературы

1. **Арутюнова, Н. Д.** Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва, 1990. – ISBN 5-85270-031-2. – С. 136–137.
2. **Воскресенская, Е. Г.** Интертекстуальные включения в произведениях И. Во : спец. 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Воскресенская Елена Геннадьевна ; Барнаульский гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2004. – 18 с.
3. **Курилов, А. С.** История литературы Нового времени: логика художественного развития от итальянского Возрождения до русского Сентиментализма / А. С. Курилов // К построению новой «истории литературы» / А. С. Курилов ; Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва, 2016. – ISBN 978-5-7809-0223-2. – С. 176–198.
4. **Лихачев, Д. С.** Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 3-е изд., доп. – Москва : Наука, 1979. – 352 с., 8 л. ил.
5. **Петрова, Н. В.** Проблема определения термина «интертекстуальность» / Н. В. Петрова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2017. – № 2(40). – С. 196–200.
6. **Сендерович, С.** Слово о законе и благодати как экзегетический текст. Иларион Киевский и павлианская теология / С. Сендерович // Труды Отдела древнерусской литературы : в 51 т. / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 51. – С. 43–57.
7. **Сендерович, С. Я.** Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии / С. Я. Сендерович // Из истории русской культуры : [сб. : в 5 т.]. – Москва, 2000. – Т. 1 : (Древняя Русь). – С. 461–499.
8. **Ужанков, А. Н.** «Слово о Законе и Благодати» и другие творения Илариона Киевского / А. Н. Ужанков. – Москва : Академика, 2014. – 350 с. – ISBN 978-5-4225-0051-8.
9. **Ужанков, А. Н.** «Слово о полку Игореве» и его эпоха / А. Н. Ужанков. – Москва : Академика, 2015. – 508, [3] с. – ISBN 978-5-4225-0097-0.
10. **Ужанков А. Н.** Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций : монография / А. Н. Ужанков. – Москва : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2008. – 528 с. – ISBN 5-7060-0089-1.

Serebriak M. V.

Intertextual features of the Old Russian text

The article considers some aspects of the discursive analysis of the Old Russian text. It is noted that the full understanding of the meaning of these works is possible only in the context of Orthodox culture and the theocentric worldview. One of their expressive characteristics is intertextuality, manifested in various kinds of inclusions of fragments of Holy Scripture into the canvas of works. The author has made an attempt to analyze the role of intertextuality in the understanding of these works.

Key words: *Old Russian text, discursivity, intertextuality, theocentric worldview.*

УДК 811.161.1'373'42'27(470.6*ЛНР)

Цурбанова Анастасия Юрьевна,
ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
ms.ozhedryanova@mail.ru

Когнитивная модель концепта *Россия* в дискурсе луганчан

Изучение концепта Россия в языковом сознании жителей города Луганска предусматривает нами проведение социолингвистического анкетирования «Интерпретационное поле концепта Россия» среди студентов Луганского государственного педагогического университета и позволяет выявить систему репрезентаций данного концепта, проанализировать особенности региональной языковой личности как носителя общественного языкового сознания в его территориальной модификации.

Ключевые слова: *концепт, социолингвистическое анкетирование, ассоциативные связи, ядро языкового сознания.*

В настоящее время в связи со сменой парадигм в лингвистике и утверждением антропоцентрической парадигмы в центре внимания исследователей находится языковая картина мира и ее составляющие – концепты. Под концептом, вслед за С. Г. Воркачевым, мы будем понимать единицу коллективного знания/сознания, имеющую языковое выражение и лингвокультурную специфику [5, с. 68]. Мышление, как способ получения и отражения знаний о мире, требует определенных знаковых систем, где язык играет важнейшую роль.

Целью исследования является создание модели концепта *Россия* как части языковой картины мира жителей Луганска, изучение особенностей отражения образа России в языковом сознании представителей данной лингвокультуры, анализ смысловой динамики, выявление трансформации данной концептуальной структуры, репрезентация данного концепта в понимании жителей ЛНР как дискурс «интеграция в Россию».

Намеченные задачи включают изучение особенностей языкового сознания молодежи Луганска, формирование чувства патриотизма и создание позитивного образа России. Концепт *Россия* воспринимается жителями ЛНР как дискурс интеграции, возвращения в культурный контекст.

Главным средством для изучения языкового сознания является социолингвистическое анкетирование. Ассоциативные связи играют важную роль в языковом сознании, позволяя исследовать язык и соответствующую языковую картину мира. Анализ анкет позволяет выявить региональные особенности языкового сознания граждан ЛНР. Ассоциативное поле рассматривается как специфическое значение, как совокупность знаний, связанных с определенным словом в сознании носителя языка. Само значение рассматривается как социокультурный феномен.

Понятие «ядро языкового сознания» является продуктивным инструментом для установления доминант обыденного языкового сознания,

а также исследования их содержания с целью выявления системности [10, с. 252]. Интересным и перспективным считается изучение содержания образов обыденного языкового сознания испытуемых в динамике. Материалы анкетирования помогают прогнозировать развитие языкового сознания граждан ЛНР и его взаимосвязь с процессами в обществе.

Мы провели социолингвистическое исследование, включающее анкетирование школьников, студентов Луганского государственного педагогического университета и представителей других социальных групп Луганска. Это исследование проводилось до того, как Луганская Народная Республика вошла в состав Российской Федерации.

Процедура социолингвистического опроса состояла в создании анкеты, которая называется «Интерпретационное поле концепта *Россия*». Исследование проводилось на основе анкетирования и анализа полученных данных. Мы опросили 538 жителей Луганска различных возрастных и социальных групп. Результаты анкетирования были обработаны и обобщены.

Социолингвистическая анкета является важным инструментом для изучения языковой ситуации в различных социальных группах и обществах. Она содержит вопросы, направленные на изучение языковых привычек, предпочтений и отношений людей в коммуникации. Наша анкета начинается с базовой информации о респонденте: его возрасте, гендере, образовании и том, какой язык он считает родным. Эти данные позволяют определить социолингвистический профиль участника и оценить его влияние на языковые привычки и предпочтения.

В социально-политической части анкеты задавались вопросы об изменениях в социуме и жизни респондентов после событий 2014 года в Донбассе, о влиянии провозглашения Луганской Народной Республики на статус и роль русского языка в нашем регионе, ограничения по использованию русского языка в официальных, деловых, образовательных, судебных и других сферах жизни, а также оценке помощи, которую Россия оказывает ЛНР в военном противостоянии с Украиной и др.

Важно отметить, что большинство респондентов выразили благодарность России за поддержку и помощь в трудные времена. Они подчеркнули, что Россия является главным союзником ЛНР и оказывает значительную поддержку в политическом, экономическом и военном плане. Опрашиваемые считают, что Россия играет важную роль в защите и обеспечении безопасности ЛНР.

В культурологической части анкеты задавались вопросы о формировании национальной идентичности россиян, исторических событиях и фактах культуры, связанных с представлением о России. Респондентам предлагалось назвать имена выдающихся российских представителей в области искусства, науки, истории, политики, спорта и т. д. Отдельным вопросом было понимание понятия «отмена русской культуры», чтобы выявить возможные угрозы, с которыми сталкивается российское культурное наследие в настоящее время.

Респонденты отметили, что русская культура сталкивается с множеством вызовов в условиях современного глобализованного мира и быстро меняющейся информационной среды. Один из таких вызовов – это ассимиляция западных ценностей, которая может привести к потере

уникальности и самобытности русской культуры. Различные культурные влияния из других стран, особенно из США и Европы, оказывают сильное воздействие на национальную культуру, ставя под сомнение ее индивидуальность и автономию.

Респонденты считают, что русская культура с ее глубокими традициями, богатой историей и уникальным художественным наследием является неотъемлемой частью национального самосознания и идентичности, а также важной частью мирового культурного наследия. Таким образом, русская культура заслуживает уважения и приверженности ее сохранению для будущих поколений. Респонденты также ассоциировали Россию со многими русскими праздниками и блюдами русской национальной кухни. Они высказали свое мнение о культурных и исторических связях с Россией и подчеркнули, что Россия и ЛНР имеют общую историю, культуру и язык, которые являются важными для них. Опрашиваемые считают, что Россия является частью их идентичности и они гордятся этим.

В лингвистической части анкеты участникам предлагалось составить ассоциативный ряд из 5–7 слов к лексеме *Россия*, указать запомнившиеся фразы, устойчивые словосочетания, связанные с именем собственным Россия, подобрать синонимы и эпитеты для этого слова, определить различия в значениях слов «русский» и «российский», а также привести примеры пословиц и поговорок, отражающих русский характер, силу русского духа, храбрости и любовь к Родине и др.

Важность социолингвистического анкетирования, направленного на изучение интерпретационного поля концепта *Россия*, проявляется в тесной связи с формированием ценностной системы и жизненными приоритетами молодых жителей Луганска, а также в оценке их собственной жизнедеятельности и места в геополитическом пространстве. Анализ результатов анкетирования способствует пониманию этнической принадлежности луганского населения и его места в контексте Русского мира. Детальный анализ концепта *Россия* в контексте дискурса Луганска позволяет сделать важные выводы не только о лингвокультурном статусе этого термина, но и о духовно-нравственной самоидентификации луганского социума и осознании его цивилизационной идентичности со стороны молодого поколения. Популярность и актуальность подобных исследований обусловлена особым вниманием к роли языка в сохранении национального самосознания.

Изучая ассоциативное поле концепта *Россия*, мы выявили, что обширную группу его элементов составляют ассоциаты, характеризующие культуру современного российского общества. Наши респонденты назвали следующие лексические ассоциации, связанные с русской культурой: *великая, богатая, старинная и разнообразная, святая* и др. Большинство опрошенных связывают Россию с такими символами русской культуры, как *русский балет, русская классика, яйца Фаберже, иконы, матрешка, балалайка и чебурашка, скоморохи*. Респонденты определяют русский язык как: *великий, могучий русский язык, многоликий, богатый, образный, трудный*; перечисляют следующие русские праздники: *Масленица, День Победы, Новый год, старый Новый год, Крещение*.

На вопрос: «Самые известные представители русской культуры и литературы?» – единогласно были названы следующие писатели и поэты:

А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, М. А. Булгаков, С. А. Есенин, А. Т. Твардовский, И. А. Бунин, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, Н. М. Карамзин, А. И. Куприн, Ф. М. Достоевский, М. А. Шолохов, К. И. Чуковский и мн. др. Также среди самых известных представителей русской культуры были упомянуты и современные артисты эстрады: *группа «Любэ», Олег Газманов, Shaman, Николай Басков, Сергей Лазарев, Елена Ваенга, Стас Михайлов, Лариса Долина, группа «Ленинград», Марина Девятова, Александр Маршал, Ирина Дубцова, Ирина Круг, Сергей Жуков, ансамбль «Золотое кольцо», Надежда Бабкина, группа «Ласковый май», Александр Малинин* и др.

Содержание тематической группы «География» составили знания и представления о масштабности российских территорий, границах РФ, регионах, морях, реках, горах, равнинах, населенных пунктах и т. п., расположенных на территории России. Для большинства респондентов страна ассоциируется со следующими лексическими моделями: *карельская тайга, снег, русская зима, холодная зима, красота русского зимнего леса, дым, экстремальные температуры, необъятные просторы природы, сибирский холод, петербургские белые ночи* и др. Концепт *Россия* у жителей ЛНР в первую очередь ассоциируется с обширной территорией: *просторная, великая, огромная, широкая, необозримая*. Представление о России связано со следующими ассоциациями русской природы: *красивая, богатая*; представителями флоры: *берёза, чертополох, камыш, одуванчик* и др.; животного мира: *орёл, медведь, снегирь* и др. Столь обширная страна, безусловно, является кладовой многих природных богатств. Были названы следующие ассоциации: *Байкал, реки и озёра, болота, Волга, Енисей, самые большие лесные ресурсы, запас газа, нефти, железных руд, торфа, сланцев*.

Тематическая группа «Кухня, кулинария» также оказалась неразрывно связана с восприятием России. Так, для большинства опрошенных русская кухня состоит из следующих ассоциатов: *блины с икрой, жареные грибы, соленья, голубцы, щи, русский борщ, пельмени, ленивые вареники, фаршированный перец, окрошка, оливье, баранки, сельдь под шубой, водка, картофельное пюре, котлеты, «Советское шампанское», узвар, пироги, чай с плюшками, каша из тыквы, уха, медовуха, кутья, куличи, холодец, жареный картофель, блюда в горшочках, кулебяка, солянка, квашеная капуста, кисель, компот, пряники, квас, каравай* и др. Кроме еды и напитков встречаются ассоциации, связанные с самим приемом пищи: *сытный обед по-русски, застолье* и его атрибутами: *самовар, деревянные ложки* и др.

Актуальные для молодых луганчан политические вопросы также встречаются среди ассоциаций, связанных с образом России. Анкетированные называют следующие ассоциации, связанные с официальной политикой РФ: *экономические возможности, патриотизм, гордость, героизм, победа ветеранов, мир, друг, победа, дух, понимание, поддержка, человечность, братья, подвиг, спасительница, гуманитарная помощь, гордость, борьба за справедливость*. Кроме того, немаловажную роль играют персоналии, которые относятся к разным политическим формам правления Российской монархии: *цари, русские князья, династия Романовых*; Российской Федерации: *Д. А. Медведев, В. В. Путин, С. С. Собянин* и др. В рамках представленной группы были выявлены единичные ассоциации, связанные с Советским Союзом: *коммунизм, коммунист, СССР*.

Также важно отметить ключевые фразы-ассоциации, связанные с современной политической ситуацией России: «СВОих не бросаем», «Один за всех», «За наших!», «Россия с нами» и др.

Образ страны не может быть не связан с народом, населяющим ее. Это доказывают такие ассоциации: *славяне, россияне, русские, добрый, дружный, мудрый, трудолюбивый, терпеливый, щедрый народ, сила русского духа, сила народного характера, сила народного единства, казачество* и др.

Тематическая группа «Одежда» состоит из следующих наименований одежды: *валенки, лапти, кокошник, шапка-ушанка, рубаха, платок, шуба, сарафан, шапка Мономаха, тулуп, шаль, кафтан, косоворотка, зипун* и др.

Тематическая группа «Жилище» состоит из ассоциаций, связанных с типом жилья и различными видами построек: *изба, коммуналка, дача, общага, баня, деревянные дома, крыльцо* и др.

Также люди ассоциируют Россию с верой: *православие, Крещение, Князь Владимир, христиане, многоконфессиональная Россия* и др.

Были выявлены ассоциации, отражающие достижения в космической сфере и математике: *Роскосмос, Байконур, спутник, космос, Гагарин, Белка и Стрелка, Терешкова* и др.

В процессе ассоциативного эксперимента были выявлены «атипичные ассоциации» концепта *Россия*: *волкодав, полет, загадочность, горизонт, противоречивость, бледность, блестящая* и др.

Исходя из анализа ассоциаций, мы можем утверждать, что в структуру концепта *Россия* входят:

1. Слова и словосочетания, называющие факты и явления природы, национальной истории и культуры: *Куликовская битва, колокол, матрешка, кукла Петрушка, гармошка, балалайка, тройка лошадей, павлово-посадский платок, клюква, липа, тайга, Великая Отечественная война, Отечественная война 1812 года, поле, конь, орел, перестройка, царь, чин, щи, Дед Мороз* и др.

2. Имена собственные: топонимы (разряд онимов, обозначающих собственное название природного объекта на Земле или объекта, созданного человеком на Земле) и антропонимы (имена реальных людей – исторических личностей, государственных деятелей, ученых, писателей, композиторов и т. д., имена мифических персонажей, фольклорных и литературных), например: *Нева, Сибирь, Камчатка, П. Чайковский, М. Глинка, С. Рахманинов, А. Макаренко, С. Аксаков, М. Плисецкая, В. Жириновский, А. Невский, Г. Потемкин, Петр I, Д. Менделеев, Л. Толстой, И. Левитан, В. Васнецов, М. Ломоносов, А. Суворов, Екатерина II, И. Сталин, Г. Жуков, А. Радищев, Екатерина Великая, Д. Голицын, И. Поддубный, Л. Яшин, Е. Плющенко, Ф. Емельяненко, А. Овечкин, Д. Шостакович, А. Сахаров, П. Черенков, И. Павлов, Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский, Б. Ельцин, В. Путин, А. Карелин, А. Курникова, И. Шишкин, А. Кабаева, Л. Русланова, Ф. Раневская, А. Рублев, Н. Гоголь, М. Булгаков, С. Королёв, Н. Пирогов, И. Грозный, И. Акинфеев, В. Соловьев, В. Танищев, А. Поветкин, И. Айвазовский, Д. Лихачев, Л. Павлюченко, Л. Брежнев, И. Стравинский, Е. Медведева, Н. Костомаров, Х. Нурмагомедов, А. Дзюба, Л. Троцкий, М. Горбачёв, Л. Черкашина, Минин и Пожарский, М. Шарапова, А. Вахонин, И. Курчатова, И. Сусанин, В. Кандинский, Д. Донской, Князь Иван III, Л. Латынина, Т. Фирова, К. Малевич, М. Шагал, А. Павлова, А. Вертинский,*

Ф. Шаляпин, В. Вернадский, Е. Исинбаева, Б. Нижинская, Владимир Креститель, П. Федотов, Л. Эйлер, В. Татищев, И. Мечников, Л. Выготский, М. Щербатов, С. Шойгу, В. Третьяк, Г. Каспаров, М. Ботвинник и др.

3. Названия общеизвестных литературных произведений: «*Недоросль*», «*Бедная Лиза*», «*Горе от ума*», «*Евгений Онегин*», «*Пиковая дама*», «*Капитанская дочка*», «*Герой нашего времени*», «*Вечера на хуторе близ Диканьки*», «*Мертвые души*», «*Ревизор*», «*Обломов*», «*Муму*», «*Отцы и дети*», «*Война и мир*», «*Анна Каренина*», «*Преступление и наказание*», «*Гранатовый браслет*» и др., произведений изобразительного искусства, музыки, театра и кино, например: «*Бурлаки на Волге*», «*Утро в сосновом лесу*», «*Неизвестная*», «*Алёнушка*», «*Золотая осень*», «*Грачи прилетели*», «*Чёрный квадрат*», «*Девятый Вал*», «*Богатыри*», «*Женитьба*», «*Гроза*», «*Дядя Ваня*», «*Вишневый сад*», «*Щелкунчик*», «*Лебединое озеро*», «*Место встречи изменить нельзя*», «*Осенний марафон*», «*Темная ночь*», «*Руслан и Людмила*», «*Ирония судьбы*», «*Броненосец Потемкин*», «*Вызов*», «*Бригада*», «*Утомленные солнцем*», «*Холоп*», «*Географ глобус пропил*», «*Вий*», «*Ночной дозор*», «*Т-34*», «*9 рота*», «*Стиляги*», «*Горько*», «*Бой с тенью*», «*Брат*», «*Особенности национальной охоты*», «*Мастер и Маргарита*», «*Бременские музыканты*», «*Воздух*» и др.

На основе проведенного анкетирования выявлен ряд ключевых особенностей в языковом сознании жителей Луганска относительно концепта *Россия*. Большинство респондентов ассоциируют Россию с крупным государством, богатым историческим наследием и разнообразием культур.

Исследование также показало, что индивидуальный опыт, медиа и публичная дискуссия о российских реалиях оказывают значительное влияние на концепт *Россия* в языковом сознании жителей Луганска. Элементы географического приближения и культурных связей с Россией также играют важную роль в формировании концептуального представления молодых луганчан.

Анализ полученных в ходе ассоциативного эксперимента данных позволяет выявить и структурировать образ России, репрезентированный в языковом сознании участников эксперимента. Стереотипность представления о России отражают следующие реакции или «штампы сознания»: *береза, балалайка, медведь, матрешка, сарафан, кокошник* и т. д. Области референции представлены достаточно широко: география; территориальное, государственное устройство; социально-трудовые отношения; политика; культура, язык; жизнь знаменитых людей; природа, природные явления, растительный мир; взаимоотношения людей; семья; оценка; ощущения / чувства / переживания (*Ольга, Святослав, Иван Калита, Ярослав Мудрый, Александр Невский, матушка, общий дом, фундамент, эстафета духовности, духовно-нравственные скрепы, русская культура – душа России* и т. д.).

Язык является отражением глубинных уровней ценностного сознания, связанных с характеристиками и менталитетом каждой национальной культуры. Одним из важных показателей в этом контексте является способ оценки, проявляющийся в реакциях, связанных с ассоциативно-вербальными полями концепта *Россия*. Этот концепт является сложным и многогранным явлением, включающим конкретные и абстрактные, рациональные и эмоциональные, универсальные и этнические, общенациональные и

индивидуально-личностные аспекты. Анализ когнитивных характеристик концепта *Россия* и их выражение в языке позволяет утверждать, что каждый из этих аспектов может стать предметом отдельного лингвокультурологического исследования. Особый научный интерес вызывают метафорические модели, связанные с концептом *Россия*. Исследование таких моделей способствует получению новой информации о современном общественном сознании и культуре. Изучение языка и культуры помогает провести лингвокультурологический анализ, позволяющий глубже понять тексты и национальную культуру. Это также помогает осознать уровень национального сознания граждан современного общества и понять глубинные причины социально-политических преобразований, направленных на изменение ценностных ориентиров россиян.

Список литературы

1. **Алефиренко, Н. Ф.** Проблема вербализации концепта: теоретическое исследование / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 326 с.
2. **Апресян, Ю. Д.** Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – 767 с. – ISBN 5-88766-045-7.
3. **Вежбицкая, А.** Понимание культур через посредство ключевых слов / Анна Вежбицкая ; [пер с англ. А. Д. Шмелева]. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 287 с. – ISBN 5-7859-0189-7.
4. **Воркачѳв, С. Г.** Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачѳв // Труды Кубанского государственного технологического университета. Серия «Гуманитарные науки». – Краснодар, 2003. – Т. 17, вып. 2. – С. 268–276.
5. **Воркачѳв, С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачѳв // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
6. **Карасик, В. И.** Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : [сборник / науч. ред. И. А. Стернин]. – Науч. изд. – Воронеж, 2001. – ISBN 5-9273-0130-4. – С. 75–80.
7. **Карасик, В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с. – ISBN 5-88234-552-2.
8. **Краткий словарь когнитивных терминов** / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с. – ISBN 5-89042-018-1.
9. **Степанов, Ю.** Константы : слов. рус. культуры / Юрий Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Академический проект, 2004. – 992 с. – ISBN 5-8291-0388-5.
10. **Уфимцева, Н. В.** Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) : [в 2 т.]. Т. 1. От стимула к реакции / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова ; Российская акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Московская междунар. акад. – Москва : Московская междунар. акад., 2018. – 542 с. – ISBN 978-5-904360-73-3.

Tsurbanova A. Y.

Cognitive Model of the Concept Russia in the Discourse of Lugansk Citizens

The study of the concept of Russia in the linguistic consciousness of the inhabitants of the city of Lugansk provides us with the sociolinguistic questionnaire «Interpretation field of the concept of Russia» among the students of Lugansk State Pedagogical University and allows us to reveal the system of representations of this concept, to analyse the features of the regional linguistic personality as a carrier of public linguistic consciousness in its territorial modification.

Key words: *concept, sociolinguistic questionnaire, associative links, core of linguistic consciousness.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 821.14'02–21.09:[159.942:111.852]

Аулов Анатолий Михайлович,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры русской и мировой литературы
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
mikhailovich-a@mail.ru

Идейно-художественные стороны произведения: его роль в катарсисе (развитие идей работ философа и эстетика М. А. Лифшица и его школы на примере классической трагедии Эсхила «Орестея»)

Являясь продолжением статьи автора «Демоническое как объективное содержание образов мифологии и трагедии (в работах философа и эстетика М. А. Лифшица)», статья «Идейно-художественные стороны произведения: его роль в катарсисе» написана теперь не столько с целью выделения и комментирования теоретических положений об объективной стороне образа выдающегося философа и эстетика М. А. Лифшица и его школы, сколько применения выявленных в его работах на эту тему принципов к истории литературы, в связи с ними проведения анализа идейно-художественных сторон классической трагедии, являющихся субъективной формой, которая выражает и усиливает объективное содержание. Это позволило расширить и уточнить качество катарсиса как важнейшей функции искусства.

Ключевые слова: катарсис, ложные идеи, негативные эмоции, положительные эмоции и чувства, привитие верных идей, коренное изменение души; средство воспитания всего общества.

Эта статья – своеобразное углубление темы предыдущего материала: «Демоническое как объективное содержание образов мифологии и трагедии (в работах философа и эстетика М. А. Лифшица)» [1], которой и ранее и сейчас касаются чрезвычайно редко. Эта тема фундаментального характера о роли объективного содержания художественного образа в мифологии и важных литературных, драматических видах: трагедии и комедии, в том числе как моделей действительности, раскрыта с целью также проникновения в тайны катарсиса. Новая статья уже написана не столько на основе выделения и осмысления теоретических положений об объективном выдающегося философа и эстетика М. А. Лифшица и его школы, сколько применения выявленных в его работах принципов к истории литературы, что позволило в свою очередь теоретически расширить и уточнить многие свойства катарсиса как важнейшего свойства искусства.

Цель работы – более глубоко понять объективную сторону художественного образа, осмыслив роль базирующейся на объективном

смысле же субъективной его стороны, выражающей и усиливающей эту объективность, и преобразовывающей за счет всего этого в форме катарсиса психологию, мировоззрение зрителя, читателя, слушателя. Для этого обратиться к пристальному анализу идейно-художественной стороны классической трагедии Эсхила «Орестея», что является в значительной степени, хотя и не во всей, субъективной формой, выражающей и усиливающей объективное содержание. В ходе этого расширить и уточнить свойства, входящие в качество катарсиса как важнейшей функции искусства.

«Орестея» Эсхила – единственная дошедшая до нас трилогия. Что это значит? В ней изображалась судьба трех поколений одного рода. Почему? Поймете позже. Существовал миф, не трагедия, а миф о проклятии в роду Атрея. Он пригласил детей Фиеста, убил их! *Сварил мясо, и, пригласив отца, накормил его... мясом собственных детей!* (Курсив автора) За это преступление боги прокляли три поколения атридов – потомков Атрея. Каждый из этого рода (а к нему принадлежал Агамемнон и его сын Орест) должен был погибать, расплачиваясь за преступление предка. Каков смысл мифа? Идея родового проклятия.

Но не такова идея трагедии Эсхила. (Не путать содержание мифов и трагедии). В ней отчасти повторяется идея мифа: вспоминается о преступлении предка, но этот смысл затенен и отодвинут на второй план, но появляются *и новые смыслы, и акцент* поставлен именно на них. Скажем сразу: в трагедии есть идея *личной вины погибающего, а не столько вины предка*, за которую расплачиваются потомки; а *наиболее значима вина убивающего из-за преступных эгоистических стремлений*, это *Клитемнестра – главная виновница*.

Что значат эти изменения в содержании? Эсхил ставит вопрос о самостоятельности, некоторой независимости, личной ответственности человека, его *свободе воли* (хотя полностью связь с богами у него не разорвана).

Первая часть великой трагедии называется «Агамемнон». Дозорный должен зажечь костёр – это значит возвращается с победой с войны под Троей владыка мужей Агамемнон. Весть должна передаться с горы на гору огнями костров из-под Трои мгновенно по всей Греции. (Как у нас на вышках поджигали костры, чтобы предупредить о набеge со стороны дикого поля). Дозорный целый год ждал этого сигнала! Под дождём, снегом, ветрами! И он говорит это на фоне *чёрного* неба!

Что это за образ: колышущиеся языки пламени на фоне огромного (!), черного (!) неба? В XIX веке бихевиористы открыли закон колорита, по которому, если разместить все цвета радуги на одной поверхности, то они не будут впечатлять, эмоционально задевать. Но если изобразить только три цвета на чёрном фоне, то они будут кричать, впечатлять, сильнейшим образом воздействовать на вас! Таков закон колорита. У Эсхила черное небо служит фоном для красных колышущихся языков пламени. Он не был знаком с этим законом, но он великий художник, а художники – это органы чувств и мыслей народа, они могут и помимо научных знаний создавать самые впечатляющие образы. Большинство же людей более «толстокожи», менее чувствительны. Но нас научают более глубоко, тонко чувствовать именно великие писатели, поэты и художники.

Огромное черное небо и пылающие языки пламени костра на его фоне. Как это действовало на зрителей? Что они чувствовали? Греческие зрители знали мифы: что будет с Агамемноном – он будет убит. Поэтому в этом контексте пламя вызывало чувство тревоги, а грандиозность черного неба вызывала это же чувство, но еще более усиленное – *очень сильного, давящего страха*. (Как вы помните из теории, *трагедии начинаются с ужасного – сильнейшего страха*). Этот образ, предваряя, настраивает нас на *ситуацию ужасного* в дальнейших сценах, *после чего начинается собственно трагедия*.

И вот едет в боевой колеснице победитель в войне под Троей Агамемнон! Рядом с ним – Кассандра, его наложница. Дома его встречает жена Клитемнестра (Клитемэстра – второй вариант написания и произношения). Нельзя судить о людях того времени, исходя из наших представлений о моральных нормах. В ту эпоху мужчина, если его жена не могла родить детей, мог иметь наложницу. Агамемнон объясняет на возможную ревность жены, что ему Кассандру как добычу на войне отдали, присудили воины. Конечно, это нехорошо с современной моральной точки зрения, но подчеркнем, надо судить о людях того времени и по принятым ими нормам (пусть и не бесспорным для всех, например, Клитемнестры), чтобы не быть вульгарными исследователями.

Перед дворцом их ждёт Клитемнестра, приказав постелить пурпурный, ярко-красный ковер. Она закатывает длинную речь! Даже Агамемнон, не выдержав, говорит: *твоя речь длинна, как война под Троей*. Что значит длинная речь во время встречи после долгого десятилетнего расставания? Как люди встречаются, если они не виделись долго? Обнимаются, целуются, если принято; произносят слова прерывисто от волнения. Но говорить долго, продуманно – невозможно. Кроме того, что значит сравнение Агамемнона «как война»? Что такое война? Это вражда между людьми. Следовательно, какие отношения между Клитемнестрой и Агамемноном? Их отношения холодные, даже враждебные.

Клитемнестра притворно уговаривает Агамемнона ступить на кроваво-красный ковер, чтобы будто бы оказать ему необычайную честь. Он сначала возмущён: эта честь достойна только богов! Он с дороги, – запылен, грязен. Что будет, если эта честь – ковёр, предназначенный только для богов, будет принята Агамемноном? Их гнев падёт на его голову.

Значит, уговаривая ступить на ковёр, что делает Клитемнестра? Она лицемерит, подло провоцирует Агамемнона. Она не то, что не любит Агамемнона, она люто его ненавидит! Ковёр – это *не образ, а символ* – условный знак, обозначающий что-то иное. Он – символ будущей гибели Агамемнона. Это *реалистический символ* (от лат. «реальный – вещественный, предметный»), т.к. цвет ковра не полностью условен, а напоминает действительный цвет крови.

Откуда же такая ненависть! Клитемнестра объясняет это мстостью за дочь Ифигению, которую Агамемнон принес в жертву, когда боги не давали ветра отплыть под Трою. Она хочет выдать задуманное убийство любовью матери. Но так ли это? Чтобы разобраться в этой проблеме, давайте обратимся к *системе образов детей* в трагедии. Во второй части трилогии – «Жертва у гроба» (или в других изданиях «Хоэфоры») – Клитемнестра еще

одну дочь, Электру, лишила, по словам же Электры, наследства. Скажите, любит она вторую свою дочь Электру? Нет? Конечно, нет!

Давайте посмотрим на её отношение к еще одному ребёнку – сыну Оресту. Услышав ложную весть о его гибели, она чувствует удовольствие. По словам плачущей кормилицы Ореста, царица «перед слугами // Прикинулась печальной, а в глазах ее // таится смех. Обрадовали странники // вестями госпожу» [2]. Любит ли она этого своего ребёнка? Ответ однозначен. Если она двух из трех детей не любит, вернее, как бы любит, любит не вполне, поверхностно, ненадежно, т. е. если её личные интересы сталкиваются с интересами детей, то она выбирает свои, – любовь к детям на этом кончается. Она не чистая эгоистка. Эгоист любит только себя, но перед нами сложный случай, когда человек как бы любит и других, даже заботится о них, но в ситуации выбора: свой интерес или интерес другого (здесь детей), – выберет свой. То есть, такой человек не абсолютный эгоист, но и не нормальный человек, а такой, который любит себя в *итоге*, эгоист в *конечном* счете.

Поэтому её объяснение: почему она хочет убить Агамемнона в *основе* своей неверно, это вранье. За этим скрывается подлинное *личное* желание, убив Агамемнона, поставить у кормила власти любовника – *Эгиста*, или Эгисфа, так и так у нас принято писать. Клитемнестра – властная женщина, способная стать ради этого преступницей!

Агамемнон все же ступил на ковер и взошел во дворец. Теперь Клитемнестра лицемерно уговаривает войти и Кассандру. Известно, что ее когда-то полюбил бог Аполлон, но она отказала ему во взаимности. Тогда он наказал ее! Дав дар предвидения, он сделал так, что никто-никто не верил ей.

Образ Кассандры был и в «Илиаде» Гомера о войне под Троей. На войне не только погибают, что вызывает страх физической смерти, война – это еще для многих тяжелые духовные муки. Ведь вокруг гибнут родные, близкие, друзья, и человек остается один. Кассандра в «Илиаде» была образом страшного *одиночества* человека на войне.

Это станет в «Орестее» средством усиления гнева на убивших ни в чем невиновного, беспредельно незащитного в одиночестве, поэтому неимоверно слабого человека: Клитемнестру и Эгиста. В трагедии Эсхила это образ *ужасающего бессилия* человека, знающего о своей гибели. Кассандра видит, как будут убивать Агамемнона, как будут убивать ее... Молит, кричит, но ей никто, никто не верит. Мимо проходит один эпизодический персонаж и говорит: в доме приготовлена овечка... и наточен нож! Это прием *развернутой метафоры*. Овечка – это жертва – Агамемнон, а нож – орудие убийства его и ее – Кассандры. Для чего дан этот даже не второстепенный, а третьестепенный персонаж? Чтобы *усилить воздействие ужаса* на зрителя, вызванного сначала *образом костра на фоне черного неба*, затем усиленного *кроваво-красным ковром* – символом будущей судьбы, смерти Агамемнона, далее – *чувством бессилия* Кассандры усилить еще раз *угрозой убийства* во дворце. Ужасное подошло к своей кульминации.

Кассандра скрывается во дворце. Двери его закрываются. У греческих драматургов существовал негласный закон: не показывать на сцене убийство. Они чувствовали опасность этого для воспитания людей. Почему опасно показывать, просто показывать, без оценки, процесс

убийства можно понять на основе знаний современной науки. Убийство чаще происходит в быстром темпе. Когда человек наблюдает быстрые движения: в единоборствах, играх, например, футболе, то его мышцы в ослабленной форме, но повторяют работу мышц борющихся, движущихся. Такая активность заставляет организм выбросить адреналин, норадреналин, что ведет к большому потреблению кислорода. Возникает эйфория – повышенно-радостное настроение. Зрители возбуждены, они быстро перемещают тело, меняя позы, размахисто разводят руками, более всего веселятся, кричат в зале, на стадионе. Возникает, примерно, то состояние, когда вы с небольшим грузом слегка спешили домой, и, войдя, чувствуете легкий подъем сил: глаза блестят, вы радуетесь.

Так вот и при виде убийства: человека убивают, а вы радуетесь, невольно, физиологически, но радуетесь! Поэтому процесс убийства, показанный просто как процесс, может воспитать «отморозков», на жаргоне следователей, поэтому у греков мы не видим убийство, а только слышим крики убиваемых людей. А так как страхи у каждого человека свои, то такое изображение еще, еще более вызывает ужас.

И вот дверь дворца открывается и выходит Клитемнестра. Она показывает перед собой окровавленные руки и, торжествуя, говорит: это дело – рук ее! Что будет чувствовать зритель? От вида крови на руках он испытывает *отвращение к ней, одновременно и от этого, и от понимания, что это она убила, – страх, отталкивающий от нее страх, эмоционально негативный, точнее, ужас.* (Не путать со страхом за героя – Ореста, страхом, вызывающим, наоборот, не отталкивание, а притяжение, это эмоционально положительный страх, т. к. следствием его есть сочувствие – сострадание.) К тому же, Клитемнестра рассказывает в красках: я ударила его! И он упал. Тогда я ударила его еще раз!

Это топором по голове со всего маху! *Лежачего, слабого* – важная художественная деталь, которая вызовет сочувствие к слабому, что повлечет далее *ненависть* к убивающей слабого, особенно беззащитного в этот момент, и наслаждающейся этим.

И хор поет: преступления, начатые тобой, будут продолжены! Хор обвиняет в случившемся, прежде всего, Клитемнестру.

Отрицательное эмоциональное впечатление от главной виновницы подчеркнуто и системой образов: Клитемнестра – Эгист (Эгисф). Он, мужчина, *подталкивает* ее к убийству. На картине Герена Пьера-Нарцисса «Клитемнестра колеблется, подстрекаемая Эгистом к убийству спящего Агамемнона» [3], иллюстрирующей «Орестею», передавая *суть* поступка Эгиста по отношению к двоюродному брату Агамемнону, во время отсутствия того соблаздившего его жену Клитемнестру. С правой стороны, в проеме двери – комната, залитая светом. В ней, уставший после долгой дороги, закрыв глаза и поддерживая голову рукой, ждет Агамемнон. А с левой стороны – наполовину темный, почти черный фон стены, одна ступенька, ведущая в комнату. Клитемнестра ступила ногой на нее, поэтому телом отклонилась назад, а кажется, что она остановилась, раздумывая, но в этой позе – назад – больше сомнения, даже нежелания убивать. Она натолкнулась на давящего руками, толкающего ее вперед почти изо всех сил и... прячущего голову за ее спиной Эгиста. Художник выбрал такой

удачный момент: мы, наблюдая как Эгист, подавшись вперед, и телом, и руками подталкивает ее, *колеблющуюся*, вдруг понимаем: он виноват более всего. А желание укрыться за спиной женщины вызывает у нас *неодолимое отвращение*.

О чем это говорит? Факт того, что Эгист толкает на преступление женщину? Он подлый, слабый, ничтожный человек, прячущийся за спиной женщины.

А как это характеризует саму Клитемнестру? По афоризму Еврипида: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Клитемнестра – властная, *непомерно властная* женщина, – она может полюбить только *ничтожного* человека. Ради правления другими она готова на все. Но это вызывает в зрителях, как и к Эгисту, *неприятнь*, пусть и со своими оттенками. И *никакой симпатии*. Это помогает снять с жены Агамемнона в будущем флер жертвы, *освободиться* от какого-либо сострадания, *положительного эмоционального* отношения.

Во второй части трилогии, «Жертвах у гроба (или «Хоэфорах»), – хор девушек, приносящий на могилы предков возлияния – вино или оливковое масло. Более всех неутешна Электра: убит отец, она и ее брат лишены наследства. У могилы Агамемнона произошла встреча Ореста и Электры. Видя могилу убитого отца и муки сестры, Орест решается окончательно выполнить повеление Аполлона отомстить за отца. Эсхил подчеркивает: Орест не слепое орудие в руках олимпийца, – он принимает решение под влиянием не божественных, а человеческих мотивов.

Они с побратимом Пиладом вызвали Эгиста. Мать, услышав шум схватки, схватила секиру и ринулась в бой. Клитемнестра – очень сильна, она вовсе не слабое существо – способна быть воительницей.

Более современное, чем «Поэтика» [4] Аристотеля исследование И. А. Ильина, примыкавшего идейно к школе М. А. Лифшица, в главе «О трагическом очищении у древних» продвинуло теорию катарсиса вперед, говоря о нем как очищении «от вины или ошибки» [5, с. 120], т. е. *избавлении от ложных идей*.

Но следует развить это далее: катарсис поэтому есть не только очищение, неследование, неруководство ложными идеями, но и *привитие верных идей* при помощи эмоций и чувств. Ведь если зритель *страшится* и испытывает по этой причине *сострадание* к герою, то значит, он относится к этому главному действующему лицу с *положительными эмоциями*, следовательно и *воспринимает идеи, которые связаны с этим образом*. Например, герой «Орестей» Эсхила – Орест, защищая отца, человека не кровного родственника матери, отстаивает идею: *не только кровные родственники, но все – люди других родов тоже есть люди*.

Ранее этой мысли в душе древних, живших узкими объединениями на основе материнского рода, не было. Была же *идея, что люди других родов – не вполне люди, их можно даже убить – это не преступление*. На суде одна из эриний, защищая Клитемнестру, убившую мужа, говорила: *убила мужа – не родная кровь*. Или в переводе С. Апта: «Она убила мужа. Муж – чужая кровь» [6].

Теперь же при помощи эмоций и чувств, связанных с новыми идеями, душа человека изменялась, ею принимались новые смыслы, очищаясь

от старых, морально ограниченных. Старые идеи ранее воспринимались с *положительными эмоциями* и чувствами, теперь же в трагедии они связывались с *отрицательными*. Вот Клитемнестра в «Орестее», убив мужа и выйдя окровавленная, говорит об этом зрителям, торжествуя. Ее вид и хвастовство, весь переданный ею процесс убийства – *отвратительны и отталкивающие ужасны*.

Или в примере, когда эринии, мстительницы по женской линии (родовой), преследуют Ореста, желая высосать из него кровь. Это *безобразные* старухи: у них из глаз сочится слизь, а из-под ногтей обычно каплет кровь. Они одеты во все черное! Весь этот *портрет* вызывает *гнетущий, отталкивающий страх и отвращение к их портрету*, и поэтому *к их идеям*.

И. А. Ильин, напомним, углубил Аристотеля, определив, что катарсис, очищение сознания происходит от *ложных идей*, при помощи чувств, но, в качестве одного из выводов из проведенного в статье анализа «Орестей», необходимо еще уточнить Аристотеля и в том, что очищение происходит именно потому, что с ними связываются отрицательные, *негативные* эмоции и чувства. Под очищением следует считать *неруководство* этими идеями. Однако не только это: как мы считаем после анализа текстов, катарсис наряду с очищением-неруководством есть еще одно важное следствие анализа, добавление в теорию и *привитие верных* идей при помощи *притягательных* эмоций и чувств для направления деятельности человека этими истинными идеями.

В целом *катарсис – эстетическое воспитание, сотворение верного сознания с помощью искусства*. После «Поэтики» Аристотеля, ограничивающей роль катарсиса областью трагедии и комедии, роль катарсиса в художественном творчестве и жизни общества, по нашему мнению, необходимо понять значительно шире. Мы считаем, что *катарсис не есть лишь принадлежность трагедии и даже комедии*. Он является *важнейшим средством любого произведения искусства*.

Так как он важнейшая функция не только трагедии, но и любого произведения искусства, то необходимо уметь находить в них своеобразные идеи, особенные эмоции и чувства: они будут не обязательно страхом и состраданием, отвращением и т. п. Катарсис может быть использован и используется в воспитании не только с помощью произведений искусства, но и, например, устных бесед воспитателей, родителей.

Это эстетическое (в др. греческом яз. «чувственное») средство воспитания и переделки человека. Если хирург изменяет организм, избавляет его от физического нездоровья, делая операции над телом, то катарсис – это *изменение внутреннего мира* в виде замещения эмоций и чувств, понятий и мыслей на подобные, но более тонкие, или это даже *операция в душе, избавление* от нездоровых знаний, эмоций и чувств.

Кроме того, действие, напомним, может привести «к изменению общественной оценки поступков, которые с прежней традиционной точки зрения осуждались...» [5, с. 122]. В этом типе операции есть и *привитие* здоровых знаний, понятий, мыслей, эмоций и чувств. Ситуации избавления от нездоровых знаний, эмоций и чувств и привития здоровых являются *коренным переворачиванием* сознания. Все действия изменения и переворачивания с помощью катарсиса – средства *совершенствования* человека.

Если учесть, что театр греки обязаны были посещать все, а театральные сооружения вмещали от одиннадцати до сорока тысяч человек – практически все гражданское население того или иного полиса, кроме младенцев, знало воспитательную силу драмы, катарсиса, то станет понятно, что театр не был делом любителей или узкого слоя просвещенных, как сейчас, потому что современные театры не дотягивают до античных: самый большой – в наше время в городе Одессе, вмещает до пяти тысяч человек. Из этого сравнения вытекает уже известная, но все равно потрясающая мысль: театр *воспитывал целое общество*. В наше время это его великое свойство могло бы выполнять телевидение, если только изменить предписанную ему идеологами общества потребления главную нынешнюю цель – развлекательность.

Список литературы

1. Аулов, А. М. Демоническое как объективное содержание образов мифологии и трагедии (в работах философа и эстетика М. А. Лифшица) // Русская литература в контексте мирового литературного процесса (Луганск, 12 апр. 2023 г.) : сб. материалов конф. / под ред. А. А. Максименко ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск, 2023. – С. 105–113.
2. Эшил. Жертва у гроба / Эшил. – Текст : электронный // Трагедии / [пер. с древнегреч. С. Апта]. – Москва, 1978. – URL: http://lib.ru/POEEAST/ESHIL/eshil1_3.txt (дата обращения: 16.05.2022).
3. Герен, П.-Н. Клитемнестра колеблется, подстрекаемая Эгистом к убийству спящего Агамемнона / Пьер-Нарцис Герен. – Текст : электронный // Gallerix: онлайн-музей : [сайт]. – URL: <https://gallerix.ru/storeroom/991555443/N/843721455/> (дата обращения: 16.05.2022).
4. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / [ред. и авт. вступ. ст., с. 5–52, А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; примеч. В. В. Бибикина и др.]. – Москва, 1983. – Т. 4. – С. 645–680.
5. Ильин, И. А. История искусства и эстетики : избр. статьи / И. А. Ильин ; [предисл. М. Лифшица, с. 3–21]. – Москва : Искусство, 1983. – 288 с.
6. Эшил. Эвмениды / Эшил. – Текст : электронный // Трагедии / [пер. с древнегреч. С. Апта]. – Москва, 1978. – URL: http://lib.ru/POEEAST/ESHIL/eshil1_4.txt (дата обращения: 16.05.2022).

Aulov A. M.

Ideological and artistic sides of the work: its role in catharsis (development of ideas of the works of philosopher and aesthetician M. A. Lifshitz and his school on the example of Aeschylus' classic tragedy «Oresteia»)

Being a continuation of the author's article «Demonic as the objective content of images of mythology and tragedy (in the works of the philosopher and aesthete M. A. Lifshitz)», the article «Ideological and artistic sides of the work: its role in catharsis» is written now not so much for the purpose of highlighting and commenting theoretical provisions on the objective side of the image of the outstanding philosopher and aesthete M. A. Lifshitz and his school, but rather to apply the principles identified in his works on this topic to the history of literature,

in connection with them analysing the ideological and artistic sides of classical tragedy, which are the subjective form that expresses and strengthens the objective content. This allowed to expand and clarify the quality of catharsis as the most important function of art.

Key words: *catharsis, false ideas, negative emotions, positive emotions and feelings, inculcation of true ideas, radical change of the soul; means of education of the whole society.*

Бочацкая Анна Александровна,
ст. преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»,
dancinglady94@yandex.com

Символика героев-проводников в контексте романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

В статье проводится анализ мифологических и религиозных аспектов символики героев-проводников, представленных в произведении Г. Ш. Яхиной. Автор рассматривает роль Упырихи, Игнатова, Лейбе и Зулейхи как проводников, выявляя их значение в контексте переходов и изменений в личной жизни персонажей. Полученные результаты предоставляют новый взгляд на тему смерти, перерождения и социокультурных трансформаций.

Ключевые слова: символика, проводники, роман, мифология, переходы, изменения, личная жизнь.

В мифологии и религии проводники представляют собой ключевых персонажей, осуществляющих связь между миром живых и миром мертвых. Этот мотив часто отражает идею перехода, метафизических изменений и духовной трансформации [1, с. 142]. В мифах и религиозных текстах, таких как «Древнегреческая мифология», «Библия», и «Коран», проводники часто выступают в роли направляющих души покойников в загробное царство. Так, например, в древнегреческой мифологии Харон – лодочник, переправляющий души усопших через реку Стикс в подземный мир. Его присутствие в образах проводников обусловлено необходимостью перехода из одной жизни в другую. Этот образ, как и многие другие мифологические проводники, представляет собой символ погребальных обрядов и ритуалов [2, с. 2].

В религиозных текстах ангелы или божества также выступают в роли проводников душ. Например, архангел Михаил в христианстве считается проводником душ к суду в день Страшного суда. Этот аспект символики проводников также связан с концепцией очищения и возрождения души [3, с. 122].

В современной литературе широко используется направляющий мотив для передачи сложных тем и идей. Герои-проводники в таких произведениях становятся не только связующим звеном между мирами, но и символами внутренних и психологических перемен [1, с. 141]. Авторы используют этот образ для отражения сложных аспектов человеческого опыта: проводники могут быть архетипическими героями, которые помогают персонажам справиться с внутренними или внешними трудностями и действовать как наставники, вдохновители и инициаторы перемен. Символика проводников становится средством анализа человеческого существования, самопознания и переосмысления ценностей. Этот мотив придает текстам глубину и сложность и позволяет читателям открывать новые слои смысла в современных произведениях и находить параллели со своим собственным опытом.

Мифологические и религиозные аспекты жизни проводников вносят в роман «Зулейха открывает глаза» глубокий смысл, усиливающий тему перехода и изменений в жизни героев. Символика проводников обогащает повествование, придавая ему метафорическую глубину, связывая с универсальными мотивами, присущими культурному наследию, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель данной статьи заключается в анализе символики проводников в романе «Зулейха открывает глаза» Г. Ш. Яхиной с учетом их мифологических и религиозных аспектов, таких как их роль в переходе или трансформации персонажей, а также их связь с архетипами или символами из различных культурных и религиозных традиций.

Изучением творчества Г. Ш. Яхиной в литературоведении занимались многие ученые (В. Г. Долгов [4] анализировал роль прозвищ ключевых героинь романа, стремясь обосновать их идейно-тематическое содержание с учетом мифопоэтической функции этих персонажей, Д. А. Щукина [5] рассматривала образ учителя словесности в творчестве Г. Ш. Яхиной, Н. Ю. Букарева и Д. Р. Шушкова [6] исследовали фольклорно-религиозный сюжет о Юзуфе и Зулейхе в романе писателя, выявив его истоки и различные варианты интерпретации в художественной литературе Востока, а также культурные и религиозные аспекты сюжета, которые определили его популярность и значимость); тем не менее, проблематика мифопоэтики произведений автора до сих пор остается дискуссионной.

В контексте литературы символика героев-проводников тесно связана с идеей перехода и внутренних изменений в персонажах. Проводники, как посредники между мирами, служат главным катализатором жизненных изменений. Их присутствие в текстах часто сопровождается глубокими изменениями в личной судьбе персонажей. Переход может быть как внешним, физическим, в другое место или ситуацию, так и внутренним, духовным развитием [7, с. 85]. Этот переход символизирует не только изменение окружения персонажа, но и путь к внутреннему самопознанию и развитию.

Проводники часто действуют как провокаторы перемен, сталкивая персонажей с проблемами, требующими принятия решений и личностного роста. В процессе взаимодействия с проводниками персонажи могут преодолевать трудности, меняться и получать новый взгляд на жизнь. Так, например, Упыриха в романе «Зулейха открывает глаза» выступает в роли традиционного проводника, связывающего мир живых с миром мертвых. Ее физические ограничения, такие как слепота и глухота, символизируют грани между реальным миром и загробным. Ее визи и явления в сюжете служат ключевым событиям, извещающим о наступлении перемен. «Мой сын так не плакал» [8], – слова Упырихи, при ее первом визите к Зулейхе, обращают внимание на связь с загробным миром и воздействие этого мира на живых. Ее источничество проявляется в том, что ее видения предсказывают будущее и направляют героиню в переходе между различными онтологическими состояниями. Старая, «стоящая одной ногой в могиле», Упыриха становится олицетворением перехода и преодоления границ между жизнью и смертью. Ее роль в романе подчеркивает традиционные представления о проводниках и их значении в процессе личной трансформации.

Игнатов в романе предстает в образе спасителя и проводника, переносящего персонажей в новую реальность. Его роль лодочника, переправляющего ссыльных через реку Ангару, олицетворяет процесс перехода из темного прошлого в светлое будущее. «Моя задача – доставить вас в эту самую новую жизнь целыми и невредимыми. Ваша задача – помочь мне в этом» [8], – эти слова Игнатова отражают его роль как проводника, решающего судьбы героев и обеспечивающего их возможность начать жизнь заново. Итак, Игнатов несет на себе бремя заботы о ссыльных, предоставляя им новые возможности и направляя их к переменам. Его образ является символом перехода и перерождения, где река Ангара представляет собой воды перемен, через которые проводник переправляет души усопших к новой жизни.

Лейбе в романе «Зулейха открывает глаза» воплощает образ проводника, направляющего Зулейху в мир материнства и новой гармонии. Его врачебный долг и забота о героине делают его ключевым персонажем в процессе ее перехода и изменений. «Он был тем, кто встречал их здесь, на краю света. Гнал в тайгу, морил непосильной работой, железной рукой выжимал план... Держал на плаву. А они держали его» [8], – эти строки подчеркивают роль Лейбе как проводника, сталкивающегося с трудностями и несущего ответственность за жизнь других персонажей.

В момент родов Лейбе становится источником поддержки и проводником Зулейхи в мир материнства [8, с. 309]. Его решимость и врачебная мудрость помогают героине пройти через этот трудный переход, предоставляя ей возможность пережить не только физическое, но и духовное рождение.

Зулейха в романе также является проводником для различных персонажей, их проведения через разнообразные переходы и изменения. Ее собственные перипетии и трансформации делают ее ключевым фигурантом в процессе изменения окружающего мира и персональных судеб. Зулейха является проводником в земной мир для Юсуфа, что подчеркивает ее роль направляющей силы для своего сына, ведущей его через различные этапы жизни. Ее материнская любовь и забота делают ее проводником в мир безопасности и гармонии.

Как проводник для мертвого Муртазы, Зулейха переносит его из места убийства в дом, становясь связующим звеном между мирами живых и мертвых. Этот переход символизирует не только перемещение тела, но и переосмысление связей и отношений.

Под влиянием различных проводников в романе «Зулейха открывает глаза» персонажи претерпевают заметную эволюцию, глубоко меняя свой внутренний мир и жизненные убеждения. Упыриха, как традиционный проводник, является ключевой фигурой в эволюции Зулейхи. В начале романа Зулейха воспринимает ее как старую и глухую женщину, но со временем, под влиянием видений и советов, Зулейха раскрывает новые аспекты своей личности. Эта эволюция подчеркивает роль Упырихи в становлении Зулейхи как сильного и самосознательного человека.

Игнатов оказывает глубокое влияние на Зулейху и Юсуфа – он своего рода спаситель и проводник в новую жизнь. Взаимоотношения героев с Игнатовым не только помогают им пережить трудные времена, но и способствуют личностному росту. Благодаря Игнатову Зулейха

переосмысливает свои ценности и принимает решения, которые приводят к ее собственной трансформации.

В романе «Зулейха открывает глаза» Г. Ш. Яхина использует образы проводников для тщательного изучения темы перехода и изменений в личной жизни персонажей. Анализируя традиционных и современных проводников в литературе, автор создает сложную мозаику символов, представляющих разнообразные аспекты переходов и метаморфоз.

Упыриха, Игнатов, Лейбе и сама Зулейха выступают в роли проводников, направляя и наставляя персонажей на разных этапах их жизненного пути. Традиционные представления о смерти и загробной жизни, переплетаясь с современными идеями, создают глубокие и многозначительные образы переходов через различные этапы жизни, такие как физическое и духовное рождение, материнство, взаимоотношения с окружающим миром и собственное самопознание. Мифологические и религиозные аспекты символики проводников в романе отражают вечные истины о смерти и переходе в загробный мир. Г. Ш. Яхина использует этот мотив для рассмотрения актуальных вопросов и вызовов современности, добавляя новые смысловые слои к этому древнему символу перехода и изменений.

Связь проводников с идеей перехода и изменений в личной жизни персонажей подчеркивает их роль как катализаторов для внутренних трансформаций. Их влияние на героев становится ключевым фактором в развитии сюжета и создании богатого художественного опыта. Лейбе, как проводник в мир материнства, и Зулейха, как проводник для различных персонажей, раскрывают идею об их важной роли в формировании семейных и социальных отношений. Эти переходы символизируют не только изменения в индивидуальных судьбах, но и внесение гармонии и нового смысла в жизнь героев.

Проводники в тексте выступают катализаторами для внутренних трансформаций персонажей. Упыриха, Игнатов и Лейбе выполняют функцию не только связующего звена между мирами, но и активных инициаторов перемен в жизни героев. Их присутствие в тексте сопровождается глубокими изменениями в судьбе персонажей, что символизирует не только внешний переход, но и внутреннюю эволюцию.

Символика проводников в романе «Зулейха открывает глаза» несет в себе не только традиционные представления о смерти и загробной жизни, но и отражает современные вызовы и проблемы. Мифологические и религиозные элементы вносят глубокий смысл в повествование, усиливая тему перехода и изменений. Этот аспект символики проводников также служит метафорой современных аспектов человеческого опыта, придавая тексту глубину и сложность.

Таким образом, анализ символики проводников в романе Г. Ш. Яхиной позволяет раскрыть глубокие аспекты человеческой сущности, самопознания и переосмысления ценностей. Персонажи, сталкиваясь с проводниками, преодолевают трудности, меняются и получают новый взгляд на жизнь, что делает этот мотив не только важным литературным элементом, но и отражением универсальных аспектов человеческого существования.

Список литературы

1. **Геннеп, А. ван.** Обряды перехода : систематическая изучение обрядов / Арнольд ван Геннеп ; [пер. с фр.: Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской]. – Москва : Вост. лит. РАН, 2002. – 198 с. – ISBN 5-02-018038-6.
2. **Петровская, Н. И.** Миф о Хароне в интерпретации художников XVI–XX вв. / Н. И. Петровская. – EDN MODWFK. – Текст : электронный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 4. – С. 301–306. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=oajogl> (дата обращения: 27.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
3. **Майзульс, М. Р.** «Демоном сокрушениче»: архангел Михаил как экзорцист в культуре средневековой Руси / М. Р. Майзульс. – EDN KWSABX. – Текст : электронный // Россия XXI. – 2009. – № 5. – С. 122–157. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kwsabx> (дата обращения: 27.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
4. **Долгов, В. Г.** Особенности функционирования поэтонимов в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / В. Г. Долгов. – EDN KMMSNP. – Текст : электронный // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье : сб. докл. участников Междунар. науч. форума, Новозыбков, Брянская область, 23–26 окт. 2019 г. / под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова, С. М. Пронченко. – Новозыбков, 2019. – ISBN 978-5-6043491-1-3. – С. 518–524. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kmmsnp> (дата обращения: 27.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
5. **Щукина, Д. А.** Учитель словесности в изображении Г. Яхиной / Д. А. Щукина. – EDN YUHLXI. – Текст : электронный // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин : материалы докл. и сообщ. XXV междунар. науч.-метод. конф., Санкт-Петербург, 07 февр. 2020 г. / редкол.: Т. А. Налимова [и др.]. – Санкт-Петербург, 2020. – ISBN 978-5-7937-1816-5. – С. 325–330. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42508698> (дата обращения: 27.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
6. **Букарева, Н. Ю.** Интерпретация сюжета о Юзуфе и Зулейхе в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Н. Ю. Букарева, Д. Р. Шушкова. – DOI 10.20323/2658-7866-2022-1-11-68-81. – EDN LFCSFW. – Текст : электронный // Мир русскоговорящих стран. – 2022. – № 1(11). – С. 68–81. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=lfcsfw> (дата обращения: 27.06.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».
7. **Седакова, О. А.** Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О. А. Седакова. – Москва : Индрик, 2004. – 320 с. – ISBN 5-85759-285-2.
8. **Яхина, Г. Ш.** Зулейха открывает глаза: роман / Г. Ш. Яхина ; предисл. Л. Улицкой. – Москва : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2015. – 508 с. – ISBN 978-5-17-090436-5.

Bochatskaya A. A.

**The symbolism of the guides heroes in the context
of G. Sh. Yakhina's novel «Zuleikha opens her eyes»**

The research is aimed at analyzing the mythological and religious aspects of the symbolism of the guides presented in the work by G. Sh. Yakhina. The author examines the role of Ghouls, Ignatov, Leibe and Zuleikha as guides, revealing their significance in the context of transitions and changes in the personal lives of their characters. The obtained results provide a new perspective on the topics of death, rebirth and socio-cultural transformations.

Key words: *symbolism, guides, romance, mythology, transitions, changes, personal life.*

УДК [821.161:821:111.411.21]’0.091

Дятлова Анастасия Михайловна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
dyatlova-01@mail.ru

Проблема периодизации русской, английской, арабской литератур

Статья посвящена вопросам периодизации процесса литературного развития национальных литератур и мирового литературного процесса. Изучение проблемы проведено на основе сравнительно-сопоставительного анализа английской, русской, арабской литератур, что позволило автору сделать выводы о том, что существующие периодизации не отражают всей полноты мирового литературного развития, а дальнейшие исследования мировой литературы необходимо проводить с точки зрения теории стадийности.

Ключевые слова: мировой литературный процесс, национальная литература, теория периодизации, методология периодизации, теория стадийности.

Исследования, направленные на сравнительно-сопоставительное изучения основных сходств и различий национальных литератур разных структурных языков, проводятся с целью детального изучения мирового литературного процесса в контексте межкультурной коммуникации. Закономерности, обобщающие развитие всех национальных литератур, совокупность всех жанров, стилей, авторов, в том числе и русской, английской и арабской литератур, положены в основу теории стадийности, а также периодизаций национальных литературных процессов. Изучение данной проблематики продиктовано, прежде всего, ростом актуальности рассмотрения вопросов, касающихся мирового литературного процесса в контексте возрастания значимости национальных литератур Арабского, Азиатского и Африканского мира. Данная статья актуализирует проблему изучения английской, русской и арабской литератур, нацелена на рассмотрение теоретических основ теории стадийности, проведение сравнительно-сопоставительного анализа указанных литератур, изучение периодизации национальных литератур и их соотношение в мировом литературном процессе.

Литературный процесс, с одной стороны, – это историческое существование, функционирование и эволюция литературы, как в определённую эпоху, так и на протяжении всей истории нации, страны, региона, мира. С другой стороны, важной чертой литературного процесса является взаимодействие художественной литературы с другими видами искусства, а также общекультурными, языковыми, идеологическими, научными, политическими явлениями в обществе [10, с. 195–196].

Таким образом, мировой литературный процесс можно определить как систему взаимосвязанных между собой и линейно развивающихся национальных литератур, а также совокупность общезначимых изменений

в мировых литературных течениях. Единицами мирового литературного процесса выступают: литературное течение, литературное направление, художественная система, международные литературные общности, художественный метод. Литературоведением не оспариваются представления о наличии моментов общности и/или повторяемости в развитии литератур разных стран и народов, об ее едином «поступательном» движении в большом историческом времени [12, с. 368].

Процесс поступательного движения литературного процесса и эволюции литературной мысли на протяжении всей истории литературы описывается концепцией стадильности литературного развития, созданной на основе применения сравнительно-исторического метода и указывающей, что стадии общественного и культурного развития порождают сходные литературные явления у разных народов, даже при несовпадении хронологии. Разработка концептуальных и терминологических идей исторической поэтики, концепции литературных аналогий, типологической преемственности, историко-типологической конвергенции принадлежит таким отечественным ученым, как А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, М. П. Алексеев, И. Г. Неупокоева, позволяют нам сегодня говорить о периодизации межлитературного процесса (мирового литературного процесса) в совокупности историко-литературных систем в синхроническом и диахроническом аспекте.

В 1980–90-х гг. появилось новое понимание стадильности литературного развития, раскрытое в работах С. С. Аверинцева, М. Л. Андреева, М. Л. Гаспарова, А. В. Михайлова. На основе анализа проблематики исторической европейской поэтики учёными были выделены основные стадии (периоды), соответствующие трём типам художественного сознания: анархичный период с ярко выраженной фольклорной традицией; традиционное понимание поэтики стиля и жанров с середины I тыс. до н. э. и до середины XVIII в.; начавшийся с эпохи Просвещения период «индивидуально-творческого художественного сознания», отсутствие жанрово-стилевых ограничений и преобладание индивидуально-авторских стилей. Тем не менее, утверждение, что развитие национальных литератур происходило синхронно, равномерно и в хронологической последовательности на протяжении всей истории литературы и равномерно по всему миру является неверным. В подтверждение этого можно привести множество доказательств, таких как, например, хронологические рамки определения древнего периода мировых литератур: в то время, как древнеегипетские, древнегреческие, древнеримские и шумеро-вавилонские литературы берут свое начало за 20 веков до начала нашей эры, то древнерусская, древнеанглийская и древнеарабская литературы являются сравнительно молодыми.

Англосаксонская литература (древнеанглийская литература), практически параллельно с древнеарабской, берет свое начало в V в. н. э., однако, конец древнеарабской словесности наступает намного раньше – уже в VII в. во времена возникновения ислама наступает период раннесредневековой арабской литературы в то время, как древнеанглийский литературный период длится до XI в. Древнерусская фольклорная традиция зарождается только в XI в., когда и древнеарабская, и древнеанглийская литературы перешли на второй этап своего литературно-исторического развития.

Исходя из всего вышеизложенного, считаем возможным проведение компаративистского анализа русского, английского и арабского литературных процессов, поиск сходных черт и различий.

Отправной точкой настоящего исследования считаем необходимым установить V в. – начало древнейшего периода английской литературы, получившего название англо-саксонской литературы и длившегося до XI в. Литературное творчество выражалось путём исполнения песен во время свадебных и погребальных обрядов, в процессе труда, во время военных походов, а также при передаче сказаний и легенды из рода в род [1, с. 6]. Среди преобладающих жанров данного периода можно выделить героические эпические поэмы («Беовульф», «Битва при Финнсбурге», «Битва при Мэлдоне»), лирическую поэзию (стихотворения «Сетования жены», «Послание супруга», «Странник»), а также религиозную поэзию раннего Средневековья. Русская литература описывает данный период как долитературный период русской литературы (фольклор), сюжетные формы которой передавались из поколения в поколение исключительно в устной форме в виде исторических, обрядовых, лирических песен, былин, легенд и мифологии древних славян.

Древнеарабская доисламская лироэпическая традиция берёт своё начало также в V в., однако имеет некоторые отличительные черты. Прежде всего, в арабском фольклоре практически полностью отсутствовало мифологическое начало, а исторические и культурные события процесса формирования государственности нашли своё отражение в многочисленных преданиях о так называемых «временах джахилии (доисламский период)», а также в баснях, пословицах и афоризмах, напоминавших устные исторические хроники. Исторические предания древних арабов получили наименование «Айям аль-ара-б» («Дни арабов») и являются классическим примером устного прозаического героического эпоса, описывающего памятные сражения между бедуинскими племенами или бесчисленные бедуинские набеги, или многолетние войны [11, с. 44–47].

Распространение на территориях Аравии религии ислам послужило причиной окончания древнейшего периода арабской литературы уже в VII в., что произошло значительно раньше в сравнении с аналогичными периодами русской и английской литератур. Стоит отметить, что исследователи арабской словесности выделяют промежуточный – раннесредневековый – этап арабской литературы (конец VII в. – начало VIII в.), отличительной чертой которого является переплетение доисламских литературных традиций с политическими и религиозными реалиями того времени [11, с. 289]. Повсеместное распространение в этот период получает жанр «политической поэзии» в форме панегирика для восхваления определенной политической, религиозной или племенной группы и нападок на ее противников, строго соблюдая при этом требования канона арабской литературы.

Новый период развития арабской классической литературы, получивший название «Обновление» (середина VIII в. – IX в.), наступил в связи с серьёзными политическими изменениями в арабском государстве и способствовал становлению «новых» мусульманских литературных вкусов, пришедших на смену старым доисламским иранским и эллинистическим культурным традициям, а также возвышению роли поэтов-эпикурейцев и придворных поэтов-панегиристов. В VIII–IX вв. постепенно складываются

индивидуальные образы поэтов с конкретной биографией и устойчивой психологической характеристикой, что явилось новым этапом в развитии художественного сознания [11, с. 296].

С X в. в арабской и с XI в. в русской и английской литературах наступает период классической арабской, средневековой английской и древнерусской литературы. После завоевания Британии норманнами и до XV в. английская литература переживала серьёзные изменения не только внутри литературных форм и жанров, но и существовала в условиях трёхязычия (французский, латинский, англо-саксонский), что в значительной мере отразилось не только на самой английской литературе, но и на формировании классического английского языка. Мультилингвализм литературного творчества находил отражение в жанровом разнообразии в виде рыцарских легенд на французском и английском языках, антицерковной и сатирической литературы на латинском языке, героического эпоса на норманнском диалекте старофранцузского языка, а также рыцарских романов на английском и французском языках [1]. Однако уже в XIV в. начинается процесс формирования английской нации и её языка, выраженный в творчестве Дж. Чосера, У. Ленглена, Дж. Гауэра – последних поэтов средневековой англо-саксонской литературы.

Средневековой период русской литературы (XI–XVII вв.) неразрывно связан с историей развития Русского государства, русской народности, проникнут героическим и патриотическим пафосом, выраженным, в основном, в жанре исторической повести о выдающихся событиях, связанных с борьбой против внешних врагов Руси [8, с. 6]. Древнерусская литература, с одной стороны, связана с церковной и деловой письменностью, обладающей чертами историзма, с другой стороны – устным поэтическим народным творчеством, выраженным в форме летописи, хождения, повести, поучения, жития, патерика, жанра слова, сочинений ораторского жанра с присущей им анонимностью и рукописным характером распространения.

Развитие арабской литературы аббасидского периода Средневековья прерывается с момента захвата столицы Халифата татара-монголами в XIII в., когда прекращается существование Арабского Халифа и начинается период ослабления центральной власти феодализацией, экономической, культурной стагнацией и, как следствие – упадок арабского языка и литературы в целом. В то время, как английская и русская литературы проходили новые и новые периоды развития, арабская литература вплоть до периода арабского Возрождения, наступившего с окончанием существования Османской империи в XIX в., распадалась на национальные литературы провинций бывшей Османской империи и была представлена в основном жанрами развлекательных сборников, повестей, анекдотов [8].

Эпоха перехода от европейского феодального Средневековья к новому времени, ознаменованному начальным периодом развития капитализма, получила название Возрождения или Ренессанса (XV–XVI вв.) и выражается в возврате к идеям Античности о светском характере культуры и гуманистическому мировоззрению, признании ценности человеческой личности, его творческой самостоятельности, духовного и физического совершенства. На раннем этапе становления культуры Возрождения ведущую роль в литературе играли новелла и лирические жанры (Т. Мор, Т. Уайэт, Г. Сарри), а на позднем – господствующим жанром

становится драма (У. Шекспир, Дж. Лили, Р. Грин, Т. Кид, К. Марло). XVII в. называют периодом литературы английской буржуазной революции с ярко выраженными религиозной, идеологической и социально-политической борьбой, идеями пуританства, упадка жанров драматургии и театра, увеличения количества религиозных мотивов и сюжетов в литературе (Дж. Милтон, Дж. Беньян, Дж. Драйден).

Наступивший XVIII в. ознаменовался интеллектуальным прогрессом, главенством разума над суевериями темных веков, заменой феодального строя на капиталистический. Это была эпоха Просвещения, которая ставила перед собой задачу приобщить народ к знаниям и культуре, содействовать раскрепощению его сознания от религиозных предрассудков и гнета церкви. Основные литературные направления эпохи Просвещения – классицизм, реализм, сентиментализм и предромантизм; преобладающим прозаическим жанром был роман во всем многообразии его разновидностей: приключенческий, философско-сатирический, семейно-бытовой, социально-психологический. Литература раннего Просвещения (первая треть XVIII в.) развивалась на идеях классицизма и связана с начальным этапом формирования просветительского реализма (А. Поуп, Р. Стиль, Дж. Аддисон, Д. Дефо, Дж. Свифт). Период зрелого Просвещения охватывает 40–50-е гг. XVIII в. и характеризуется расцветом просветительского реализма (С. Ричардсон, Г. Филдинг, Т. Дж. Смоллет). Поздним Просвещением называют период (XVIII в.), связанный с развитием сентиментализма и предромантизма (Л. Стерн и О. Голдсмит).

Русская литература XVIII в., иными словами, Русское просвещение, берёт свое начало в Петровскую эпоху, время перехода от древнерусской, средневековой литературы к литературе новой, время творчества в условиях постоянно расширявшихся, оживленных контактов России и Запада. Русское Просвещение переживало сходные английскому Просвещению этапы, однако, часто данный отрезок литературного процесса называют периодом «ускоренного» развития русской литературы, ведь менее чем за сто лет русская литература прошла путь, на который большинству западных литератур потребовался значительно более длительный срок [5]. Вслед за появлением барокко в России утверждается классицизм, а вскоре зарождаются и достигают расцвета просветительский реализм, сентиментализм и романтизм, отмечается параллельное существование этих литературных направлений, появляются новые литературные формы: высокие жанры – ода, эпопея, трагедия; низкие жанры – сатира, комедия, басня (Д. Г. Державин, М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир, И. А. Крылов, Ф. Прокопович и др.).

XIX в. как в русской, так и в английской литературах представлен направлениями романтизма и критического реализма, в то время как в арабской литературе после периода длительного застоя происходит возрождение («ан-Нахд») арабского литературного наследия и традиций. Арабское возрождение было продиктовано событиями политического и социально-экономического характера в регионе: вступление арабских стран на капиталистический путь развития, вмешательство Запада и установление колоний привело к созданию новой арабской идентичности под влиянием европейской научной и общественной мысли и культурных предпочтений.

Данный период арабской литературы охватывает события XX в., когда особой популярностью пользовались публицистика, сентиментальные жанры, а также социально-бытовые новеллы (А. Исхак, М. Камиль, Дж. Х. Джебран и др.) [5, с. 83].

Главная роль эмоционального начала и воображения, раскованность чувств и эмоций, субъективизм в изображении действительности, активная роль автора в мире художественных образов, недоверие к рациональному, рассудочному объяснению реальности, борьба с классицизмом, выраженные через прозаический слог романа, приводят нас к пониманию романтизма в русской и английской литературе XIX в. (В. А. Жуковский, У. Блейк, М. Ю. Лермонтов, У. Вордсворд, С. Т. Колридж, Дж. Г. Байрон, П. Б. Шелли, А. С. Грибоедов, Дж. Ките, В. Скотт) [7]. В то же время во второй половине XIX в. стремительно развивался и критический реализм, стремившийся дать объективную оценку повседневной жизни простого народа: описать быт, передать особенности речи, мыслей и душевные переживания различных слоев населения. В русской литературе реализм можно наблюдать в творчестве И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. В Англии появление реализма было вызвано революционными событиями внутри государства, подъёмом движений рабочего класса против гнёта капитализма и представлено в работах таких писателей, как Ч. Диккенс, У. М. Теккерей, сестры Ш. Бронте и Э. Бронте, А. Бронте, Э. Гаскелл, поэты-чартисты Э. Джонс и Д. Линтон.

Рубеж XIX–XX вв. был переходной, кризисной эпохой и для человеческой истории в целом, и для литературы в частности. Период конца XIX – начала XX веков принято определять как Серебряный век русской литературы – время появления таких модернистских в поэзии и прозе направлений, как символизм (А. Блок, А. Белый, В. И. Иванов, К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб), акмеизм (С. М. Городецкий, М. А. Кузмин, ранние Н. С. Гумилев, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам), футуризм (К. Вагинов, Н. Олейников, Н. Заболоцкий и др.).

Русская литература XX в. развивалась неоднозначно и напряженно: в 30-е гг. установилось господство социалистического реализма с его нормативными требованиями как главного метода советской литературы. Великая Отечественная война существенно повлияла на творчество тысяч поэтов и прозаиков Советского государства: основной темой различных родов и жанров литературы была борьба с фашизмом [3].

Проза поддерживала оперативно-новостные жанры: публицистические очерки, репортажи, памфлеты, рассказы (М. Шолохов, А. Фадеев, Е. Петров, Н. Тихонов, И. Эренбург, В. Вишневский, А. Сурков, А. Платонов), а в поэтическом направлении преобладала патриотическая лирика (В. Саянов, А. Ахматова, К. Симонов, Н. Тихонов, А. Твардовский). Во вторую половину XX в. советская литература переживала периоды сталинизма, «оттепели», перестройки и советских реформ. Общие тенденции в литературе заключались в кризисе прежней жанровой системы, отказе от тоталитарного и утопического пафоса в литературе, установлении приоритета общечеловеческих ценностей, развитии мемуарно-библиографической прозы, во внимании к экологической проблематике, взаимодействию с массовой, развлекательной культурой.

В английской литературе XIX–XX вв. под влиянием стремления обновить художественный язык появилось желание выразить изменившийся политический и социальный уклады новыми художественными средствами. История английской литературы XX в. подразделяется на два периода: 1917–1945 гг. – период многообразия литературных течений: реализма, натурализма, символизма, неоромантизма, эстетизма, модернизма преимущественно в формах романа, рассказа и драмы [1] (Д. Г. Лоуренс, В. Вульф, Б. Шоу, Т. Гарди, Дж. Голсуорси, Р. Л. Стивенсон, Г. Уэллс, О. Уайльд, Дж. Р. Р. Толкин, Дж. Оруэлл и др); 1945–1972 гг. – период литературы постмодернизма как реакции на предыдущий период модернизма в литературе, выдвижения на первый план идей использования метафизики, характерного использования ненадёжного повествования, саморефлексивности, интертекстуальности, частой тематизации как исторических, так и политические проблем. Английский постмодернистский роман представлен в первую очередь именами П. Акройда, Дж. Барнса, Г. Свифта, М. Брэдбери, С. Рушди, А. Картера, И. Макьюена, Дж. Фаулза. Русскими постмодернистами в той или иной степени являлись Б. Акунин, И. Бродский, В. Ерофеев, В. Пелевин, В. Сорокин, Т. Толстая. Как в английской, так и в русской литературе постмодернизм стирает различия между жанрами и отказывается от общепринятых норм. Для постмодернизма характерны цинизм, ироничность, нелинейный сюжет, намеренная наигранность, чёрный юмор.

В первую половину прошлого века арабские авторы не просто освоили европейскую художественную схему реализма (Ю. Идрис, И. Абд Аль-Куддус, Я. Хакки, Абд ар-Рахман Шаркауи и др.), а арабская литература достигла успеха в направлении социального реализма (Н. Махфуз), но и с середины XX в. в начале усиливаться тенденции формальной «арабизации» и постмодернистских движений в литературе [5, с. 113–115]. Арабские авторы зачастую обращаются к средневековому наследию и устному народному творчеству, поиску новых форм выражения на фоне массовой культуры, обращению к прошлому собственного народа, использованию и переработке полузабытого средневекового наследия (М. Х. Хейкаля, Т. аль-Хакима, Дж. аль-Харти, Б. Хальфан, Э. аль-Харрат и др). Современная литература берёт начало в XX веке и более близка к западной. В ней поднимаются вопросы и проблемы прав человека, демократии, несправедливости мира и т. п.

Периодизация английской литературы во многом соответствует периодизации литературного процесса других европейских стран: Франция, Германия, Италия и др. имеют многие схожие черты с периодизацией русской литературы, в то время, как арабская литература в силу объективных, прежде всего исторических, причин была рассинхронизирована с этапами развития европейских национальных литератур. Несоответствие периодизаций наиболее явно проявляется во времена, когда страны Магриба и Левант (Сирия, Палестина, Ливан), а также Ирак входили в состав Османской империи до поражения последней в Первой мировой войне (XVI – начало XX вв.), а арабский литературный язык перестал быть государственным языком для абсолютного большинства стран Арабского мира [4, с. 72].

В основу каждого варианта периодизации английской, русской и арабской литературы положены принципы, исходя из которых и происходит

деление на отрезки, имеющие схожие литературные, исторические, социальные, языковые и другие черты – «периоды». Теория литературы выделяет следующие возможные основания для периодизации национальных литературных процессов: общественно-экономического, политико-государственного, династического характера, хронологического, религиозного, языкового характера и иные основания. Неполнота и недостаточная обоснованность многих существующих периодизаций, в особенности арабской литературы, связана с комплексным характером факторов, оказывавших влияние на процесс исторического развития общества, и отсутствием универсальных принципов и подходов к описанию исторического процесса. В данной связи приобретает актуальность изучение мирового литературного процесса, национальных литератур, а также литературных течений с точки зрения теории стадийности.

В отечественном литературоведении используется типология стадий художественного развития С. Н. Бройтмана, направленная на изучение генезиса и эволюцию литературы [2]. Исследователь выделяет три типа поэтики, соответствующие трём стадиям: поэтика синкретизма, эйдетическая поэтика, поэтика художественной модальности.

При изучении исторической ретроспективы трёх национальных литератур и возвращении к основам теории стадийности обнаруживается некое противоречие, заключающееся в самой сути явления периодизации, т. е. в хронологической последовательности этапов в процессе развития; в то время, как периодизацией не допускается нарушение хронологии, теория стадийности не исключает несовпадение при смене одних стадий развития литературы другими. Следовательно, мировой литературный процесс, литературные течения, а также развитие национальных литератур можно рассматривать не как хронологическую сменяемость периодов, в основе которых лежит тот или иной принцип, а последовательность стадий развития литературного творчества в рамках одного языка или мирового литературного процесса в целом. Теория стадийности связывает стадии развития литературы с этапами развития человечества, что, с одной стороны, прослеживается в западноевропейских литературах, однако, с другой стороны, не совсем корректно для национальных арабских литератур и арабской литературы в целом.

Типология стадий художественного развития С. Н. Бройтмана представляет собой крупные в историческом смысле формации мирового художественного процесса, отражающие, прежде всего, эволюцию эстетических и художественных инвариантов [8, с. 37], тем не менее, они мало связаны с общественно-политическим, историческим и языковым аспектами развития общества. Более того, в современной теории литературы существует необходимость преодоления «европоцентристской» модели литературного процесса, сужающей общую перспективу историко-эстетического контекста и не отражающей всю многополярность мирового литературного развития.

Особой актуальностью для дальнейшего изучения считаем направления теоретико-методологических основ периодизации национальных литератур и мирового художественного процесса; выработку подходов к преодолению «европоцентристской» модели литературного процесса; дефиниции понятия «литературная стадия»; выявление закономерностей и характеристик

процесса стадийности литературного развития. Более того, считаем, что особой перспективностью обладает проблематика влияния русской литературы на развитие арабской литературы в разные исторические периоды, а также непосредственное изучение литературных течений и форм арабской литературы и современных национальных литератур Арабского мира.

Список литературы

1. **Аникин, Г. В.** История английской литературы : [учеб. пособие для пед. ин-тов и фак. иностр. яз.] / Г. В. Аникин, Н. П. Михальская. – Москва : Высш. школа, 1975. – 528 с.
2. **Бройтман, С. Н.** Теория литературы : учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. Т. 2. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман ; под ред. Н. Д. Тамарченко. – Москва : Академия, 2004. – 368 с. – ISBN 5-7695-1591-0.
3. **Владимирова, Т. Л.** Русская литература XX века : учеб. пособие / Т. Л. Владимирова. – Томск : Томский политехн. ун-т, 2012. – 143 с.
4. **Зарытовская, В. Н.** Историко-культурные процессы и периодизация арабской литературы / В. Н. Зарытовская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 68–85.
5. **Зарытовская, В. Н.** История арабской национальной литературы: внешние влияния и обратный процесс арабизации / В. Н. Зарытовская, А. М. Аль-Рахби // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12, № 4А. – С. 113–121.
6. **История русской литературы XI–XVII веков** : [учеб. для пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье и др.] ; под ред. Д. С. Лихачева. – 2-е изд., дораб. – Москва : Просвещение, 1985. – 431 с.
7. **Карманова, О. А.** Основные вопросы изучения истории русской литературы рубежа XIX–XX вв. : учеб.-метод. пособие / О. А. Карманова. – Орск : Изд-во ОГТИ, 2006. – 171 с. – ISBN 5-8424-0289-0.
8. **Крачковский, И. Ю.** Арабская географическая литература / И. Ю. Крачковский. – Москва : Вост. лит., 2004. – 919 с. – ISBN 5-02-018380-6.
9. **Кусков, В. В.** История древнерусской литературы : учеб. для студентов вузов / В. В. Кусков. – 6-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 1998. – 335 с. – ISBN 5-06-003480-1.
10. **Литературный энциклопедический словарь** / под общ. ред.: В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Сов. энцикл., 1987. – 751 с.
11. **Фильштинский, И. М.** История арабской литературы V – начало X века / И. М. Фильштинский ; отв. ред. Б. Я. Шидфар. – Москва : Наука, 1985. – 528 с.
12. **Хализев, В. Е.** Теория литературы : учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2004. – 404 с. – ISBN 5-06-005217-6.

Dyatlova A. M.

**The problem of periodization of russian, english, arabic literature:
commonalities and differences**

The article is devoted to the issues of the literary development process periodization of national literatures and the world literary process. After conducting a comparative analysis of English, Russian, and Arabic literature, the author came to the conclusion that existing periodizations do not reflect the fullness of world literary development and is inclined to the need to study literature from the point of view of the theory of stages.

Key words: *theory and methodology of periodization, theory of stages, world literary process, national literature.*

Коробко Кристина Вячеславовна
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
kristina.korobko@gmail.com

Мифологическое пространство в контексте «литературы поиска корней» (на примере творчества Мо Яня)

В данной статье анализируются специфика моделирования художественного пространства в современной китайской литературе в контексте художественного направления «поиска корней» и творчества Мо Яня, который расширяет художественное пространство посредством достраивания социально-исторического фона ясно прослеживаемыми магическими элементами, что и определяет ключевые особенности творчества писателя, поэтому автор делает вывод, что моделирование художественного пространства является комплексной задачей, требующей учета различных факторов: контекста произведения, жанровых особенностей, авторской манеры, идейно-художественного содержания.

Ключевые слова: *художественное пространство, китайская художественная литература, литература поиска корней, Мо Янь.*

Художественное пространство, безусловно, являясь многогранной категорией литературоведения, охватывает различные аспекты: созданный автором воображаемый мир, место действия (географические локации), пейзажные, интерьерные и архитектурные системы образов, пространственная организация текста. Проблему художественного пространства изучали многие известные исследователи, такие как Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачёв, М. М. Бахтин.

Моделирование и организация художественного пространства автором в тексте произведения не только дополняют контекст действия и придают ему некоторую эстетику, но и встраиваются в средства художественной выразительности, тем самым формируя художественный стиль. В. В. Савельева в своем труде «Художественный текст и художественный мир: проблемы организации» утверждает, что художественное пространство возможно воспринять только в рамках точки зрения личной среды говорящего, следовательно, «визуальное и интуитивное пространства составляют основу миротворчества как автора, так и читателя» [2, с. 87].

В произведениях магического реализма художественное пространство играет особую роль, являясь не просто фоном для событий, но одним из главных инструментов создания сюжетопределяющего контекста, где обыденное мирно сосуществует с невероятным. Посредством слияния реального и иррационального чудесные события вплетаются в повседневную жизнь персонажей и образуют динамизм и многослойность: пространство может иметь как буквальный, так и символический смысл, отражая

внутренний мир героев, их чаяния, страхи, вместе с тем пространство не статично, оно может меняться под влиянием магических сил или действий героев.

Современное литературоведение склонно определять магический реализм как метод, «особый тип художественного мышления, свойственный разнородным явлениям в литературе XX в., при котором писатель отрицает плодотворность рационалистического мышления в стремлении выразить и художественно осмыслить мифически-магическую модель мировидения и для которого характерно органичное использование элементов фантастики наряду с обязательным наличием черт легко опознаваемой исторической реальности» [1, с. 255]. В рамках магического реализма художественное пространство зачастую наполнено глубоким смыслом, отражающим философские идеи или психологические состояния героев.

Переходя к литературному процессу Китая, невозможно не упомянуть литературу «поиска корней» конца 70-х – начала 80-х гг. XX в., наследующую традиции латиноамериканского магического реализма. Данное художественное направление переосмысливает методы реставрирования связей с традицией ушедших эпох, таким образом «восстанавливая “культуру” как категорию, не связанную с моралью и политикой» [6, с. 242]. Каждое новаторское произведение имеет синтетическую природу – смешение литературных приемов и традиций, опосредование иных видов искусства. Переосмысляя наследие «культурной революции» и, вместе с тем, проводя политику реформ и открытости, Китай неизбежно заимствовал многие западные тенденции, что привело к рефлексии национального масштаба, направленной на поиск собственной социальной истории и культурных истоков.

Китайский писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе Мо Янь, работая в рамках литературы «поиска корней», реконструирует реальность в формальной структуре мифа, используя метод магического реализма. Мо Янь расширяет художественное пространство посредством достраивания социально-исторического фона ясно прослеживаемыми магическими элементами. Мифологические мотивы, органично входящие в общий реалистический план произведений, идея значимости культурных истоков, отчетливо выраженная в использовании китайской фольклорной традиции, определяют ключевые особенности творчества писателя. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Мо Янь выстраивает особое мифологическое пространство, в котором события хоть и не поддаются объективному логическому объяснению, но ведомы более глубоким культурным подтекстом: мифологические образы и символы, присутствующие в художественном пространстве, апеллируют к глубинным слоям человеческой психики – к архетипам. Следовательно, мы можем выделить два типа мифологического пространства: первичное (пространство мифологии, фольклора, где царит хаос и неразделенность) и вторичное (пространство, созданное в художественном произведении, где мифологические элементы трансформируются и адаптируются к авторскому замыслу).

Так, яркими примерами вторичного мифологического пространства могут послужить деревня Гаоми из ряда романов Мо Яня и Макондо из романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Эти два

художественных пространства, несмотря на географическую и культурную разницу, имеют много общего. В пятой части романа «Лягушки» Мо Яня один из главных героев, драматург Кэдоу, презентует пьесу, где предлагает изменить название своей малой родины – дунбэйский Гаоми – на городок Макондо [2, с. 407]. Деревня Гаоми, располагающаяся на северо-востоке Китая, является местом рождения и самого Мо Яня, что позволяет ему через соединение реального и фантастического воссоздать свой собственный литературный «вакуум»: «Именно в “Осеннем паводке” впервые появилось словосочетание “дунбэйский Гаоми”, и с тех пор, подобно странствующему крестьянину-батраку, который обрел свой клочок земли, я, такой литературный бродяга, наконец нашел себе пристанище» [3, с. 260]. Гаоми географически и исторически чуть более привязан к реальности, чем Макондо Г. Г. Маркеса, однако нарратив происходящего в деревне претерпевает схожие магические деформации. Макондо есть вымышленное пространство, в то же время Гаоми можно найти на карте современного Китая, однако у Мо Яня уезд образует особый мир, который включает в себя национальное бытие всего китайского народа. Люди, населяющие Гаоми, живут, мыслят и совершают социальные взаимодействия, ориентируясь по большей части на миф как архаичное наследие.

Сюрреалистический роман «Страна вина» (1992) высмеивает китайскую одержимость пищей и «каннибалистическую» культуру, ранее осужденную Лу Синем. Это сатирическое произведение, которое исследует отношения китайского народа с едой и напитками, а также показывает невоздержанность, развращенность и разложение чиновников государственного аппарата. В романе находится и место «чуду», как неотъемлемой части литературы «поиска корней»: главный герой Дянь Сяоэр находит источник, из которого течет вино вместо воды; в разных эпизодах романа люди превращаются в животных, например, дядя Сяоэра превращается в быка и т. д. Также главный герой встречает призраков умерших персонажей, некоторые персонажи наделены даром предвидения, например, слепая гадалка. Имеют место и необычные события: Дянь Сяоэр исцеляется от тяжелой болезни после употребления винной воды из источника и демонстрирует необычайную силу, когда он в одиночку побеждает банду разбойников.

Художественным пространством и главным местом действия романа является вымышленная провинция Цзюго (в переводе с китайского – «страна вина»). Из некоторых фрагментов произведения мы можем сделать вывод, что это горная провинция с богатыми природными ресурсами, но более всего определяет быт жителей этой местности процветающее виноделие: вино здесь является не просто напитком, но и символом власти, коррупции и разврата. Прибывая в Цзюго в начале романа, Дянь Сяоэр сразу же отмечает инаковость мира, здесь законы и устои привычной реальности теряют свою силу: «Почти все водители, сидевшие в кабинах, и возницы, стоявшие опершись на оглобли, выпивали. Очевидно, запрет пить за рулем здесь не работает» [4, с. 10].

В Цзюго культ вина идейно обслуживается Академией виноделия, в которой профессора дают лекции о вине: его истории, свойствах, культуре употребления и т. д. Именно вино может изменить не только восприятие окружающего пространства, но и само пространство как

такое. Мироощущение героев напрямую связано с измененным состоянием алкогольного опьянения, в рамках которого Цзюго существует и функционирует. Чем пьянее Дянь Сяозэр, тем более охотно он принимает правила этого нового волшебного пространства: от его стремления добиться правосудия ничего не остается.

Еще в начале романа главный герой ощущает свою оторванность от реального мира: «На горе угля под открытым небом черными точками копошились люди, а внизу виднелось целое скопище машин и повозок. Голоса людей и крики животных доносились очень слабо. Он решил, что у него что-то со слухом: между ним и реальным миром будто образовалась прозрачная перегородка» [4, с. 10]. Однако, вино ломает Дянь Сяозэра, делая его полноценным «местным жителем» Цзюго. Таким образом, пространство поглощает героя еще до его физической гибели.

Сам Мо Янь фигурирует в романе как персонаж, ведя переписку с кандидатом наук Академии виноделия Ли Идоу. Он создает многослойность пространства романа, одновременно находясь и за его пределами, и внутри повествования. Мо Янь рассуждает о своем романе и приходит к выводу, что уникальность места действия – важный фактор, он определяет успех произведения. По мнению писателя, умелый литератор должен уметь заставить своих героев действовать в беспрестанно меняющейся обстановке, потому что это не только позволяет скрыть некоторые недоработки автора, но и мобилизует активность читателя в процессе чтения. В конце произведения Мо Янь-персонаж также неизбежно сливается с пространством Цзюго, посещая эту мистическую провинцию и приобщаясь к культуре распития вина.

Анализируя творчество Мо Яня, мы приходим к выводу, что моделирование художественного пространства – это комплексная задача, требующая учета различных факторов: контекста произведения, жанровых особенностей, авторской манеры, идейно-художественного содержания. Художественное пространство произведений Мо Яня является не просто местом действия, но обязательным условием для развития сюжета, так как чудеса, происходящие в Гаоми или Цзюго, могут происходить и иметь силу лишь в рамках данного мифологического пространства, которое одновременно является продуктом авторской фантазии, объектом восприятия читателя и неотъемлемой частью самосознания находящихся в нем персонажей.

Список литературы

1. **Маслова, Е. Г.** Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества / Е. Г. Маслова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 10. – С. 254–269.
2. **Мо Янь.** Лягушки / Мо Янь ; [пер. с кит. И. А. Егорова]. – Москва : Эксмо, 2020. – 416 с. – ISBN 978-5-04-106548-5.
3. **Мо Янь.** Сказитель. Нобелевская лекция / Мо Янь // Иностранная литература. – 2013. – № 5. – С. 254–266.
4. **Мо Янь.** Страна Вина / Мо Янь ; [пер. с кит. И. А. Егорова]. – Москва : Амфора, 2012. – 448 с. – ISBN 978-5-367-02229-2.

5. **Савельева, В. В.** Художественный текст и художественный мир: проблемы организации / В. В. Савельева. – Алматы : Дайк-Пресс, 1996. – 191 с. – ISBN 5-7667-4254-1.
6. **Vance Yeh, C.** Root Literature of the 1980s: May Fourth as a Double Burden / C. Vance Yeh // The Appropriation of Cultural Capital: China's May Fourth Project / editors: Milena Dolezelova-Velingerova and Oldrich Kral. – Cambridge, Mass., 2001. – ISBN 0-674-00786-7. – P. 229–256.

Korobko K. V.

**Mythological space in the context «search for the roots» literature
(based on the example of Mo Yan's work)**

This article analyzes the specifics of modeling the artistic space in modern Chinese literature in the context «search for the roots» literature and Mo Yan's works, who expands the artistic space by means of completing the socio-historical background with clearly traceable magical elements, which determines the key features of the writer's work, so the author concludes that modeling the artistic space is a complex task that requires taking into account various factors: the context of the work, genre features, author's manner, ideological and artistic content.

Key words: *artistic space, Chinese literature, literature of «search for the roots», Mo Yan.*

Новикова Анна Анатольевна,
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой английской и
восточной филологии,
ФГБОУ ВО «ЛГПИУ»
anitabogdan@mail.ru

The problem of synthesis of literary genres in Iris Murdoch's intellectual prose

The article deals with the literary genres of A. Murdoch's intellectual prose in the context of the problem of their synthesis. Methodologically and substantively, the study is at the intersection of such humanities as text theory and literary studies. The author emphasises that A. Murdoch's work contains images-concepts of illusory existence, the game of meanings and values, the concept of multiple hermeneutic interpretations, which make the truth inaccessible to the limited human mind. A. Murdoch's prose is a synthesis of several novel forms, among which the most significant are Gothic, neo-Gothic, knave, courtesan novels and biblical parable.

Key words: *theory, literary genre, A. Murdoch, intellectual prose, synthesis, world literary process.*

The study of changes in literary traditions in their relation to the evolution of ideological and cognitive paradigms of society is one of the main domains of the modern literary criticism. Nowadays the problems of literary genre are in the centre of attention of philologists and linguists. This is evidenced by numerous publications of recent years devoted to the general theory of text and special works devoted to literature genre (V. A. Lukin, O. E. Frolova, Y. E. Prokhorov, J.-M. Schaeffer, N. N. Semenyuk, etc.). Unfortunately the problems of the essence of the literary tradition, which has been intensively developing since the second half of the XX century till present, which has adopted, transformed and fundamentally reincarnated the individual features and elements of almost all cultural, conceptual and scientific traditions of the world, are still unsolved. This is the tradition of intellectualism.

Iris Murdoch is one of the most prominent and controversial writers of the second half of the XX century for her philosophical and intellectual manner, and she is of substantial interest for the modern science. So, among the scientific works which have shaped the general course of this study several works should be noted: the monograph by V. D. Dneprov became a fundamental study of the characteristic features and transformations, which the art of the XX century was subjected to; the abstract of the thesis «The Concept of a Human in the Creative Work of Iris Murdoch», N. I. Lozovskaia's article «Aesthetic Views of Iris Murdoch», V. V. Ivasheva's work «From Sartre to Plato», M. I. Voropanova's article «Under the Sign of Apollo», the work by G. V. Anikin «The English Novel of the 60s of XX Century», T. G. Serditova's article «Religious and philosophical concept of Iris Murdoch in the novel "Nuns and Soldiers"», N. A. Malishevskaya's work «The phenomenon of the concept of love as a fundamental principle of philosophical and literary discourse in the works of Iris Murdoch» focus on the philosophic problematics

of I. Murdoch's fiction. In these studies concentration is made on the influence of existentialistic and linguistic concepts on the creative work of the writer.

An important role in similar investigations was played by foreign critical tradition. The collection of articles on the artistic legacy of I. Murdoch edited by M. Antonaccio and W. Schweiker «Iris Murdoch and the Search for Human Goodness» includes the works on the issue of moral philosophy in the novels and critical essays of I. Murdoch: «From and Contingency in Iris Murdoch's Ethics» by M. Antonaccio, «Iris and Moral Philosophy» by Ch. Taylor, as well as the essays on the role of the concept of Eros in the novels of the author «Love and Vision: Iris Murdoch on Eros and the Individual» by M. N. Nussbaum and «Iris Murdoch and the Many Faces of Platonism» by D. Tracy, etc.

The other sources, devoted to the problems of genre specifics, philosophical content and poetics of I. Murdoch's novels are indicated in the bibliography. It should be mentioned that among the available research works on the issues of genre problematics of writer's novels, there is no investigation that would be comprehensive in these issues. So, the problem of poetics of intellectual novel in the works of I. Murdoch remains an actual problem of literary criticism.

In this article we are going to trace the synthesis of literary genres in I. Murdoch's intellectual works.

As we know, British literature is characterized by strict adherence to national traditions, as compared to other Western literary traditions. In this respect, the creative work of I. Murdoch, characterized by the continuity of national and world literary traditions, is not an exception; wide implementation of elements of various traditions establishing the genre eclecticism of her novels: «The novel "Under the Net" is a fundamental work of Iris Murdoch. Here the foundations for her literary technique are laid, as well as for the specific feature of poetics of her fiction – eclecticism» [10, p. 32].

So, the traditions of gothic and neogothic novels, picaresque novel, parable (including biblical parable), Baroque, chivalrous and courtly literature, romance and the novel literature, as well as romantic and realistic prose belong to the brightest and most original genre traditions, reflected in I. Murdoch's novels. First of all, the writer follows the traditions of classical (i. e. nonmodernistic) literature with classical plot and developed intrigue [5; 7]. As a result the diversity of genre synthesis led some scientists to the conclusion about the specific and unique «Murdochian synthetic novel» [11], either having no analogues within literary genres, or being a particular subgenre of philosophical novel [11].

Yu. Zyryanova and A. N. Nikiforova consider that the most strongly marked and most frequently studied literary tradition adopted into I. Murdoch's novels is the tradition of English gothic novel [2, p. 137]. Scientists write about such gothic features in author's works as specific chronotope – the chronotope of «castle» where the action takes place; entertaining plot (melodramatic effects, plot mysteries, intervention of supernatural forces); and characters of novels are endowed with features of stock-characters of romantic and pre-romantic literature [2, p. 138]. In the novel «The Sea, the Sea» [8] the house itself is ruined, but also it is the adjacent tower, which is considered a historical monument and sometimes is visited by tourists. The protagonist, Charles Arrowby, admits that he bought the house from an old lady, but had never met her personally and failed to find out anything about the history of the house: «My first and clear thought was that I was seeing a ghost,

the ghost of the house, at last!» [8, p. 99]. In addition in the novel the writer uses the technique of enhancement of black colour which is also one of the characteristic of gothic literature.

There is not any house-castle in the novels «The Black Prince» and «A World Child», but some features of the chronotope of gothic prose are retained. The most significant among the so-called «gothic» I. Murdoch's novels is the novel «The Unicorn», where we can find allusions to various classic works of the XIX century. Here the impact of Jane Austen (especially «Northanger Abbey»), and Thomas Hardy is significant, but most of all, of Emily Bronte, the author of «Wuthering Heights» [7, p. 36].

A. N. Nikiforova finds the motives of fatal love and the kidnapping of the beloved associated with it common for I. Murdoch's gothic prose. In the novel «The Black Prince» we meet the Black Eros, who is the mysterious deity, appears bringing love and creativity, suffering and death. Hilary Burde («A Word Child») is visited by fatal love. In another novel «The Sea, the Sea» similar motifs resemble parody [5, p. 34–38].

So, the plot formation under the sign of the fatal secret is another typological feature of the adapted I. Murdoch's gothic novel. The plot of author's novels only at first glance seems conglomeration of incredible and unexpected events, but the plot scheme in her works is a rigid, almost steel construction [5, p. 68]. In I. Murdoch's works we can distinguish the phenomenon of duality. For example, in the novel «The Bell» each character is doubled by another one: Nick is doubled by Toby, Catherine is shadowed by the sinned nun, etc., and these compositional elements and images contain synthesis of allusions, which unify philosophical concepts and figurative literary associations, that confirms the synthesis of image and concept, which is peculiar for intellectual literature.

Ye. V. Skobeleva even expands the interpretation of allusiveness of «The Bell», drawing parallels between the reflectivity of composition and imagery system of the novel and «Alice in Wonderland» (L. Carroll) [7, p. 64]. Another scientist, I. N. Mizinina, indicates the features of parableness of this novel: «...I. Murdoch transforms the novel into a singular parable about the modern person. However, the parabolic nature is violated by the author» [1, p. 9]. To sum up, the imagery system of the novel is based on the principle of allusive use of archetypes.

Besides the features of Gothic tradition are also inherent to I. Murdoch's characters, which are often reflections of stereotypes of Pre-romantic and Romantic literature (gothic novel emerged within latter trends) [7, p. 28]. There are many author's works where the satiric, accusatory, rhetoric and didactic principles dominate over the narrative. A. N. Nikiforova considers that «Murdoch managed to bridge existentialism and Baroque and show the link between Baroque and Buddhism (the “Riverside Miming Theatre” episode)» [3, p. 472]. Therefore, we can trace a parallel, in which an identical or at least similar idea is shown in terms of various epochs, trends and traditions.

It is possible to find in I. Murdoch's prose adopted aspects belonging to the features of picaresque novels: 1) the first-person story is narrated by the protagonist, resembles a fictitious autobiography; 2) the author trusts the Picard protagonist, but the narrative structure the Picard-narrator, Picard-persona, and the author of the work have relatively independent standpoints; 3) the plot unfolds into a series of randomly matched episodes and protagonist's adventures, which are, however,

confined within the rigid frame of construction; 4) proteanism is a characteristic feature of the Picard-persona: throughout the narration he takes different roles and guises; in Murdoch's prose this corresponds to intellectual and spiritual regeneration [4, p. 156–157].

I. Murdoch also parodically develops the image of the Beautiful Lady, peculiar of the courtly poetry of XII–XIII centuries. For example, in «Under the Net» the author experiments with the play «A Midsummer Night's Dream» by W. Shakespeare, and introduces an allusion to a love intrigue [9, p. 105]. L. K. Bairamkulova considers that I. Murdoch experiments with different forms of the novel, shaping a complex structure based on the plotline, where the details of different novelistic forms are projected as the narration progresses [9, p. 116–119].

The author's prose is not restricted by rigid framework of the novel. According to Ye. V. Skobeleva, the genre of I. Murdoch's works combines the features of the old novelistic form of «romance» and the new form of «novel», which, in its turn, derives from the Gothic tradition [7]. So, the genre gets a new name: instead of the genre term «novel», deriving from the Renaissance novel, the writers of the «gothic school» usually apply the term «romance», which dates back to the medieval courtly-chivalric romances, and based on the fabulously fantastical adventures of ideal characters-heroes [7, p. 38]. But at the same time C. Reeve considers that the boundary between the two types of the novel is really vague and romance combines the images of real life and fanciful wonders: in a certain sense, the gothic novel is a peculiar «version of the novel of manners», with mysterious, far-from-routine events being added [14].

As we know most of the native and foreign researchers [1; 9; 14] tend to attribute the prose of the British writer to realism. This opinion is shared by I. Murdoch herself: «I am adherent of the tradition of realism» [6, p. 68]), and the main point, which contradicts attributing author's prose to realism, is the concept illusory, duality of being, peculiar of intellectualism. As it is commonly accepted, in realism reality, «regardless of its severity», is an objective, absolute, infallible criterion of what is happening, but the latter circumstance, namely, the concept of illusory entity, seemingly refers her prose to romanticism.

In other words, it escapes from speculation, fantasy, seclusion, and magic into real life, continually distancing itself from its characters, giving thousands of meanings to common place events, putting dozens of masks on ordinary people, and hiding the truth under a play of sensation and meaning. This fact, we believe, provides an argument for considering intellectualism not only as a subgenre of the novel, but also as an independent literary trend.

In I. Murdoch's works we find the connection between the genre peculiarities and philosophical foundations of with the so-called Kantian novels, to which she primarily refers «The Flight from the Enchanter» and «The Sandcastle» [7]. Also, the author blends the traditions of early and late Gothic novel: the early Gothic novel focused on the image of a virtuous girl who having survived sufferings is rewarded happiness (works of such kind were called «she-tragedies»); in the late gothic novel the plot is set into motion by the villain: «In the Gothic atmosphere of mystery and fear the writer considers existential problems of existence and choice, bringing the innermost thoughts and feelings of her characters to the surface» [7, p. 112]. It is worth noting that scientists have different opinions on the possible causes of I. Murdoch's existentialism. For example, R. Moran considers, that «Iris Murdoch

encountered Sartre's Existentialism at the height of its cultural fashion and influence, and as one of its first and most important expositors in English, she played a crucial role in bringing these ideas out of the realm of posture and fashion and into the realm of serious thought. And much of her later thought involved a self-conscious distancing of herself from these beginnings, culminating in the sustained criticism of Existentialism contained in "The Sovereignty of Good"» [12, p. 112]. However, D. Robjant raises the question that R. Moron's support for this view is only his attempt to assimilate I. Murdoch's discussion of moral «vision» in the parable of the Mother in Law to Sartre's thought on «choice» and «orientation» [13]. So, existential questions in the writer's work are still debatable.

There is Christian symbolism, as well as complex metaphoricity and allegorism, peculiar of baroque poetics in I. Murdoch's texts: Rosa compares Annette with fish and mermaid; Mischa Fox also compares women with fish, etc. «At the same time Murdoch is far from unambiguity in the delineation of this personage – one of his profiles is blue eyed. Good and evil, black and white have merged in Mischa. When he is asked for help, he helps, but he turns to the requester his profile with the dark eye, and so the victims appear» [3, p. 120]. So, it proves that a human nature is dualistic, because of the struggle between two principles, and the dualism of reality.

So, in «The Flight from the Enchanter», like in her first «Under the Net» novel, I. Murdoch experiments with the genres of chivalrous romance, courtly lyrics and poetry of the troubadours: the Baroque «life is a dream» idea is intertwined with the Gothic idea of suffering. Next novel «The Sandcastle» was adapted by the author with many features inherent to the gothic type of plot unfolding: the mystery, which is the indispensable component of the gothic novel, is related to painting of the director's portrait; the plot-generating role in the novel is performed by several structures: the incapacious house of Bill Mor, the mysterious mansion of Demoyte with colorful baroque interior, the jeweller's workshop of Tim Burke, resembling the alchemist laboratory.

Ye. V. Skobeleva uses the term «neogothic» for characterizing I. Murdoch's fiction. The term was mentioned by the writer herself not only to refer to architecture, but also to narration. The scientist defines neogothic as «the neo-romantic trend of the early XX century, showing the somberness of life, impossibility of escape from the evil» [7, p. 10]. The writer, studying the human, considers romantic perception of life in its disorder and inconsistency: many mystical episodes in «The Sandcastle» are depicted with irony and humor.

It can be concluded that in the context of the world literature process the gothic tradition manifested in I. Murdoch's prose in chronotope, composition (the intrigue is based on the mystery involving demonic figures), gothic or neogothic archetypes, specularity and duality of characters. Phenomenological and hermeneutic philosophical tradition and the apparent predominance of pessimistic and mystical traditions in I. Murdoch's works refers with the dominant role of existential doctrine, the doctrine of A. Schopenhauer, F. Nietzsche and Z. Freud, the teaching of S. Kierkegaard, and also to the legacy of Gothic and Baroque represented in author's prose. The intrigue is thus based on the combination of gothic mystery, baroque illusory of dream-life, and picaresque adventure abruptness of events.

The I. Murdoch's intellectual novel is a synthesis of several novel forms, among which most significant are the gothic and neogothic novels, picaresque, courtly romances and the biblical parable. The synthesis of novel forms of romance and

novel derives from the gothic traditions, but the synthesis of the novelistic forms of novel and romance suggests the synthesis of the features of realism and romanticism in I. Murdoch's creative works, whereby we make an assumption of originality of intellectualism as an independent literary trend. The author uses allusiveness in novels, which have both philosophical and literary (artistic) background: every genre allusion, representing an image can be correlated with a philosophical concept. Therefore the phenomenon of the synthesis of image and concept in the intellectual novel of I. Murdoch is illustrated. The images-concepts of semantic relativism, the conception of multiplicity of hermeneutic interpretations, as a characteristic feature of intellectual prose in general, illusory entity, play of senses / meanings, which make truth unavailable for the limited human mind, are central in author's intellectual novel.

Список литературы

1. **Байрамкулова, Л. К.** Поэтика Айрис Мердок в свете проблемы интертекстуальности (Мердок и Шекспир) : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (европ. и амер. лит.)» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Байрамкулова Лейла Кемаловна ; Ин-т филологии Кабардино-Балкарского гос. ун-та им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2005. – 189 с.
2. **Зырянова, Ю. И.** Традиции английского готического романа в произведениях А. Мердок («Черный принц», «Дитя слова», «Море, море») / Ю. И. Зырянова // Вестник Челябинского университета. Серия 2, Филология. – 1996. – № 1. – С. 136–140.
3. **Мизинина, И. Н.** Романы А. Мердок конца 60-х – начала 70-х годов : (идеи философии Платона в зеркале художественной структуры) : спец. 10.01.05 «Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Мизинина Ирина Николаевна ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1991. – 16 с.
4. **Никифорова, А. Н.** Готика в романах А. Мердок 1960-х годов «Единорог» и «Время ангелов» / А. Н. Никифорова // Художественная литература в поликультурном пространстве : IV Давлетшинские чтения : материалы Региона. науч.-практ. конф. (Бирск, 04–05 марта 2005 г.) / Бирский гос. пед. ин-т. – Бирск, 2005. – ISBN 5-86607-227-0. – С. 66–69.
5. **Никифорова, А. Н.** Поэтика романов Айрис Мердок 1950-х годов : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной лит.)» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Никифорова Анна Николаевна ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2007. – 178 с.
6. **Никифорова, А. Н.** Проблемы буддизма и христианства в творчестве А. Мердок / А. Н. Никифорова // Филология и культура : материалы IV междунар. науч. конф., 16–18 апр. 2003 г. / [редкол.: Н. Н. Болдырев (отв. ред.) и др.]. – Тамбов, 2003. – С. 473–474.
7. **Осипенко, Е. А.** Принципы игровой поэтики в романах Айрис Мердок 50–80-х годов : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (европ. лит.)» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Осипенко Елена Анатольевна ; Балашовский фил. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. – Балашов, 2004. – 156 с.

8. **Скобелева, Е. В.** Традиция «готического» романа в английской литературе XIX и XX веков : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (европ. лит.)» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Скобелева Екатерина Витальевна ; Московский гос. пед. ун-т. – Москва, 2008. – 197 с.
9. **Толкачев, С. П.** Художественный мир Айрис Мердок : спец. 10.01.05 «Литературы народов Европы, Америки и Австралии» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Толкачев Сергей Петрович ; Литературный ин-т им. А. М. Горького. – Москва, 1999. – 199 с.
10. **Урнов, М. В.** Айрис Мердок: Литература и мистификация / М. В. Урнов // Вопросы литературы. – 1984. – № 11. – С. 78–105.
11. **Biles, J. I.** An Interview with Iris Murdoch / Jack I. Biles // *Tiny Corner in the House of Fiction: Conversations with Iris Murdoch* / edited by Gillian Dooley. – Charleston, 2003. – ISBN 1-57003-499-0. – P. 56–70.
12. **Moran, R.** Iris Murdoch and Existentialism / Richard Moran. – Text : electronic // *Iris Murdoch Philosopher* / edited by Justin Broackes. – London, 2012. – ISBN 978-0-19-928990-5. – P. 181–196. – URL: https://www.academia.edu/4342738/Iris_Murdoch_and_Existentialism (date of access: 12.04.2024).
13. **Robjant, D.** Is Iris Murdoch a Closet Existentialist? Some Trouble with Vision, Choice and Exegesis / D. Robjant // *European Journal of Philosophy*. – 2013. – № 21(3). – P. 475–494.
14. **Rose, W. K.** Iris Murdoch, Informally / W. K. Rose // *Tiny Corner in the House of Fiction: Conversations with Iris Murdoch* / edited by Gillian Dooley. – Charleston, 2003. – ISBN 1-57003-499-0. – P. 16–29.

Novikova A. A.

Проблема синтеза литературных жанров в интеллектуальной прозе Айрис Мердок

В статье рассматриваются литературные жанры интеллектуальной прозы А. Мердок в контексте проблемы их синтеза. В методологическом и содержательном планах исследование находится на пересечении таких гуманитарных наук, как теория текста и литературоведение. Автор подчеркивает, что в творчестве А. Мердок присутствуют образы-концепты иллюзорности бытия, игры смыслов и значений, концепции множественности герменевтических интерпретаций, которые делают истину недоступной для ограниченного человеческого разума. Проза А. Мердок является синтезом нескольких романских форм, среди которых наиболее значимыми являются готический, неоготический, плутовской, куртуазный романы и библейская притча.

Ключевые слова: теория, литературный жанр, А. Мердок, интеллектуальная проза, синтез, мировой литературный процесс.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.043:001.89 (100)

Гришак Светлана Николаевна,
д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры английской и
восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
svetlanagrishak@mail.ru

Гендерная проблематика в академическом дискурсе высшей школы: специфика легитимации на постсоветском пространстве

В статье определено, что начатое в конце XX века внедрение гендерной проблематики в академический дискурс высшей школы постсоветских стран имело ряд специфических особенностей, что было обусловлено отличным от западных гендерных исследований характером институционализации на онтологическом, политическом, гносеологическом и когнитивном уровнях, и предопределяло трудности легитимации гендерного дискурса в академической среде постсоветских стран.

Ключевые слова: гендер, гендерные исследования, научный и образовательный дискурс, высшая школа, постсоветские страны.

На постсоветском пространстве появление гендерной проблематики в академическом дискурсе высшей школы, который в данной статье мы рассматриваем вслед за рядом ученых в широком смысле – как совокупность всех социально-коммуникативных явлений в образовании и науке, включающих взаимодействие субъектов и объектов научной и педагогической сфер деятельности, а также продуктов данной деятельности [8], отмечается в последнее десятилетие XX века. Именно в это время, по данным многих ученых, после распада СССР во вновь созданных постсоветских государствах активизировалось женское движение, стали основываться первые независимые женские организации и феминистские группы, в академических журналах появились переводы зарубежных работ и первые публикации, затрагивающие гендерные вопросы. Более того, впервые термин «гендер» используется в официальном названии лаборатории, созданной в 1990 г. на базе Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН) [9, с. 27].

С подачи И. А. Жеребкиной, это время в академической среде исследователей гендера стали называть «гендерные 90-е», ибо, как отмечает исследовательница, «именно в этот период в постсоветской интеллектуальной культуре произошла поистине революционная легализация не просто нового академического дискурса – дискурса гендерных исследований, но и самого феномена женского...» [3, с. 85].

Институционализации нового направления в науке и образовательной сфере в начале 1990-х, по утверждению О. И. Ключко, способствовали

три основных фактора: во-первых, масштабные преобразования, которые включали изменения статусных позиций различных слоев населения, во-вторых, возникновение в ходе перестройки независимых женских инициатив и женского движения и, в-третьих, глобализационные тенденции, которые стимулировали международные связи и участие в научных зарубежных событиях и обеспечивали финансовую поддержку от западных фондов [6, с. 160–161]. Кроме этих главных факторов исследователи отмечают значимую роль других организационных возможностей, которые создавали условия для становления новой области знаний: формирование новых образовательных структур, которые были более открытыми для гендерной тематики, чем традиционные научные и образовательные учреждения; государственная поддержка гендерных программ; а также «личный фактор», без которого невозможным было выживание в условиях нестабильности; а также начало эпохи гласного обсуждения наболевших социальных проблем, в частности, проблем пола [4].

Стоит отметить, что легитимации гендерной проблематики в академическом дискурсе постсоветских стран, начавшейся в начале 90-х гг. XX в., способствовало внедрение в научное и образовательное пространство высшей школы гендерных исследований (О. А. Воронина, А. В. Кириллина, Е. А. Здравомыслова, Н. Л. Пушкарева, А. А. Темкина, М. В. Томская, С. М. Шакирова, Д. Л. Шульц и др.). Однако, перенос на постсоветскую почву западных гендерных исследований происходил в отличии от стран Запада контексте. И, как утверждают российские исследователи А. А. Темкина и Е. А. Здравомыслова, различия имели онтологический, политический, гносеологический, когнитивный характер [5].

На онтологическом уровне различия заключались в определении различных подходов к проблеме женского/мужского и различного опыта взаимоотношений женщин и мужчин, обусловленных существованием различных гендерных систем в странах Запада и постсоветского пространства. Так, сравнивая проблемы женщин в постсоветской России, женщин на Западе и афроамериканских женщин, исследователи обнаружили множество различных нюансов и сложностей в опыте разных женщин.

На политическом уровне появление и развитие гендерных исследований в постсоветских странах, в отличие от западных, не были вызваны развитым женским движением и не имели той политической идентификации с феминизмом, что имели гендерные исследования в США и Европе. Справедливым считаем утверждение казахской исследовательницы С. М. Шакировой, считающей, что «гендерная политика, гендерное образование и гендерные исследования на постсоветском пространстве возникли не самопроизвольно, не из внутренних потребностей общества и науки, а были импортированы с Запада как часть крупного модернизационного политического проекта, предложенного нам и другим странам транзита и третьего мира» [10, с. 183].

Характерной чертой западных гендерных исследований считается феминистская гносеология, основу которой составляет насчитывающая несколько веков теория западного феминизма. В постсоветском общественно-научном дискурсе феминистские идеи не получили своего развития из-за установления на государственном уровне идеологии равноправия и

решения так называемого «женского вопроса». Так, в системе представлений западных феминисток о взаимоотношениях женщин и власти искоренение дискриминации женщин возлагается на государство, в то время как в правовом поле бывших республик Союза остались нормы, защищавшие женские права, поэтому дискриминация по половым признакам формально отсутствовала, а эти проблемы считались надуманными, привнесенными извне, а следовательно, многими учеными феминизм считался западной идеологией, которая не имеет никакого отношения к реалиям в постсоветских странах.

Различия в когнитивных практиках научного сообщества проявляются в распространении и реализации различных видов дискурсов. Наряду с гендерным дискурсом в западном знании пола и половых различий функционируют другие – традиционный и феминистский, которые «сосуществуют и конкурируют между собой за право доминировать в области научных исследований [2, с. 68].

В постсоветских странах распространение получил модернизированный традиционный дискурс, который одновременно включает в себя и феминистскую риторику равенства полов, и традиционную риторику женского назначения. Если в западных странах дискурс равенства полов и дискурс женского назначения, противоречащие друг другу, находятся в состоянии борьбы, то в постсоветских странах произошло их слияние – дискурс равенства был поглощен традиционным дискурсом о женском назначении, изменив его [2].

Как показывает анализ, легитимность гендерной проблематики в начале институционализации в высшей школе не была высокой на постсоветском пространстве, гендерные исследования не воспринимались как научное направление в образовании, гендерные знания оставались маргинальными в системе академического знания.

Вместе с тем, те общественные трансформации, которые сопровождали появление понятия гендера в постсоветских странах, по словам А. Лангеноля, «фактически заставляли обсуждать фундаментальные сдвиги в социальных, политических, экономических и культурных институтах». По мнению исследователя, «в отличие от категории женщины, категория гендера означает всеобщий характер социальных понятий, по отношению к которым невозможно сохранять моральный нейтралитет» [7].

Понятной и приемлемой гендерная проблематика становилась именно в контексте социальных проблем, в частности проблемы гендерного равенства, которая стала легитимной и интегрированной в общественно-политический дискурс международным сообществом после принятия Пекинской декларации. С этого времени концепт гендера был импортирован и введен в публичное обращение, как утверждает Е. И. Гапова, «академическими» женщинами «столичных городов, которые стремились заново формулировать значимый для них, но не имеющий в СССР названия «женский вопрос», создали первые феминистские группы и, собственно, стали коллективным автором нового дискурса» [1, с. 71].

Само слово «гендер» не имеет однозначного перевода, его написание и произношение, в частности на русском языке, представляет собой кальку английского «gender». Это английское слово, по мнению С. М. Шакировой,

«слишком легко вошло в обиход на постсоветском пространстве. Это произошло одновременно с импортом новой идеологии – феминистской идеологии равенства полов, которая, в отличие от термина „гендер”, осваивает наше академическое и социальное пространство далеко не так легко и не так триумфально» [10, с. 12]. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи постсоветских стран, которые отмечают, что, несмотря на постоянные дискуссии вокруг понятия «гендер», гендерная проблематика, в отличие от феминистских идей, значительно благосклоннее воспринимается в академическом сообществе, поэтому имеет перспективы дальнейшего развития.

В то же время внедрение категории гендер в частности, и легитимация гендерной проблематики в академическом дискурсе высшей школы в целом, подвергалось достаточно сильному противодействию со стороны академического сообщества на постсоветском пространстве, что, безусловно, обуславливалось рядом причин и факторов, которые во многом имели общую специфику. Среди них стоит отметить:

– во-первых, отсутствие четкого понятийного аппарата новой области знаний и неразработанность дефиниций в научном и образовательном дискурсе высшей школы постсоветских обществ, ибо «переводной феминизм» многими учеными считается оторванным от собственных теоретических основ, обуславливая концептуальные трудности освоения и создания понятийного аппарата гендерных исследований;

– во-вторых, характерная для большинства специалистов высшей школы на постсоветском пространстве интеллектуальная традиция эссенциализма и биологического детерминизма и соответствующего ей модернизированного традиционного дискурса, что выражается в приверженности последних к поло-ролевому подходу в образовании, который ими применяется «по умолчанию», ибо гендерная социализация самих преподавателей осуществлялась в условиях поло-ролевой дифференциации, усвоении традиционных гендерных ролей, представлений и стереотипов;

– в-третьих, распространенное на территории постсоветского пространства мнение об отсутствии дискриминации по половым признакам в бывших республиках Советского Союза из-за решения так называемого «женского вопроса», а, следовательно, и преодоления неравенства в политической и социально-экономической сферах жизнедеятельности этих стран;

– в-четвертых, отсутствие подготовленных специалистов и необходимой научной рефлексии по поводу познавательного статуса гендерных исследований как нового направления в науке.

Тем не менее, следует отметить, что, несмотря на трудности и барьеры, возникающие в процессе легитимации гендерной проблематики, гендерный дискурс стал признанным в академической среде, о чем свидетельствуют защиты магистерских, кандидатских, докторских диссертаций, возросшее количество преподавателей вузов, заинтересованных проблемами гендера, постоянно расширяющееся дискурсивное поле гендерной проблематики. В образовании сформировался необходимый список классических и современных источников по гендерной тематике, который должен быть усвоен студентами, исследователи гендерной проблематики на постсоветском

пространстве включаются в информационный обмен, организуя научную коммуникацию как основу институционализации научной области и основу профессиональной деятельности ученого.

Одним из значимых итогов гендерного 30-летия в России, по словам З. А. Хоткиной, является то, что «гендерный дискурс вышел за рамки академических изысканий и учебных планов и стал понятен широкой российской аудитории» [9, с. 33]. Таким образом, можно утверждать, что начатая в конце XX в. легитимация гендерной проблематики в академическом дискурсе высшей школы на постсоветском пространстве способствовала формированию новой парадигмы знаний в образовании и исследовательской в науке – гендерной.

Список литературы

1. **Гапова, Е.** Гендерные исследования как зеркало постсоветской академии / Е. Гапова // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования : в 3 т. / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. – Москва, 2010. – Т. 2. – ISBN 5-89930-119-8. – С. 64–85.
2. **Демиденко, А. А.** Институализация гендерных исследований в России с позиций дискурсивного подхода / А. А. Демиденко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». – 2009. – Т. 7, вып. 4. – С. 66–70.
3. **Жеребкина, И.** Гендерные 90-е... : о возможностях гендерного дискурса и гендерного образования в бывшем СССР / И. Жеребкина // Гендерное образование: теория и практика : материалы Междунар. конф. (Бухара, (4–5 нояб. 2003 г.) / Институт гендерной политики (Москва) при содействии Центра ОБСЕ в Ташкенте [и др.]. – Бухар, 2003. – С. 85–92.
4. **Здравомыслова, Е.** Институализация гендерных исследований в России / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Гендерный калейдоскоп : курс лекций / [под общ. ред. М. М. Малышевой]. – Москва, 2002. – ISBN 5-87444-101-8. – С. 33–51.
5. **Здравомыслова, Е.** Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 177–185.
6. **Ключко, О.** Гендерный подход в социальном познании и в образовании : монография / О Ключко. – Saarbrücken : LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 304 с. – ISBN 978-3-8433-1967-6.
7. **Лангеноль, А.** «Гендер» в постсоветских условиях: эпистемология травмы / Андреас Лангеноль. – Текст : электронный // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 2(126). – С. 29–42. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/126-2014/23810-gender-v-postsovetskih-usloviyah-epistemologiya-travmy.html> (дата обращения: 25.04.2024). – Режим доступа: Онлайн-библиотека журналов «Журнальный клуб ИНТЕЛПРОС».
8. **Стеблецова, А. О.** Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: эволюция направлений и концепций / А. О. Стеблецова. – DOI 10.15688/jvolsu2.2020.5.1. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 5–13. – URL: <https://www.elibrary.ru>.

ru/item.asp?id=44635277 (дата обращения: 25.04.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU».

9. Хоткина, З. А. Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы / З. А. Хоткина // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 2. – С. 26–37.
10. Шакирова, С. Основания гендерных исследований: определение понятий, задачи и пути институализации / С. Шакирова // Исследование и преподавание гендера в Центральной Азии: проблемы высшего образования : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Узбекистан, Ташкент, 12–13 нояб. 2002 г.). – Ташкент, 2002. – С. 10–19.

Grishak S. N.

**Gender issues in the academic discourse of higher education institution:
the specifics of legitimation in the post-soviet space**

The article determines that the introduction of gender issues into academic discourse of post-Soviet countries higher education institution, which began at the end of the twentieth century, had a number of specific features. They were due to the different nature of institutionalization from Western gender studies at the ontological, political, epistemological and cognitive levels, that predetermined difficulties in legitimizing gender discourse in the post-Soviet countries academic community.

Key words: *gender, gender studies, scientific and educational discourse, higher education, post-Soviet countries.*

Жиров Илья Вячеславович,
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
mrezhirov@gmail.com

Современные приемы и методы обучения говорению на французском языке в средней школе

В данной статье рассматриваются современные методы и приемы обучения устной речи на французском языке в средней школе. Особое внимание уделяется использованию технологий и интерактивных подходов для стимулирования развития коммуникативных навыков учащихся. Автор описывает эффективные методики, основанные на принципах активного участия, аутентичности и контекстного обучения.

Ключевые слова: *современные методы, французский язык, лексическая игра, интерактивные методы, монологическая и диалогическая речь.*

Обучение говорению на иностранном языке является ключевым компонентом языкового образования, особенно в средней школе. Эффективные методы обучения устной речи не только способствуют развитию языковых навыков учащихся, но и помогают им активно применять полученные знания в реальных ситуациях общения. В последние десятилетия наблюдается значительный прогресс в разработке и применении современных средств обучения, которые активно интегрируются в учебный процесс с целью улучшения качества обучения говорению на французском языке.

Говорение – это ключевой аспект речевой деятельности, который представляет собой продуктивный процесс общения [2, с. 3]. В устной коммуникации активно используются различные функции речи, включая информационную, регулирующую и эмоциональную. Говорение зависит от контекста, включая характеристики участников общения и обстановку. Цель обучения говорению заключается в развитии у учеников способности к эффективному устному общению, учитывая их реальные потребности и интересы. Это включает умение вести диалоги, выразить собственное мнение и понимать речь собеседника [2].

Цель статьи – исследовать современные приемы и методы обучения устной речи на французском языке в средней школе с акцентом на использовании технологий и интерактивных подходов для развития коммуникативных навыков учащихся.

В процессе изучения иностранного языка могут возникнуть определенные трудности, включая преодоление «языкового барьера» и страх совершения ошибок в разговоре. Поэтому становится необходимым использование современных методов обучения устной речи, которые способствуют свободному и приятному общению. Доктор педагогических наук, Е. С. Полат, утверждает, что задача учителя заключается в создании

условий для практического овладения языком каждым учеником. Это включает выбор средств обучения, которые стимулируют активность и творчество каждого ученика [3].

Одним из традиционных методов обучения говорению является лексическая игра, которая дополняет методы обучения и способствует более активному усвоению материала. Она делает учебный процесс увлекательным и интересным. Особенно полезными считаются игры, направленные на расширение словарного запаса, улучшение произношения, развитие воображения и мышления. К примеру, игры со словами позволяют учащимся активно использовать и повторять новые лексические единицы. «La Virelangue» – это игра, целью которой является улучшение произношения через различные языковые скороговорки. Для развития воображения могут применяться игры типа «Qui suis-je?», где ученики должны описать себя или других людей, не называя своего имени [1, с. 30].

Современные технологии играют ключевую роль в обучении устной речи на французском языке в средней школе. Одним из наиболее эффективных средств являются компьютерные программы и мобильные приложения, специально разработанные для тренировки произношения, расширения словарного запаса и развития навыков общения на французском языке. Такие приложения, как «Duolingo», «Rosetta Stone» и «Babbel», предоставляют учащимся возможность практиковать устную речь в интерактивной форме, используя различные игровые и образовательные задания.

Помимо технологий, в средней школе активно применяются интерактивные методики обучения, направленные на стимулирование коммуникативных навыков учащихся. Одним из таких методов является ролевая игра, в рамках которой ученики имитируют реальные ситуации общения на французском языке, такие как поездка в кафе или покупка билетов на транспорт [4]. Эта методика не только способствует развитию устной речи, но и улучшает понимание культурных особенностей французского общества. Сегодня интерактивный подход и особенности интерактивного взаимодействия изучаются многими отечественными учеными, среди них Г. М. Андреева, Л. К. Гейхман, А. А. Вербицкий, Н. Д. Гальскова, Н. М. Губина, А. П. Панфилова, Н. В. Ваграмова и другие [5].

Понятие «интерактивный» происходит от английского «interact» (inter – «взаимный», act – «действовать»). Следовательно, «интерактивные методы» можно перевести как «методы, позволяющие учащимся взаимодействовать между собой». Под «интерактивным подходом», который был предложен зарубежными методистами (Лео ван Лир и К. или Ренко), а также в отечественных исследованиях Т. С. Паниной рассматривается «способ познания, осуществляемый в формах совместной деятельности обучающихся». При этом активность преподавателя уступает место активности учащихся, а задачей преподавателя становится создание условий для их инициативы [5, с. 153].

Приведем несколько примеров подобных интерактивных методик. Прием «Выбор» предназначен для стимулирования развития учащихся через организацию мыслительной и рефлексивной активности. Для его применения необходимы три таблички с надписями «да», «нет» и «может быть», небольшой мячик и заранее подготовленные вопросы по определенной

теме или проблеме. Процесс реализации метода занимает от 10 до 15 минут. В рамках метода проводится коммуникативная ситуация, например, «Как разумно расходовать карманные деньги» на уроке по теме «Деньги» для учащихся 8 класса. Ведущий задает ряд вопросов, таких как:

1. *Recevez-vous de l'argent de poche régulièrement?*
2. *Est-ce que vos dépenses sont toujours raisonnables?*
3. *Si pour votre anniversaire vous aviez 100 euros d'argent de poche, mettriez-vous cet argent de côté?*
4. *À votre avis, l'argent de poche existe pour se faire plaisir?*
5. *Donneriez-vous votre argent de poche à un organisme humanitaire?*

Учащиеся выбирают ответы «да», «нет» или «может быть», после чего объясняют свой выбор. Затем предлагается одному из учеников сделать вывод по ключевому вопросу урока: «*Pour quels besoins faut-il dépenser raisonnablement son argent de poche?*».

Прием «Корзина идей» направлен на сосредоточение внимания учащихся на ключевых понятиях изучаемой темы и связанных с ними ассоциациях. Все идеи, высказанные учениками, собираются в кластер или записываются на доске и используются в дальнейшем обучении. После чтения текста они извлекают свои высказывания и сравнивают их с информацией из текста. Затем они высказывают свое мнение о ранее сформулированных утверждениях, развивают и дополняют их [1, с. 32]. Учитель затем ставит перед учениками коммуникативную задачу, например: «*Un de vos amis va célébrer son anniversaire dans un restaurant de restauration rapide. Essayez de persuader votre ami de changer ses projets.*» – Один из ваших друзей собирается отпраздновать свой день рождения в ресторане быстрого питания. Попробуйте убедить вашего друга изменить свои планы (*перевод – И. Ж.*).

Работа с интерактивными методами на уроке способствует развитию у учащихся навыков поиска и извлечения нужной информации, оценке ее важности и новизны (поиск и сканирование текста), а также умению понимать основное содержание прочитанных текстов (ознакомительное чтение). Интерактивные методы эффективно применяются при работе с аудио и видеоматериалами, способствуя развитию умения понимать на слух иноязычные тексты, выделять в них основную информацию (восприятие и понимание на слух). Также они помогают улучшить умения в написании несложных текстов (запись результатов работы, запрос информации, ответ) [7]. Однако наиболее эффективно интерактивные методы используются для развития умения рассказывать о прочитанном, услышанном или увиденном, комбинируя описание и повествование с элементами анализа и выражения своего мнения по поводу информации (монологическая и диалогическая речь).

Использование технологий и интерактивных методик позволяет создать стимулирующую и эффективную учебную среду, способствующую развитию устной речи и улучшению языковых навыков. Дальнейшее исследование в этой области позволит оптимизировать процесс обучения говорению на французском языке и повысить его эффективность.

Список литературы

1. **Аркадьева, А. Н.** Развитие речевой активности учащихся на уроках французского языка с использованием лексических игр / А. Н. Аркадьева // Современные технологии в образовании. – 2015. – № 3. – С. 28–33.
2. **Баранова, Н. П.** Концепция учебного предмета «Иностранный язык» / Н. П. Баранова, П. К. Бабинская // Замежные мовы. – 2015. – № 4. – С. 3–8.
3. **Полат, Е. С.** Интернет на уроках иностранного языка. / Е. С. Полат // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 2. – С. 95–98.
4. **Романова, Н. В.** Развитие умения говорить на французском языке в средней школе: современные подходы и методики. / Н. В. Романова // Педагогика и методика обучения иностранным языкам. – 2020. – № 2. – С. 54–57.
5. **Хамидова, Н. Ю.** Применение интерактивных методов обучения в процессе преподавания иностранного (французского) языка в вузах / Н. Ю. Хамидова. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2020. – № 10(300). – С. 151–153. – URL: <https://moluch.ru/archive/300/67913/> (дата обращения: 05.04.2024).
6. **Richards, J. C.** Approaches and Methods in Language Teaching. / J. C. Richards, T. S. Rodgers. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 272 p. – ISBN-13 978-1107675964.
7. **Swain, M.** Language, Agency and Collaboration in Advanced Second Language Proficiency / M. Swain // Advanced Language Learning: The Contribution of Halliday and Vygotsky / edited by. H. Byrnes. – London ; New York, 2006. – ISBN 0-8264-9071-9. – P. 95–108.

Zhirov I. V.**Modern approaches and methods of teaching oral communication
in french in secondary school**

This article discusses modern approaches and methods of teaching oral communication in French in secondary school. Special attention is given to the use of technology and interactive tools to stimulate the development of students' communicative skills. The author describes effective methodologies based on principles of active participation, authenticity, and contextual learning.

Key words: *modern methods, French language, lexical game, interactive methods, monological and dialogical speech.*

Зайцева Анна Владимировна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
dumayanna@mail.ru

Вербальные приемы манипуляции в педагогическом дискурсе

Статья посвящена изучению способов оказания речевого манипулирования в педагогическом дискурсе. Выявлен ряд языковых манипулятивных стратегий и тактик, направленных на повышение интереса к предмету и учебному процессу в целом.

***Ключевые слова:** речевая манипуляция, языковые приемы воздействия, вербальная манипуляция, манипулятивная стратегия, манипулятивная тактика, педагогический дискурс.*

Общение является одним из важных компонентов человеческой жизни и потому его значение трудно переоценить. В настоящее время в области общения часто возникает явление манипуляции, которое присутствует в разных дискурсах: политическом, экономическом, педагогическом и др. Убеждения и речевые манипуляции были предметом исследования таких ученых, как Э. Берн, К. Бредемайер, В. Панкратов, П. Таранов и др. Однако, при достаточно широкой исследованности выбранной проблематики неоправданно мало внимания уделяется языковым манипуляциям в современном педагогическом дискурсе, что свидетельствует об актуальности рассматриваемой темы.

Цель статьи – обосновать целесообразность применения речевых манипуляций в педагогическом дискурсе.

Известно, что изменение вектора любого сопротивления осуществляется преимущественно с помощью манипуляций. К тому же, педагог в своей профессиональной деятельности часто реализует монологическую форму общения. Монологическое общение, как известно, представлено в двух основных формах – императивной и манипулятивной. Основными методами работы педагога являются вербальные методы, имеющие прямое отношение к речевым манипуляциям.

Обратимся к научной семантике понятия «манипуляция». Манипуляция определяется как информационно-психологическое воздействие на личность, ее представление, эмоционально-волевую сферу, на групповое и массовое сознание, как инструмент психологического давления с целью явного или скрытого побуждения индивидуальных и социальных субъектов к действиям в интересах отдельных лиц, групп или организаций, осуществляющих это влияние [4, с. 140–141].

Исследователями разных научных областей предложено еще несколько определений того, что понимают под термином «манипуляция». В частности, это:

- психологическое влияние на человека, которое не всегда им осознается и заставляет его действовать в соответствии с целями манипулятора [3, с. 56];
- особое влияние на подсознание человека (преимущественно на его эмоции, чувства и переживания) в целях программирования мотива партнера к сотрудничеству [5, с. 362];
- скрытое управление человеком вопреки его воле, которое приносит инициатору односторонние преимущества [6, с. 6];
- вид психологического воздействия, искусное выполнение которого вызывает скрытое пробуждение у другого человека намерений, не совпадающих с его актуальными желаниями [1, с. 59].

Итак, чаще всего речевую манипуляцию истолковывают как вербальный скрытый способ управления другими. При этом речевые манипуляции остаются вполне законным методом убеждения и побуждения, хотя и в большинстве своем они влияют на подсознание. Чтобы убедить человека, субъект убедительного воздействия должен стремиться изменить (или укрепить) убеждение объекта своего влияния, а не заставлять его действовать или вести себя определенным образом. Предлагаемые реципиенту аргументы должны быть значимыми для него. Кроме того, объект убедительного воздействия должен проявлять заинтересованность и готовность к обсуждению тех вопросов, которые ему предлагают, должен быть психологически увлечен этим процессом, быть внимательным, не ощущать предвзятость против субъекта влияния.

Для того, чтобы объект убедительного воздействия повел себя так, как к тому стремится его субъект, следует прежде всего хорошо изучить и учесть интересы и уровень готовности адресата к восприятию информации, предлагаемой в процессе убеждения. Важно также обеспечить возможность адекватной передачи сообщения адресату, сделать так, чтобы он сосредоточил на этом сообщении свое внимание, понял его суть, принял его для себя, сформировал и закрепил принятое содержание в виде нового наставления и начал действовать [2, с. 145]. Поэтому речевая манипуляция как вид влияния – одно из самых продуктивных вербальных средств работы педагога.

Манипулятивное влияние является одной из основных составляющих педагогического дискурса, который направлен определенным образом воздействовать на обучающихся. Языковые аспекты манипулятивного влияния включают в себя различные техники и стратегии, которые используются педагогами для убеждения, побуждения или создания определенной атмосферы в образовательном процессе.

В отличие от негативных манипуляций, которые направлены на контроль и подчинение, положительные манипуляции основаны на применении стратегий и тактик, способствующих эффективному обучению, мотивации и развитию личности обучающихся. Важно отметить позитивные аспекты манипулятивного воздействия в педагогическом дискурсе, среди которых основными являются следующие:

1. Повышение мотивации обучающихся. Педагоги могут использовать различные методики и приемы речевого воздействия, которые помогут заинтересовать обучающихся и поддерживать их внимание в процессе обучения. Например, педагог может применить техники активизации,

групповую работу или игровые формы деятельности, чтобы сделать учебный процесс интересным и увлекательным для обучающихся.

2. Развитие критического мышления и самостоятельности обучающихся. Педагоги могут использовать приемы, которые помогут стимулировать аналитическое мышление, способность к самостоятельному анализу и взвешиванию информации. Например, в ходе дискуссий на уроках педагог может задавать провокационные вопросы, способствующие развитию критического мышления и формированию собственного мнения обучающихся.

3. Эффективная коммуникация между педагогом и обучающимися. Педагоги могут использовать различные приемы языкового и невербального воздействия, чтобы учащиеся лучше понимали информацию и усваивали учебный материал. Например, педагог может использовать техники ораторского искусства, грамотно подбирать языковые единицы, использовать пространственные приемы и демонстрацию, чтобы сделать учебный материал более доступным и понятным для обучающихся.

4. Создание благоприятной образовательной среды. Педагоги могут использовать различные техники и приемы, чтобы сформировать положительное обучающее окружение, которое будет способствовать повышению успеваемости. Например, педагог может применять инструктаж, создавать взаимодействие обучающихся и активизировать их участие в образовательном процессе.

Вербальные аспекты манипуляции включают в себя следующие приемы:

1. Манипулятивное влияние на эмоциональное состояние. Педагог может использовать лестные слова, высказывания, обещания, поощрения, чтобы вызвать положительные эмоции у обучающегося и установить с его стороны доверительные отношения.

Педагоги также могут использовать эмоционально окрашенную речь, чтобы вызвать определенные чувства у обучающихся. Например, они могут использовать яркие метафоры или описывать определенные ситуации, чтобы вызвать сочувствие или восхищение. Это может помочь усилить воздействие на аудиторию и убедить ее в необходимости изменить поведение или мнение.

2. Манипулятивное управление информацией. Педагог может замалчивать или искажать информацию, предоставлять только ту информацию, которая будет служить его целям, или применять информацию таким образом, чтобы привести обучающегося к желаемому результату.

3. Манипуляция перефразированием и переосмыслением. Педагог может перефразировать высказывания обучающегося или переосмыслить их с целью повлиять на его мышление и восприятие ситуации в желаемом направлении.

4. Манипуляция использованием подсказок и намеков. Педагог может давать подсказки или делать намеки, которые подведут обучающегося к желаемому ответу или поведению, таким образом ограничивая его свободу выбора и манипулируя его мышлением.

Педагоги могут задавать вопросы с определенными предположениями или подразумеваемыми ответами, чтобы направить мышление обучающихся в определенном направлении. Например, они могут задавать вопросы «Не согласны ли вы, что...» или «Неужели вы думаете, что...», с целью вызвать у обучающихся желаемую реакцию или мнение.

5. Манипулятивное использование вопросов и утверждений. Педагог может использовать вопросы или утверждения, которые направлены на формирование определенного мнения или установки у обучающегося.

Педагоги могут сознательно использовать определенные слова и фразы, чтобы убедить обучающихся в своей правоте. Например, они могут использовать слова «необходимо» или «настоятельно рекомендую» для установления авторитета и создания впечатления, что их мнение является единственно верным. Это может вызвать у обучающихся сомнения в своих собственных суждениях и увеличить вероятность принятия предлагаемой позиции.

Заметим, что манипулировать также можно, апеллируя к авторитету, верности (привязанности, дружбе), к пользе, к жалости, к здравому смыслу, к личности, к публике, к силе и т. д. Важно учитывать, что эта техника срабатывает только в том случае, когда авторитет, на который ссылаются, действительно является авторитетом. В других случаях это может иметь противоположный эффект.

Таким образом, вербальные аспекты манипулятивного воздействия в педагогическом дискурсе могут служить различным целям, включая установление контроля, формирование определенных убеждений, изменение поведения или создание определенной атмосферы в коллективе. Они способствуют повышению мотивации, развитию критического мышления, эффективной коммуникации и формированию благоприятной образовательной среды. Важно помнить, что приемы и техники манипулятивного влияния должны быть использованы с учетом особенностей и потребностей обучающихся, чтобы добиться наилучшего эффекта от образовательного процесса.

Список литературы

1. **Доценко, Е. Л.** Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – Москва : ЧеРо, МГУ, 1997. – 344 с. – ISBN 5-88711-038-4.
2. **Зимбардо, Ф.** Социальное влияние / Ф. Зимбардо, М. Ляйше. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 448 с. – ISBN 978-5-459-00397-0.
3. **Знаков, В. В.** Методика исследования макиавеллизма личности / В. В. Знаков. – Москва : Смысл, 2001. – 19 с. – ISBN 5-89357-064-2.
4. **Лепский, В. Е.** Манипулятивные воздействия и рефлексивное управление / В. Е. Лепский // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 6. – С. 139–144.
5. **Психология делового общения** : хрестоматия / [ред.-сост. Райгородский Д. Я.]. – Самара : Бахрах-М, 2006 (Ульяновск : Ульяновский Дом печати). – 767 с. : ил., табл. – ISBN 5-94648-045-6.
6. **Шейнов, В. П.** Скрытое управление человеком / В. П. Шейнов. – Москва : АСТ ; Минск : Харвест, 2006. – 357 с. – ISBN 985-13-3409-X.

Zaitseva A. V.

Verbal manipulation techniques in pedagogical discourse

The article is devoted to the study of ways to provide speech manipulation in pedagogical discourse. A number of language manipulative strategies and tactics have been identified aimed at increasing interest in the subject and the educational process as a whole.

Key words: *speech manipulation, linguistic techniques of influence, verbal manipulation, manipulative strategy, manipulative tactics, pedagogical discourse.*

Ткачева Елена Александровна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры английской
и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
lena1234578@mail.ua

Современные технологии мобильного обучения иностранному языку

Данная статья посвящена вопросам современных технологий мобильного обучения иностранному языку. Рассматриваются возможности и преимущества мобильного обучения в академической образовательной среде. Среди важнейших характеристик мобильного обучения, которые успешно реализуются при изучении иностранного языка, автор выделяет гибкость и доступность, автономность, индивидуальный подход и разноплановость образовательного процесса.

***Ключевые слова:** мобильное обучение, иностранный язык, мобильные устройства, принципы мобильного обучения.*

Начало XXI в. характеризуется интенсивным внедрением новейших информационно-коммуникационных технологий в преподавании иностранного языка и созданием новых, более эффективных путей обучения. Быстрый темп современной жизни и информатизация общества обуславливают непосредственное использование мобильных телефонов, планшетов и других устройств на занятиях, в том числе иностранного языка. Поэтому одним из приоритетных направлений в образовании стали технологии мобильного обучения, обеспечивающие динамичность и эффективность образовательного процесса. Особенное внимание мобильному обучению уделяется в высших учебных заведениях, о чем свидетельствует рост числа научных публикаций и зарубежных конференций по эффективному внедрению мобильных технологий в учебном процессе.

Американский ученый компьютерщик Алан Кей в 70-е гг. XX в. предложил идею «компьютерного размера книги» для образовательных целей, а в 90-е гг. с появлением карманных персональных компьютеров начинается развитие и оценка мобильного обучения для студентов, появляются первые обучающие проекты для мобильной среды. С этого периода появились фундаментальные исследования в области мобильного обучения зарубежных ученых (Т. Андерсон, М. Шарлз, М. Алли, Д. Аттевель, М. Рагус, Д. Тракслер и др.).

В России только начинается зарождение и становление системы мобильного обучения. Такие ученые, как Е. Д. Патаракин, А. В. Тимофеев, И. В. Савиных, В. В. Жуков, А. А. Федосеев, А. А. Андреев и С. В. Кувшинов исследуют возможности мобильного обучения и рассматривают мобильное обучение как новую реальность в образовании.

За небольшой промежуток времени мобильные устройства плотно вошли в нашу жизнь.

В общем толковании понятие «мобильное обучение» (англ. *m-learning*) – это одна из форм организации учебного процесса, которая опирается на применение различных мобильных средств, а именно: мобильных телефонов/смартфонов, планшетных ПЭС, портативных аудиоустройств (mp3/mp4 плееров) и др. [1]. На современном этапе развития исследований по указанной теме нет устойчивого определения мобильного обучения, поскольку оно, учитывая неограниченный ряд возможностей современных портативных устройств, переживает быструю эволюцию и приобретает новые характеристики. В частности, британские ученые *Agnes Kukulska-Hulme*, *Lesley Shield* интерпретируют мобильное обучение как формальное или неформальное обучение, опосредованное через портативные устройства и потенциально доступное где угодно и когда-либо [4, с. 263].

Британский лингводидакт М. Шарпи (*Mike Sharpie*) отмечает, что мобильное обучение – это сложный процесс, представленный мобильностью в физическом пространстве, мобильностью технологий, мобильностью в концептуальном пространстве, мобильностью в социальном пространстве и т. д. [5]. Попутно заметим, что большинство ученых склонны описывать качественные характеристики мобильного обучения, тем самым расширяя его понятие.

Некоторые ученые характеризуют мобильное обучение как электронное (англ. *e-learning*) благодаря использованию мобильных устройств. Однако стоит заметить, что между ними существуют определенные отличия. Электронное обучение предполагает наличие класса, компьютерной лаборатории или места для компьютера с возможностью выхода в сеть Интернет для проведения занятий и оценки учащихся. В частности, технологии компьютерного обучения для изучения иностранного языка (англ. *CALL – computer assisted language learning*) непосредственно связаны с электронным обучением. В противоположность этому портативность мобильных средств обучения позволяет студентам выполнять задание в любом месте (дома, в путешествии, в кафе и т. п.) в любое удобное для них время, а также предоставляет возможность поддерживать постоянную обратную связь с преподавателем [2, с. 39]. С практической точки зрения мобильное обучение – это следующее поколение электронного обучения (*e-learning*). Учитывая вышеупомянутые характеристики, мы представляем модель мобильного обучения иностранного языка.

Модель мобильного обучения иностранного языка представляет собой систему обучения, которая использует мобильные устройства, такие как смартфоны и планшеты, для изучения иностранного языка. Данная система обучения обеспечивает возможность учить язык в любом месте и в любое время, а также персонализировать учебный процесс под конкретные потребности учащегося.

Основными принципами модели мобильного обучения иностранного языка являются следующие.

Доступность – учащиеся могут получить доступ к учебным материалам и заданиям на своих мобильных устройствах в любое время и в любом месте.

Интерактивность – мобильные приложения и онлайн-ресурсы предоставляют возможность взаимодействовать с материалом, выполнять упражнения и проверять свои знания.

Адаптивность – системы мобильного обучения часто используют технологии искусственного интеллекта для персонализации учебного процесса и предложения заданий, соответствующих уровню знаний и потребностям конкретного учащегося.

Мотивация – интерактивные игры, награды и возможность соревноваться с другими учащимися помогают поддерживать мотивацию и интерес к изучению языка.

Обратная связь – системы мобильного обучения часто предоставляют обратную связь на результаты выполненных заданий, что позволяет учащемуся отслеживать свой прогресс и улучшать уровень знаний.

На наш взгляд, модель мобильного обучения иностранного языка является эффективным и удобным способом изучения языка, который отвечает современным требованиям обучения в эпоху цифровых технологий. Она позволяет учащимся эффективно использовать свое время и ресурсы для достижения желаемых результатов в изучении иностранного языка.

Одним из направлений мобильного обучения является использование мобильных устройств для изучения иностранного языка (англ. *MALL – mobile assisted language learning*). Первые попытки использования мобильных технологий для обучения английскому языку датированы началом XXI века, поскольку именно процесс изучения иностранного языка кажется идеальной образовательной средой для применения мобильных средств обучения.

Анализ научных исследований доказывает, что применение мобильных устройств при формировании иноязычной речевой компетентности придает большую автономию студентам в планировании учебного процесса, что, в свою очередь, способствует развитию навыков саморегуляции, которые необходимы для изучения иностранного языка [3, с. 263]. Также отметим, что быстрый доступ к обучающим ресурсам, которые студенты могут использовать в любое время и где угодно, делает изучение иностранных языков более мотивирующим. Кроме вышеупомянутых преимуществ использования мобильных устройств также повышает эффективность изучения языка динамизация образовательного процесса, которая не доступна в пределах учебной аудитории, модифицирующей формы подачи материала, доступа к нему, и способствует созданию новых форм познания.

Проанализировав научные исследования, можем выделить, что одними из наиболее популярных мобильных технологий являются приложения для изучения иностранных языков, такие как *Duolingo, Babbel, Rosetta Stone, Memrise* и др. Эти приложения предоставляют разнообразные учебные материалы, игры, тесты, аудио и видеуроки, которые помогут улучшить навыки языка в удобное время и в любом месте. Также можно использовать мобильные версии онлайн-курсов и языковых платформ, таких как *Coursera, Busuu, iTalki* и других для общения с носителями языка и практики разговорной речи. Важно выбирать качественные приложения и ресурсы, которые подходят для вашего уровня знаний и способов обучения.

Применение мобильных технологий для формирования иноязычной коммуникативной компетентности призвано не изменять традиционные методы обучения, а создавать новую образовательную среду, ориентированную на формирование не только языковых навыков, но и навыков обучения на

протяжении жизни основой нового подхода в образовании – непрерывного обучения (англ. *lifelong learning*).

Проанализировав вышеприведенные утверждения, среди важнейших характеристик мобильного обучения, которые успешно реализуются при изучении иностранного языка, выделяем гибкость и доступность, автономность, индивидуальный подход; разноплановость образовательного процесса.

Однако, несмотря на активную популяризацию мобильного обучения, отечественные и зарубежные ученые отмечают его незрелость в отношении педагогической обработки и надлежащего методического применения. Итак, проблема поиска эффективных способов использования мобильного обучения в практике преподавания иностранного языка остается актуальной.

Список литературы

1. **Андреев, А. А.** Прикладная философия открытого образования: педагогический аспект : монография / А. А. Андреев, В. И. Солдаткин ; М-во образования Рос. Федерации, Рос. гос. ин-т открытого образования [и др.]. – Москва : Альфа. – 168 с. – ISBN 5-8288-0523-1.
2. **Особенности преподавания иностранного языка в условиях новой парадигмы образования** (внедрение ФГОС нового поколения в практику обучения иностранному языку) : учеб. пособие / [Л. В. Сарычева и др.] ; М-во образования Московской обл., ГОУ ВПО «Московский гос. обл. ун-т». – Москва : МГОУ, 2014. – 160 с. : табл. – ISBN 978-5-7017-2355-7.
3. **Examining Learner Autonomy Dimensions: Students' Perceptions of Their Responsibility and Ability** / C. Gamble, J. Aliponga, M. Koshiyama [et al.] // JALT-2011 Conference Proceedings / edited by A. Stewart, N. Sonda. – Tokyo, 2012. – P. 263–272.
4. **Kim, D. J.** Trust and satisfaction, two stepping stones for successful E-Commerce relationships: A longitudinal exploration / D. J. Kim, D. L. Ferrin, H. R. Rao // Information Systems Research. – 2009. – № 20(2). – P. 237–257.
5. **Sharpies, M.** Disruptive Devices: Mobile Technology for Conversational Learning / M. Sharpies. – DOI 10.1504/ijceell.2002.002148. – Text : electronic // International Journal of Continuing Engineering Education and Lifelong Learning. – 2002. – № 12(5/6). – P. 504. – URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1504/ijceell.2002.002148> (date of access: 13.04.2024).

Ткачева Е. А.

Modern Technologies for Mobile Learning of Foreign Languages

This article is devoted to the issues of modern technologies for mobile learning of a foreign language. The possibilities and advantages of mobile learning in an academic educational environment are considered. Among the most important characteristics of mobile learning, which are successfully realised when learning a foreign language, are the author's flexibility and accessibility, autonomy, individual approach and diversity of the educational process.

Key words: mobile learning, foreign language, mobile devices, principles of mobile learning.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

УДК 811.581`373.72`276:004.77

Дорофеева Власта Станиславовна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
fulasidafulasida@gmail.com

Китайские онлайн-идиомы как средство интернет-коммуникации

В данной статье рассматривается роль китайских онлайн-идиом в интернет-коммуникации среди китайскоязычных пользователей. Освещаются преимущества использования онлайн-идиом для экономии времени, усиления креативности и эмоциональной окраски в интернет-общении. Также подчеркивается важность понимания культурных контекстов для успешного использования идиом в онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: китайский язык, онлайн-идиома, интернет, интернет-коммуникация, сленг.

Китайские онлайн-идиомы, также известные как «网络流行语» [wǎngluò liúxíngyǔ], являются популярными фразами и выражениями, широко используемыми в интернет-коммуникации среди китайских пользователей. Они часто отражают специфические аспекты интернет-культуры, мемов, трендов и общественных явлений.

Актуальность темы исследования заключается в том, что интернет-коммуникация является неотъемлемой частью современного мира, а онлайн-идиомы позволяют пользователям сети Интернет быстро и точно выражать свои мысли и эмоции, кроме того, знание и использование выражений такого типа помогает ощутить принадлежность к определенной культурной или социальной группе, а также развивать и демонстрировать свою культурную грамотность. Таким образом, изучение популярных в интернете фраз и выражений представляет значимый интерес для интересующихся китайским языком и культурой, а также для тех, кто хочет улучшить свои коммуникативные навыки на китайском языке для общения с китайскоязычными пользователями.

Цель статьи заключается в исследовании феномена китайских онлайн-идиом, их роли и функций в современной интернет-культуре Китая и в повседневной интернет-коммуникации.

Современное информационное пространство подвергается постоянным изменениям и развитию, и язык, как основное средство общения, активно адаптируется к новым требованиям и условиям. С появлением интернета все больше разнообразных выражений и высказываний, которые впоследствии становятся идиоматичными, проникает в повседневную речь и онлайн-коммуникацию. Популярные выражения такого типа становятся неотъемлемой частью интернет-культуры среди пользователей, они дают

оценку социальным, культурным и политическим событиям, происходящим в мире и обществе, а также обогащают современный язык и способствуют более тесному культурному обмену между пользователями с различной культурной и языковой средой.

Среди китайских исследователей, которые занимаются вопросами сленга и популярных выражений в интернете, можно выделить таких, как Цянь Найжун, Ян Цзяньго и др. Однако, несмотря на интенсивное развитие современного китайского языка и растущую потребность в изучении сленга и идиоматических выражений, популярных в сети Интернет, среди отечественных лингвистов эта тема является крайне малоизученной.

Согласно Большому китайско-русскому словарю И. М. Ошанина, словосочетание «网络流行语» [wǎngluò liúxíngyǔ] буквально можно перевести как «популярные интернет фразы/выражения» – «网络» [wǎngluò] интернет, «流行语» [liúxíngyǔ] – ходячая фраза, популярное выражение, сленг [3].

Данное языковое явление можно считать разновидностью интернет-сленга, поскольку эти выражения широко используются в интернет-пространстве, социальных сетях, на различных форумах и мессенджерах. Многие из них быстро становятся популярными и широко распространенными среди интернет-пользователей. Кроме того, китайские онлайн-идиомы зачастую имеют свои уникальные значения и образы, которые могут быть непонятными для тех, кто не знаком с китайской культурой, определенной спецификой употребления и интернет-пространством в целом. При использовании таких выражений важно понимать контекст, а также исходное и приобретенное значение каждой фразы, чтобы избежать ошибок в употреблении и недоразумений в общении в социальных сетях и мессенджерах.

Функции выражений такого типа во многом соответствуют функциям интернет-сленга.

1. Экспрессивная функция. Онлайн-идиомы помогают выразить мысли, эмоции и дать реакцию на различные события, происходящие вокруг: «666» «六六六» [liùliùliù] – круто, клёво. Данное выражение используется в положительном контексте, поскольку число 6 в китайской культуре символизирует процветание и удачу. Данное выражение используют в контексте удачно завершившихся дел.

2. Социальная функция. Использование онлайн-идиом может приобщать людей к одной социальной группе. Приведем примеры.

«996» [jiǔjiǔliù] – это выражение используется для обозначения категории людей, которые работают с 9 утра до 9 вечера, шесть дней в неделю. Этот термин также часто используется для описания культуры переработок в китайских компаниях и предприятиях.

«佛系» [fó xì] – этот термин используется для описания людей, которые подходят к жизни с философией Будды, то есть спокойно, без лишних эмоций и стресса. В китайской социальной сети «小红书» посты приверженцев «佛系» [fó xì] сопровождаются высказываниями: «不听, 不看, 不说, 不想» [bù tīng, bù kàn, bù shuō, bù xiǎng] – не слушать, не смотреть, не говорить, не думать и «无所谓» [wúsuǒwèi] – несущественно, не имеет значения. Они живут, полагаясь на судьбу, и радуются жизни [4].

3. Юмористическая функция. Многие выражения такого типа имеют юмористический характер и используются для создания непринужденной атмосферы в общении: «2333» [èr sān sān sān] означает «ха-ха-ха», в иероглифическом варианте «哈哈哈哈哈» [hāhāhāhā]; «我酸了» [wǒ suānle] – мне кисло, означает «я завидую / ревную».

4. Экономия времени. Краткие онлайн-идиомы достаточно ёмко и быстро передают сложные мысли, без необходимости писать длинные аргументы. Или же дают быструю реакцию на какое-то событие: 沙发 [shāfā] – буквально данное слово переводится на русский язык как «диван», оно используется в китайских соцсетях в качестве первого комментария под постом, статьей или видео. В русскоязычных соцсетях пользователи обычно пишут: «первый/первая».

Выражения такого типа распространены в нескольких формах, а именно в числовых, в комбинации «латиница + иероглиф» и в иероглифической форме. Как правило, комбинации чисел построены на фонетическом сходстве с реальным высказыванием, в сети их используют для быстрого ответа и экономии времени: «9494» [jiǔsì jiǔsì] созвучно с выражением «就是就是» [jiùshì jiùshì], что означает «верно, так и есть»; «4242» [sìèr sìèr] – 是啊是啊 [shì'a shì'a] – «да».

Комбинация «латиница + иероглиф» может выглядеть следующим образом: «i人» [i rén] и «e人» [e rén] означают «интроверт» и «экстраверт».

Чисто иероглифических сочетаний среди идиоматичных выражений такого типа больше всего: «破防了» [pòfáng le] – я в шоке, меня это потрясло. «破防» [pòfáng] означает «травма, психологическая травма» [2].

Онлайн-идиомы в китайском интернет-пространстве обычно отражают повседневные ситуации, общественные явления, а также различные аспекты жизни. Некоторые из них могут быть связаны с современной культурой, политикой, спортом или тенденциями. Например: «宅男宅女» [zhái nán zhái nǚ] – данное выражение описывает молодых людей, которые предпочитают проводить большую часть времени дома, работают онлайн из дома или же любят проводить время за компьютерными играми. «宅男» [zhái nán] – домосед, 宅女 [zhái nǚ] – домоседка. Однако в рамках интернет-коммуникации данное выражение используется в несколько более грубом контексте. Также «宅男» [zhái nán] может трактоваться как «отаку», что означает – любитель аниме [1, с. 787].

«吃瓜群众» [chī guā qúnzhòng] – дословно переводится как «люди, которые едят арбуз». Данное выражение используется в значении – «неосведомленные массы, зеваки». Эта идиома описывает людей, которые наблюдают за ситуацией, не имея к ней отношения, или же не разбираются в теме [3].

«打酱油» [dǎ jiàngyóu] – буквально данное выражение переводится как «покупать соевый соус», однако в социальных сетях и мессенджерах «打酱油» [dǎ jiàngyóu] характеризует человека, который «просто проходил мимо и не имеет отношения к ситуации/спору». Говоря «打酱油» [dǎ jiàngyóu] интернет-пользователи делают акцент на то, что обсуждаемая ситуация их не касается [3].

«网络红人» [wǎngluò hóng rén] или «网红» [wǎng hóng] – буквально переводится как «интернет-любимчик», так называют людей, сфера

деятельности которых связана с интернетом и социальными сетями – интернет-знаменитость, интернет-звезда, блогер, инфлюенсер.

«傻白甜» [shǎ bái tián] – буквально переводится как «глупый, белый/чистый, сладкий/милый», что означает – симпатичный, но наивный человек (в рамках интернет-коммуникации обычно так говорят о девушках) [3].

«小确幸» [xiǎoquèxìng] – маленькое счастье, в социальных сетях с помощью данного выражения описывают маленькие радости жизни, такие как чтение книги, отдых после работы, прогулка на свежем воздухе и т. д. Данное выражение стало популярным, поскольку среди китайской молодежи сейчас активно набирает обороты тенденция отказа от сверхурочной работы, карьерных устремлений, роскоши в пользу более спокойного и размеренного образа жизни [5].

Эти примеры идиом демонстрируют разнообразие и широкое использование китайских онлайн-выражений в интернет-коммуникации для передачи определенных идей, эмоций и социокультурных концепций. Китайские онлайн-идиомы являются важным элементом цифровой культуры и играют значительную роль в формировании интернет-языка и онлайн-общения среди китайскоязычного сообщества.

Они часто используются для выражения определенных идей, эмоций или оценки событий в сокращенной и легкой форме. Некоторые из этих идиом могут быть сложными для понимания для незнакомого с культурой и языком человека, но для тех, кто знаком с ними, они становятся удобным и эффективным способом общения в цифровой среде. Использование выражений такого типа позволяет пользователям быстро передавать сложные мысли или эмоции, экономя время на наборе текста и формируя тем самым более близкие отношения при общении с другими пользователями в социальных сетях. Такие идиомы также способствуют формированию культурных связей и укреплению онлайн-сообществ.

В целом китайские онлайн-идиомы представляют собой интересный и важный аспект интернет-коммуникации в китайском языковом пространстве, который отражает не только специфику языка, но и культурные особенности и развитие цифровой культуры.

Список литературы

1. **Гильманова, Л. Р.** Китайский язык в социальных сетях / Л. Р. Гильманова, Г. Р. Абдуллина, Л. Б. Абдуллина // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 784–788.
2. **Китайский онлайн-словарь Джунга** : [сайт]. – URL: <https://www.zhongaru/> (дата обращения: 24.03.24). – Текст : электронный.
3. **Большой китайско-русский словарь** : [сайт]. – URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 25.03.24). – Текст : электронный.
4. **Чжэн, Циньфан.** Анализ интернет-сленга в современном китайском языке с точки зрения его происхождения / Циньфан Чжэн // Молодой ученый. – 2020. – № 24(314). – С. 467–469.
5. **Baidu (百度)** : [website]. – URL: <https://www.baidu.com/> (date of access: 24.03.24). – Text : electronic.

Dorofeeva V. S.

Chinese Online Idioms as a Means of Internet Communication

This article examines the role of Chinese online idioms in Internet communication among Chinese-speaking users. The benefits of using online idioms to save time and add creativity and emotion to online communication are highlighted. It also emphasizes the importance of understanding cultural contexts for the successful use of idioms in online communication.

Key words: *Chinese language, online idiom, Internet, Internet communication, slang.*

Каторгина Дарья Юрьевна,
ст. преподаватель кафедры
журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
katorginalnu@yandex.com

Технологии краудсорсинга в интернет-СМИ Луганской Народной Республики

В статье рассмотрены основные виды краудсорсинга в интернет-СМИ ЛНР. Автор статьи анализирует контент республиканского медиапространства на предмет использования краудсорсинговых технологий.

Ключевые слова: краудсорсинг, краудсорсинговые технологии, креативный контент, ньюсмейкинг.

С развитием и распространением глобальной компьютерной сети Интернет в конце XX века появляется новая разновидность журналистики – сетевая. В узком смысле сетевой журналистикой являются материалы, публикуемые в онлайн-СМИ, то есть в сетевых версиях традиционных СМИ, или в самостоятельных онлайн-изданиях. В широком смысле к сетевой журналистике можно относить также блоги, социальные медиа и другие средства массовой коммуникации, используемые в Интернете.

В рамках данной статьи тождественными понятию «сетевая журналистика» мы будем понимать также такие понятия, как «интернет-журналистика» и «онлайн-журналистика».

Развитие сетевой журналистики, а также повсеместная цифровизация всех сфер общественной жизни, способствуют активному развитию, как в журналистике, так и за ее пределами, относительно нового явления под названием «краудсорсинг».

Слово «краудсорсинг» происходит от английского «crowdsourcing», где «crowd» – толпа, а «sourcing» – подбор ресурсов [1]. Применительно к медиасфере данный феномен можно охарактеризовать как процесс, при котором медиаорганизация посредством открытого обращения ставит задачи, а неопределенная масса людей (индивидуально или коллективно), действуя на добровольной основе и используя информационные, сетевые, коммуникативные и социальные технологии, предлагает их решения.

Журналистика и медиапространство Республики, которое стало формироваться с 2014 года, сегодня активно используют новые возможности поиска информации в Интернете, обусловленные динамикой роста пользователей социальных медиа, формированием новых платформ их активностей, а соответственно и изменением их информационно-поведенческих установок. Одной из таких возможностей в республиканской журналистике может стать активное применение краудсорсинговых технологий.

Согласно данным социологического опроса, проведенного центром социологических исследований «Особый статус» в 2016 году, 51,4% жителей ЛНР получают информацию из интернет-СМИ [5]. В отличие от традиционных

медиа, где роль аудитории достаточно пассивна, в интернет-СМИ становится возможным реализовать такое сотрудничество редакции и пользователей, при котором именно аудитория будет занимать активное положение в производстве информации.

Широкая аудитория интернет-СМИ ЛНР и тот факт, что взаимодействие СМИ и пользователей могут поспособствовать дальнейшему улучшению качества создаваемого контента в интернет-издании посредством использования соответствующих технологий, обуславливают необходимость изучения технологии краудсорсинга в республиканских интернет-СМИ.

На сегодняшний день в ЛНР распространены два основных вида интернет-СМИ:

– сетевые издания, которые выходят только в Интернете (Луганский Информационный Центр (ЛИЦ));

– сетевые версии традиционных «оффлайновых» СМИ (газета «Жизнь Луганска», Государственная телевизионная и радиовещательная компания Луганской Народной Республики (ГТРК ЛНР), газета «XXI век», газета «Экспресс-клуб» и др.).

В модели краудсорсинга ключевые роли играют краудсорсер, которым в данном случае может стать одно из обозначенных нами изданий, и краудсорсис, который краудсорсер находит на определенной интернет-площадке для реализации проекта. Обычно такие площадки называют краудсорсинговыми платформами.

Краудсорсинговые платформы устанавливают правила участия в проектах, занимаются привлечением для них целевой аудитории, распределением его вознаграждений и результатов, выступают гарантом между краудсорсером и краудсорсисом [3, с. 31].

Таким образом, краудсорсинговая платформа (крауд-платформа) – это специально разработанный технологический сервис, собственный/взятый в аренду, на котором возможны сбор, обработка, хранение и передача больших объемов данных и/или финансовых средств, полученных от краудсорсеров по сети Интернет [2, с. 35]. Крауд-платформа предназначена для проведения различных краудсорсинговых инициатив или проектов.

В ходе исследования мы установили, что в сфере журналистики ЛНР отсутствуют крауд-платформы, посредством которых краудсорсеры и краудсорсисы могут взаимодействовать непосредственно. Однако, поскольку в краудсорсинге интернет-площадка может использоваться самостоятельно для сбора информации, которая в дальнейшем может стать востребованной для СМИ, в данной работе под самостоятельными крауд-площадками в ЛНР мы будем понимать отдельные виды социальных медиа.

Социальные медиа – это совокупность всех интернет-площадок, которые на основе онлайн-технологий предоставляют пользователям возможность устанавливать коммуникацию друг с другом и производить пользовательский контент. Отдельными видами социальных медиа могут быть социальные сети (*ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Телеграмм*), видеохостинги (*RuTube*), вики (*Wikipedia*), блоги, форумы и др. [4, с. 102].

На основании исследования 748 публикаций в 5 интернет-СМИ республиканской сферы распространения и сайтов (*ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Телеграмм*), относящихся к социальным медиа, за период

с 10.12.2023 по 10.02.2024 в соответствии с классификацией И. В. Сухоносва мы выделили виды краудсорсинга, используемые в республиканских интернет-СМИ (Табл. 1).

Таблица 1

**Результаты исследования видов краудсорсинга,
используемых в республиканских интернет-СМИ**

Наименование интернет-СМИ	Всего публикаций исследовано	Всего публикаций, созданных при помощи краудсорсинга	Ньюсмейкинг	Социологический опрос	Креативный контент
Луганский Информационный Центр	118	39	39	0	0
Газета «Жизнь Луганска»	67	29	29	0	5
ГТРК ЛНР	100	0	0	0	0
Газета «XXI век»	17	10	10	0	5
Газета «Экспресс-клуб»	105	0	0	0	0
Всего:	407	78	78	0	10

Рассмотрим выделенные нами виды краудсорсинга в интернет-СМИ ЛНР подробнее.

Ньюсмейкинг – это создание информационного повода. При появлении хорошего информационного повода его разместят на своих площадках интернет-СМИ. Результатом ньюсмейкинга можно считать сообщение о происшествии, событии, ситуации, факте.

Мы выделили такие типы ньюсмейкинга в республиканских интернет-СМИ:

- сообщение от очевидцев события, ставшее информационным поводом для его публикации;
- сообщение (комментарий) о происшествии, событии, ситуации, факте, не послужившее информационным поводом для публикации, но ставшее его частью;
- сообщение известной личности в социальной сети. Наиболее часто в республиканских интернет-СМИ становятся информационным поводом для написания новости публикации Главы Луганской Народной Республики в Телеграм.

Также интернет-издания пишут о публикациях/заявлениях знаменитостей в социальных сетях.

Стоит отметить, что последние два представленных типа ньюсмейкинга являются краудсорсингом лишь относительно, поскольку не предполагают своей конечной целью публикацию в интернет-СМИ.

Креативный контент – созданные краудсорсерами/пользователями социальных медиа тексты, фото, видео. Технология краудсорсинга предполагает создание креативного контента в качестве решения поставленной краудсорсером задачи. Найти подобных случаев в республиканских

интернет-СМИ не удалось. Создание пользователями фото- и видеоматериалов отмечено только в совокупности с ньюсмейкингом.

Подобные сообщения с фото или видео можно встретить в группах в социальной сети Вконтакте, таких как «Мой Город – Луганск | Афиша | Работа», «РОДНОЙ ЛУГАНСК», «КПП | ИЗВАРИНО ГУКОВО ДОЛЖАНКА | ГРАНИЦА ЛНР-РФ», «Инцидент Луганск | ДТП | ЧП | Черный Список», «ЧЕРНЫЙ СПИСОК ЛУГАНСК | ЛНР» и др.

Необходимо отметить, что в данных группах сообщения об актуальных событиях, ситуациях, происшествиях в ЛНР, сопровождающиеся фото- или видеоматериалами от очевидцев, являются достаточно частыми явлениями, впоследствии обсуждаемыми участниками соответствующей группы, однако не публикуемыми интернет-СМИ. Так, мы проанализировали контент 9 групп в социальной сети Вконтакте и установили, что оставленными без внимания республиканских интернет-СМИ остались публикации о дорожно-транспортных происшествиях в ЛНР, об очередях на границах, о нарушителях, проблемах в городе Луганске (Рис. 1).

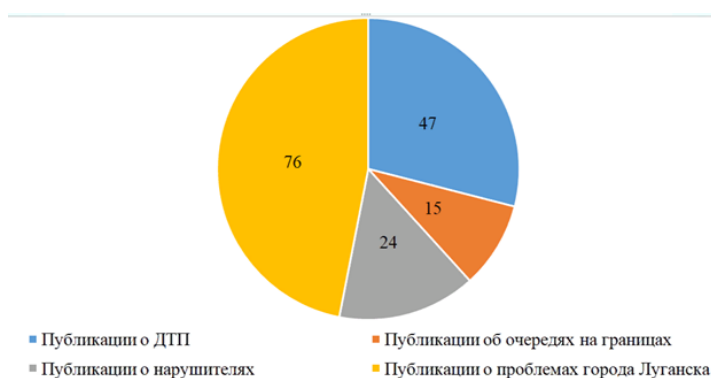

Рис. 1. Публикации в социальной сети Вконтакте, актуальный материал которых не опубликован в республиканских интернет-СМИ

Таким образом, всего за исследуемый период в интернет-СМИ ЛНР мы нашли 78 публикаций, созданных при помощи краудсорсинга, в которых мы отметили наличие двух видов данной технологии.

Так, наиболее часто используемым видом определен ньюсмейкинг (72% от общего числа публикаций).

В ходе исследования не удалось найти случаи использования республиканскими интернет-СМИ таких видов краудсорсинга, выделенных И. В. Сухоносным, как фильтрация данных и расследование, проверка данных и экспертный анализ фактов, картография и визуализация, а также краудфандинг.

Относительно последнего вида необходимо отметить, что краудфандинг в журналистике предполагает коллективное добровольное финансирование журналистского проекта или инициативы для его поддержки и реализации. Несмотря на то, что интернет-СМИ ЛНР краудфандинг не использовался, мы полагаем, что в случае его организации с четко обозначенными целями он имеет достаточно шансов на успех.

Такие выводы мы сделали, изучив объединения сообществ людей в Луганске в таких группах, как в Вконтакте, «ДОНОРЫ КРОВИ ЛУГАНСКА», «Рука Помощи» и прочих, созданных для сплочения людей, готовых на добровольной основе помочь остальным, а также засвидетельствовав случаи решения одними участниками проблем, обозначенных другими.

Таким образом, исследование видов краудсорсинга, используемых в республиканских интернет-СМИ, показало, что по сравнению с зарубежным опытом применение такой технологии для получения информации от читателей в сетевой журналистике ЛНР находится в состоянии зарождения. На сегодняшний день нами отмечено создание новостей республиканскими интернет-СМИ при помощи двух видов краудсорсинга: ньюсмейкинг и креативный контент.

Список литературы

1. **Власенко, В. Е.** Краудсорсинг как новый инструмент управления бизнесом / В. Е. Власенко, В. С. Глухова, А. Н. Короткова. – Текст : электронный // Новая наука: стратегии и векторы развития. – 2016. – № 3–1(70). – С. 127–130. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25685174> (дата обращения: 15.02.2024).
2. **Волошинская, А. А.** Краудсорсинг: новая классификация для анализа новых возможностей / А. А. Волошинская // Информационное общество. – 2015. – № 4. – С. 31–38.
3. **Долженко, Р. А.** Вовлеченность участников краудсорсинговых проектов / Р. А. Долженко // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2014. – № 3. – С. 29–37.
4. **Короткова, Е. Н.** Мультимедийные средства массовой коммуникации: контент и технологии / Е. Н. Короткова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 70(1). – С. 201–205.
5. **Родной Луганск** : [публик]. – Текст : электронный // Вконтакте : [соц. сеть : сайт]. – URL: <https://vk.com/rodnoy.lugansk> (дата обращения: 20.02.2024).

Katorgina D. Y.

Crowdsourcing Technologies in the Online Media of the Luhansk People's Republic

The article discusses the main types of crowdsourcing in the Internet media of the LPR. The author of the article analyzes the content of the republican media space for the use of crowdsourcing technologies.

Key words: *crowdsourcing, crowdsourcing technologies, creative content, newsmaking.*

Скидан Дарья Александровна,
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
girldisaster1@gmail.com

Значение языковых средств, отражающих эмоции в политических выступлениях (на основе испанских СМИ)

В данной статье автор, основываясь на материалах средств массовой информации в Испании, рассматривает роль языка в передаче эмоций в политических выступлениях. Проанализированы различные политические выступления, обращено внимание на использование языковых приемов, которые способствуют эмоциональной коммуникации с аудиторией. Подчеркивается, что для политиков понимание и использование языковых средств, способных эффективно передавать эмоции и влиять на аудиторию, является ключевым фактором при стремлении эффективно выразить свои идеи и привлечь внимание публики.

Ключевые слова: *эмотивность, дисфемия, политический дискурс, окказионализмы.*

В последнее время в лингвистике наблюдается возрастающий интерес к изучению различных речевых приемов, которые могут оказывать влияние на человеческое сознание. Очевидно, что информационные средства массовой коммуникации все чаще переходят от простого информирования к манипуляции, изменению мнений и контролю над нашим сознанием и реакциями. Глобализация в экономике, политике и культуре приводит к изменениям в языке, который оказывает большое влияние на восприятие мира человеком, изменяя его сознание и мышление [3, с. 87].

Исследования дисфемии как языкового явления все еще недостаточны и это можно объяснить с позиции социальных отношений. В рамках коммуникации люди всегда стремятся смягчить то, что может обидеть адресата, чтобы избежать конфликтов и достичь истинных целей коммуникации. Однако сегодня наоборот, дисфемизация активно используется в речи видных политиков, государственных деятелей, а также в глобальных структурах, таких как СМИ. СМИ, информируя человека о состоянии мира и занимая его досуг, оказывают значительное влияние на его мышление, стиль восприятия мира и современную культуру [3, с. 113]. Очевидно, что СМИ используют дисфемизмы для разоблачения, оскорбления и унижения объектов описываемых явлений, а также для привлечения внимания читателей и слушателей к описываемым ситуациям. Через придание негативной или недостойной окраски объектам и явлениям, авторы направляют адресата к определенной оценке происходящего.

Современный политический дискурс отличается высокой степенью агрессивности и эмоциональности. Так, например, В. З. Демьянков

отмечает, что полемичность политической речи представляет собой своеобразную театрализованную агрессию. Целью этого является внушение отрицательного отношения к политическим противникам говорящего и навязывание альтернативных ценностей и оценок как наиболее естественных и неоспоримых [1, с. 103]. Именно поэтому можно сказать, что дисфемизмы являются эффективной речевой стратегией, используемой в политическом дискурсе.

Таким образом, можно отметить, что дисфемизмы в политическом дискурсе выполняют несколько функций. Во-первых, они служат усилению уже имеющейся негативной коннотации явления с целью привлечения внимания читателя или слушателя, а также ввиду эмоционального состояния говорящего. Во-вторых, они изменяют положительную коннотацию явления на негативную без потери первоначального смысла и используются для формирования определенного мнения об объекте или явлении. В-третьих, дисфемизмы выражают негативные чувства по отношению к адресату, такие как презрение, недоверие, вражда и т. д. Это может быть направлено на социальные институты, власть, оппонента, национальность и т. д., в зависимости от социальных факторов.

Некоторые лингвисты считают, что дисфемизмы имеют ряд характеристик, таких как ухудшение денотата (то есть в сознании адресата должна возникнуть ассоциация с объектом дисфемизации, независимо от степени дисфемизации речи), контекстуальность (они являются табуированными речевыми явлениями вне контекста), а также экспрессию и оценочную характеристику, несущие эмоциональный компонент значения. Они характеризуются негативными оценками, такими как пренебрежительность, неодобрительность, презрительность, уничижительность.

Если рассматривать функционирование дисфемизмов в политическом дискурсе, то такое ухудшение коннотации, разоблачение и унижение имеют базовое значение, так как они направлены на воздействие на общественное мнение. Главное предназначение политического дискурса заключается в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. В этом контексте дисфемизмы отлично справляются со своей основной функцией – передачей целенаправленно искаженной в эмотивном плане информации для влияния на общественное сознание.

Под базовой функцией дисфемизмов понимают усиление эмоционального восприятия сказанного. С этой задачей эффективно справляются лексические подмены слов на эмоционально-окрашенную лексику, эффективно влияющую на подсознание человека, например: «¿Por quién apuesta usted, entre la gánster Hillary Clinton y el lunático Donald Trump?» [4, с. 150] – «На кого Вы поставите между гангстером Хилари Клинтон и сумасшедшим Дональдом Трампом?».

Из данного примера видно, что автор использует грубую, эмоционально-окрашенную лексему «сумасшедший», которая ухудшает значение денотата высказывания, формируя у читателя соответствующее негативное отношение. Также автор в своем высказывании стремится оскорбить президента США, что является действенным механизмом формирования дисфемизмов в качестве технологий выражения пренебрежения и агрессии по отношению к денотату. Помимо использования грубого слова, автор прибегает к

использованию неподходящей с логической точки зрения, неоправданной лексической единицы «гангстер», применяя это слово относительно Хилари Клинтон. «ГАНГСТЕР» – (англ. gangster, от gang – шайка, банда) – участник бандитской шайки, занимающийся преступным вымогательством, шантажом, убийствами, похищением людей и т. д.» [4, с. 125].

Таким образом, автор использует переносное значение грубого слова с целью создания эмоциональной напряженности и снижения оценки ситуации. Такое использование обусловлено личным отношением автора к происходящему и его общей позицией по отношению к американской власти. Кроме того, автор прямо обращается к читателю, что привлекает его внимание и создает впечатление, будто он участвует в происходящем. Важно отметить, что в испанском языке обращение на «Вы» (usted) используется редко, преимущественно в официальных случаях, в то время как в СМИ предпочитается обращение на «ты» (tú). Таким образом, автор использует официальную форму обращения, однако применяет грубые формы, чтобы иронизировать и подчеркнуть важность читателя, что усиливает эмоциональное воздействие [2, с. 127].

Механизмы образования дисфемизмов не ограничиваются лишь использованием негативно-коннотированной лексики, помимо этого также авторы задействуют стилистические приемы, например: «Pobre México tan lejos de Dios y tan cerca de los EEUU» [5, с. 28] – «Бедная Мексика так далека от Бога и так близка к США».

В данном примере автор использует открытый сарказм, употребляя совершенно разные единицы сравнения, и достигает комического эффекта, а именно, местоположение США в противовес дальности от Бога понимается им как ад. С одной стороны, автор использует сарказм, но, с другой стороны, также можно говорить и об унижении и оскорблении по отношению к США. С точки зрения грамматики стоит отметить, что автор не употребляет вспомогательных глаголов, что является характерной чертой разговорного стиля. Такое опущение, используемое в газетно-публицистическом стиле, сближает автора с гипотетическим читателем, делает их участниками одного диалога, таким образом, снижение до разговорного стиля, намеренно используемое авторами в СМИ, повышает степень доверия у читателей, что позволяет ими эффективно манипулировать.

Помимо рассмотренных механизмов образования дисфемизмов также стоит обратить внимание на такое явление в СМИ, как окказионализмы, то есть появляющиеся авторские слова, которые он использует для конкретных целей. Например: «Los ingredientes del trumpismo estaba allí» [6, p. 17] – «Ингредиенты трампизма были там».

В данном случае автор использует политику Дональда Трампа и ее влияние в качестве базовой единицы образования окказионализма. Такое «изобретение» в тексте указывает на желание автора привлечь внимание читателей и намекнуть на определенное явление, в данном случае политику. Оно также может свидетельствовать о саркастическом отношении автора и использовании каламбура. Именно поэтому в данном примере мы говорим о дисфемизме. Добавленный саркастический тон и слово «ингредиенты» указывают на манипуляции, проводимые автором, который выражает свое пренебрежительное отношение и навязывает его читателю.

Способы функционирования дисфемизмов в политическом дискурсе мексиканского варианта современного испанского языка очень разнообразны. Дисфемизация является универсальной речевой стратегией, которая позволяет манипулировать на языковом уровне. Ее функция состоит в целенаправленном преобразовании информации с использованием негативных отношений, желаний или установок, внедряемых в психику адресата.

Таким образом, выражение эмоций в политических выступлениях с помощью языковых средств оказывает влияние на восприятие и оценку политиков со стороны публики. Корректное использование этих средств может содействовать эффективной коммуникации и повысить популярность политиков. Однако, неправильное понимание и неумение контролировать эти языковые средства могут иметь негативное эмоциональное воздействие на аудиторию и повлиять на оценку политики.

Изучение способов вербализации эмоций в иностранном языке имеет практическую значимость в возможности применения полученных результатов при разработке лекционных курсов по теории межкультурной коммуникации и проведении практических занятий по иностранному языку.

Список литературы

1. **Абдуллаева, С. А.** Эмотивная функция квалиативных интенсификаторов в испанском медиатексте как средство эмоционального воздействия на читателя / С. А. Абдуллаева, Г. И. Радченко // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – № 10–6(68). – С. 102–128.
2. **Агабабян, С. Р.** Проблема передачи фоновой информации при переводе текстов СМИ с испанского на русский язык / С. Р. Агабабян, Р. В. Кумова // Язык и коммуникация в контексте культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 24 мая 2016 г. / [редкол.: Л. Н. Усенко (отв. ред.) и др.]. – Ростов-на-Дону, 2016. – ISBN 978-5-4382-0261-5. – С. 126–134.
3. **Ионова, С. В.** Когнитивный подход к исследованию текстовой эмотивности / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2000. – № 5. – С. 116.
4. **Martin, P.** Amigos / P. Martin. – Mexico : Agencia mexicana de Noticias, 2017. – 316 p.
5. **Vieyra Gomez, A.** Adiós al trepidante año bisiesto / A. Vieyra Gomez. – Mexico : Agencia mexicana de Noticias, 2016. – 428 p.
6. **Vieyra Gomez, A.** Elecciones en Europa sin el puño de Trump? / A. Vieyra Gomez. – Mexico : Agencia mexicana de Noticias, 2017. – 314 p.

Skidan D. A.

**The significance of linguistic means reflecting emotions
in political speeches based on Spanish media**

This article examines the role of language in conveying emotions in political speeches, based on media materials in Spain. The author analyzes various political speeches and draws attention to the use of language techniques that facilitate emotional communication with the audience. This article emphasizes that for politicians, understanding and using language tools that can effectively transmit emotions and influence the audience is a key factor in the effort to effectively express their ideas and attract the attention of the public.

Key words: *emotionality, dysphemism, political discourse, occasionalisms.*

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'255.4:82-7

Кисель Виктория Сергеевна,
ст. преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
victoria_bessonnaya@yahoo.com

Василькова Ирина Романовна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
irina_gukalova@mail.ru

Особенности перевода иронии и сарказма

Данная статья посвящена проблеме передачи иронии и сарказма при переводе. В статье даны определения понятиям иронии и сарказма и обозначены основные принципы их перевода. Проанализирован ряд примеров, содержащих данные тропы. Определены дальнейшие пути развития описанной проблематики.

Ключевые слова: ирония, сарказм, перевод, интерпретация, эквивалент, адекватность перевода.

В настоящее время перевод является одной из наиболее востребованных и активно развивающихся отраслей. Это, прежде всего, связано с неуклонным ростом международной деятельности стран в различных сферах, как в экономических, политических, так и в культурных. Перевод становится своеобразным «оружием» в современном мире пропаганды и идеологической борьбы.

Проблемы перевода неоднократно обсуждались в трудах многих лингвистов, филологов, переводчиков. Основная задача перевода – это обеспечить успешную коммуникацию между представителями разных стран и, соответственно, культур. Коммуниканты через переводчика должны получить чёткую, полную, понятную и не искажённую информацию. Именно это является самой сложной задачей при переводе, т. к. он не сводится к сухой передаче грамматических и синтаксических структур, переводчику необходимо передать все нюансы и оттенки эмоций, выражаемых участниками коммуникации. Для этого мало владеть языком, необходимо также знать историю, культуру и традиции тех стран, на языках которых происходит коммуникация.

Одной из проблем при переводе могут стать такие выразительные средства, как ирония и сарказм. Данный вопрос связан с изучением стратегии передачи категории комического при переводе и решением нестандартных задач трансляции алогизмов, восходя к осмыслению проблемы качества перевода и репрезентации целостности оригинала в принимающей культуре, что обуславливает актуальность проводимого исследования [4, с. 720].

Ирония, сарказм и сатира нацелены на выражение отрицательной оценки, интенсивность которой возрастает от первого компонента к последнему. Ирония используется для объективации неодобрительного отношения к объекту оценки и его критики. Наиболее широко распространенное определение словесной иронии как акта, при котором говорящий высказывает противоположное тому, что он намеревается сообщить [10].

По сравнению с иронией сарказм является способом репрезентации резко отрицательной оценки мнимо значительного с целью его существенного принижения, что в сатире дополняется функцией изобличения, например, пороков [4, с. 723].

Понятие и сущность сарказма пытались определить ученые из разных областей, так как сарказм является частью комического, которое прочно входит во все сферы жизнедеятельности человека. С позиции философии ученые определяли сарказм как «суждение, содержащее уничтожающую насмешку» [8]; с точки зрения психологии и педагогики сарказм – это «ироническая, жестокая насмешка, построенная на усиленном контрасте выражаемого и подразумеваемого» [9].

Так, Т. В. Вавилова рассматривает сарказм в парадигме комического и приходит к выводу, что саркастическое высказывание является менее определенной и наиболее сложной формой общения. Т. В. Вавилова также утверждает, что сарказм всегда предполагает наличие определенного конфликта, так как двойственная природа сарказма нацелена на уязвление и унижение оппонента, подрыв его авторитета и др. [1, с. 147–155].

Сарказм – это своего рода злая ирония или язвительная насмешка, основной целью которой является намеренное изобличение подразумеваемого, основанное на контрасте имплицитного и выражаемого. При помощи таких языковых приемов, как, например, градация, метафора и интонация передается вуалированный характер саркастического высказывания [3, с. 101–107].

В рамках данной статьи нам хотелось бы проанализировать перевод ряда цитат из известных фильмов и сериалов [6].

«I'm not questioning your honor, Lord Janos. I'm denying its existence.» – Я не сомневаюсь в вашей чести, лорд Янос. У вас её просто нет (*Тут и далее перевод – В. К.*). Данная цитата приведена из телесериала «Игра престолов» (*Game of Thrones*). При её переводе можно увидеть ряд переводческих трансформаций, таких как лексические и синтаксические замены, но при этом можно утверждать, что перевод является полным.

Следующий отрывок диалога представлен из телесериала «Шерлок Холмс» (*Sherlock Holmes*):

- *You boys have done an excellent job at obliterating any potential evidence.*
- *Yes, but they never miss an opportunity to miss an opportunity.*
- Полисмены проделали блестящую работу, уничтожив любые улики...
- Да, они никогда не упустят возможность упустить возможность.

Данный вид сарказма построен на каламбуре и повторе словосочетания «упустить возможность». В переводе с лёгкостью сохранена изначальная игра слов и также, как и в предыдущем примере, использован полный перевод с незначительными изменениями лексического состава предложений.

Вот ещё несколько примеров цитат известного писателя Марка Твена и политика Уинстона Черчилля, содержащих иронию и сарказм с

использованием полного перевода: «No improvisation works for me as well as the one I've been preparing for three days». – Ни одна импровизация не даётся мне так хорошо, как та, которую я готовил три дня (*Марк Твен*).

«My tastes are simple. I am easily satisfied with the best». – Мои вкусы просты. Я легко довольствуюсь наилучшим. (*Уинстон Черчилль*) [7].

Описанные выше примеры не создают особых проблем для переводчика и могут с лёгкостью быть переведены с сохранением образа и тропа. Однако, встречаются достаточно сложные, с точки зрения переводоведения, примеры. Одним из таких являются случаи иронии или сарказма, построенные на основе цитат или аллюзий. Зачастую цитаты требуют определённых лексико-грамматических преобразований, в результате которых цитата потеряет свою первоначальную форму, т. е. она перестанет таковой быть. Поэтому переводчику необходимо соблюдать очень тонкую грань между сохранением исходной цитаты и адекватным её переводом. Например, перевод иронического парадокса Оскара Уайльда, построенного на аллюзии к одной из основополагающих цитат европейской культуры «To be – or not to be?», встречается именно с такого рода проблемой: «To read or not to read? All books can be divided in to three groups: books to read, books to re-read, and books not to read at all.» [2, с. 276–277]. Начало данной цитаты, безусловно, не вызывает проблем при переводе, т. к. здесь можно полностью сохранить структуру и отсылку к У. Шекспиру: «Читать или не читать». Дальнейшая же формулировка цитаты требует целого ряда грамматических трансформаций ввиду того, что сохранение инфинитивной формы при переводе на русский язык не представляется возможным. Одним из наиболее очевидных вариантов перевода может быть следующий: «... книги для чтения; книги для перечитывания; книги, непригодные для чтения». Данный перевод не является адекватным в данном случае, т. к. он теряет свою ироничность из-за отсутствия аллюзии, на которой и была построена ирония. Выйти из сложившейся сложной ситуации можно при помощи приёма расширения образа и использования кавычек, например: «Все книги можно поделить на три группы, снабдив их этикетками: «читать», «перечитать», «не читать». Используя такой способ перевода, удастся сохранить первоначальную иронию и читателю вполне очевидна аллюзия, которую применил автор данной цитаты.

Проанализировав приведённые выше примеры, можно выделить наиболее часто употребляемые правила перевода иронии.

1. Полный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями.

2. Расширение исходного иронического оборота в тех случаях, когда смысл иронического словоупотребления неочевиден для иноязычной культурной среды.

3. Антонимический перевод, применяемый, когда прямой перевод утяжеляет переводную структуру в силу различия грамматических или лексических норм и тем самым не передает смысл иронии.

4. Добавление смысловых компонентов при необходимости сохранения исходных лексико-грамматических форм (например, цитаты) в условиях информационной недостаточности аналогичных форм в языке перевода.

5. Культурно-ситуативная замена, применяемая в случаях, когда прямое воспроизведение способа выражения иронии невозможно, поскольку он не будет воспринят переводящей культурой, а сама ирония должна быть передана, поскольку она составляет существенную часть авторского способа выражения [2, с. 280–281].

Итак, сарказм является эффективным сатирическим и стилистическим средством, объектом которого зачастую может быть человек или сложившаяся ситуация. Достижение максимального коммуникативного эффекта возможно лишь в том случае, когда участники коммуникативного акта опираются на лингвистические и экстралингвистические факторы.

Также нами был проанализирован русский перевод предложений и высказываний, носящих саркастический характер. Наиболее характерными методами и способами передачи прагматического значения сарказма при переводе на русский язык являются дословный перевод, опущение избыточных слов или конструкций, поиск эквивалентных соответствий в языке перевода [5, с. 69].

Перспективы дальнейших исследований мы видим в поиске новых способов перевода иронии и сарказма с целью максимального сохранения как формы высказывания, так и его содержания, а также индивидуальности автора оригинала.

Список литературы

1. **Вавилова, Т. В.** О понятии сарказма / Т. В. Вавилова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – Вып. 17(596) : Стилистика: традиции и современность. – С. 147–155.
2. **Казакова, Т. А.** Практические основы перевода = English – Russian / Т. А. Казакова. – Санкт-Петербург : Лениздат : Союз, 2001. – 317, [2] с. – (Серия: Изучаем иностранные языки). – ISBN 5-289-01985-5. – ISBN 5-94033-049-5.
3. **Костыгова, А. С.** Лингвопрагматические и стилистические особенности высказываний с саркастическим смыслом / А. С. Костыгова. – Текст : электронный // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Серия «Общественный и гуманитарные науки». – 2013. – № 160. – С. 101–107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskie-i-stilisticheskie-osobennosti-vyskazyvaniy-s-sarkasticheskim-smyslom> (дата обращения: 03.04.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
4. **О способах передачи иронии в синхронном переводе** / А. Х. Абдульманова, Е. К. Вьюнова, И. А. Лекомцева, Н. В. Шутёмова. – DOI 10.21638/spbu09.2022.405. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2022. – Т. 19 № 4. – С. 720–739. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.405> (дата обращения: 03.04.2024).
5. **Плешкова, Д. С.** Сарказм в американском конфронтационном кинодискурсе: способы вербализации и проблемы перевода на русский язык / Д. С. Плешкова. – DOI 10.24833/2687-0126-2023-5-1-62-73. – Текст : электронный // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2023. – № 5(1). – С. 62–73. – URL: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-1-62-73> (дата обращения: 03.04.2024).

6. **Саркастичные цитаты.** – Текст : электронный // Цитаты.инфо : [сайт]. – URL: <https://citaty.info/category/sarkastichnye-citaty?page=1> (дата обращения: 03.04.2024).
7. **Статьи 100 саркастичных фраз и колких высказываний для любых ситуаций.** – Текст : электронный // Литрес : [блог]. – URL: <https://dzen.ru/a/ZMtvPIEhOCsq6jwJ> (дата обращения: 03.04.2024). – Режим доступа: блог-платформа «Дзен».
8. **Философский энциклопедический словарь** / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. – Москва : Сов. энцикл., 1983. – URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/index.htm> (дата обращения: 03.04.2024). – Текст : электронный.
9. **Энциклопедический словарь по психологии и педагогике** : [сайт]. – 2012. – URL: <http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/index.htm> (дата обращения: 03.04.2024). – Текст : электронный.
10. **Brown, P.** Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 364 с.

**Kisel V. S.,
Vasilkova I. R.**

Features of Irony and Sarcasm Translation

This article is devoted to the problem of transferring irony and sarcasm in translation. The article defines the concepts of irony and sarcasm and outlines the basic principles of their translation. A number of examples containing these trails are analyzed. Further ways of development of the described problem are defined.

Key words: *irony, sarcasm, translation, interpretation, equivalent, adequacy of translation.*

Ткачева Юлия Геннадиевна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и
практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
yulia23255@yandex.ru

Кубракова Марина Виталиевна,
ст. преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
soffi2506@mail.ru

Роль переводческих трансформаций при передаче когнитивной составляющей художественного текста

Статья посвящена рассмотрению художественного текста как сложного многомерного феномена, отличающегося динамическим характером и содержащего специфическую когнитивную информацию. Главная мысль авторов сводится к тому, что переводческие трансформации в совокупности с лингвокультурной компетенцией переводчика являются эффективным инструментом, позволяющим минимизировать потери культурно-значимых концептов в процессе перевода художественного текста, способствуют адекватной его интерпретации и сохранению коммуникативной ценности.

Ключевые слова: художественный текст, перевод, лингвокультура, когнитивная составляющая, переводческие трансформации, эквивалентность.

Художественный текст играет значимую роль в жизни человечества. Он служит своего рода репрезентантом определенной культуры, поскольку в ходе взаимодействия разных языковых систем способен сохранять и транслировать культурно-обусловленные концепты, а также отображенные автором элементы идиостиля и сам авторский посыл.

Художественный перевод принципиально отличается от других видов перевода, это обусловлено тем, что для реализации качественного перевода художественного текста переводчик обязан глубоко проникнуть в сущность иной культуры и подобрать равнозначные эквиваленты в переводящем языке с целью не только полной трансформации национально-специфичных единиц языка оригинала, но и сохранения всего прагматического потенциала, смысловой нагрузки и структуры художественного текста.

Когнитивная информация, содержащаяся в художественном тексте и подлежащая декодированию, формирует собственную кодовую систему и отличается динамическим характером, следовательно перевод одного и того же текста в переводящем языке никогда не будет иметь полностью

идентичных аналогов. Именно данная особенность лежит в основе проблемы выявления критериев оценки качества перевода художественного текста.

Если рассматривать художественный текст как некое отображение действительности или вымышленной реальности, сформированной в сознании автора под влиянием системы ценностей и жизненных приоритетов определенной лингвокультурной общности, то первостепенной задачей при выполнении художественного перевода становится передача художественно-эстетического замысла произведения.

Проведенный анализ научных источников в сфере переводоведения и лингвистики, а также рассмотренные выше особенности и характеристики позволяют рассматривать художественный текст как сложноорганизованную систему, состоящую из множества контекстно-обусловленных образов, отражающих окружающую действительность определенного лингвосоциума, трансформация которых при переводе сопряжена с рядом сложностей.

В этой связи, выполняя перевод оригинального художественного текста, переводчик вынужден рассматривать исходный текст с точки зрения его национальной принадлежности – культурной специфичности, особенностей и уровней исторического развития, полярности складов мышления коммуникантов, хронотопности, и в целом, разности традиций и укладов жизни.

Цель данной статьи заключается в определении роли переводческих трансформаций при передаче когнитивной составляющей художественного текста.

В целом перевод представляет собой очень сложный и многогранный процесс, – его главная цель заключается в адекватном переизложении содержащейся в оригинале информации языковыми средствами переводящего языка. Однако в этой связи следует отметить, что в переводоведении понятие адекватности тесно соотносится с понятием эквивалентности, однако достичь эквивалентности на всех пяти уровнях не всегда представляется возможным.

Качественно-выполненный перевод, прежде всего, предполагает вычленение переводческих доминант и разработку соответствующей стратегии действий переводчика, позволяющих решить данную задачу.

В процессе работы над текстом переводчик выбирает стратегию перевода после проведения анализа исходного текста и выявления его особенностей. Критерием выбора переводческой стратегии является знание параметров коммуникативной ситуации. В своих трудах известный современный лингвист и переводовед В. В. Сдобников утверждает, что было бы более корректно подразделять стратегии на типы согласно не видам перевода (устный / письменный), а в зависимости от разнообразия коммуникативных ситуаций. Ученый аргументирует свою точку зрения тем, что использование одного и того же вида перевода в разных коммуникативных ситуациях не означает, что в них используются одни и те же стратегии перевода, которые будут, несомненно, разные, так как это зависит от характера самой коммуникативной ситуации, в которой используется перевод [5, с. 145–146].

Существуют разные типологии переводческих стратегий, однако в рамках данного исследования мы опираемся на типологию, предложенную и разработанную В. В. Сдобниковым, отдавая особое предпочтение стратегии коммуникативно-равноценного перевода.

Применительно к сфере художественного дискурса особую значимость приобретает стратегия коммуникативно-равноценного перевода, сущность которой состоит в передаче коммуникативной интенции автора в тексте перевода. Так, в процессе перевода с применением этой стратегии предполагается, что текст перевода выполняет ту же самую цель, что и текст оригинала. Таким образом, цель переводчика совпадает с целью автора исходного сообщения. В этом случае переводчик как бы становится полноценным представителем автора исходного текста, и текст перевода воспринимается получателем как полноценный аналог оригинала.

Эффективность стратегии коммуникативно-равноценного перевода достигается посредством использования трансформационной модели перевода, которая в рамках перевода художественного дискурса обладает значительным функциональным потенциалом. В основу трансформационной модели перевода положена передача референциальных значений единиц оригинала. С точки зрения данной модели процесс перевода рассматривается как ряд преобразований, применяя которые переводчик производит перекодировку единиц языка оригинала в систему переводящего языка, устанавливая между ними эквивалентность определенного уровня.

Следовательно, функциональность трансформационной модели оценивается через содержательную сторону текста – это значит, что в эквивалентном переводе не обязательно должны сохраняться все элементы смысла, содержащиеся в оригинале. Однако, в тексте перевода, соответствующем параметрам нужного уровня эквивалентности, должны быть отображены те элементы смысла, которые являются релевантными для конкретного акта коммуникации. Не все семы, содержащиеся в тексте, но те из них, которые противопоставляются другим семам (например, если в тексте на русском языке сема «человек мужского пола» в слове «студент» не является релевантной, а текст не противопоставляет ее семе «человек женского пола», то нет необходимости ее передавать).

В этой связи считаем целесообразным рассмотреть концепцию эквивалентности, предложенную известным специалистом в сфере переводоведения В. Н. Комиссаровым, согласно которой эквивалентность понимается как реальная близость текстов оригинала и перевода, достигаемая переводчиком в процессе перевода [2, с. 51]. Эквивалентность подразумевает максимальную близость содержания текста перевода к содержанию оригинального текста, но при этом достигаться она может различными способами, и в зависимости от этих способов В. Н. Комиссаров предлагает выделять следующие типы эквивалентности.

Для эквивалентности первого типа характерным является сохранение только цели коммуникации, а остальные элементы содержания, как правило, теряются. В данном случае в текстах оригинала и перевода наблюдается расхождение плана содержания, остается лишь общий посыл – поэтическое воздействие, возмущение, негодование, выраженное в тексте оригинала.

Во втором типе эквивалентности переводчик стремится сохранить внеязыковую ситуацию, описанную в оригинале. При этом способ описания ситуации в текстах оригинала и перевода может несколько различаться. Например, если на столе стоит ваза, то ту внеязыковую ситуацию можно

передать как «я вижу вазу», «вазу оставили на столе», «стол стал местом для вазы» и т. д.

На третьем уровне эквивалентности сохраняются понятия, с помощью которых была описана конкретная ситуация. Этот уровень, прежде всего, может быть охарактеризован через общность ключевых сем, расположение и взаимосвязь которых в текстах оригинала и перевода могут иметь различия.

Особенность четвертого типа эквивалентности заключается в стремлении переводчика сохранить наибольшую часть значений синтаксических структур оригинала путем использования параллельных синтаксических структур. Также для данного типа эквивалентности присуща схожесть лексических составов оригинала и перевода.

Пятый тип эквивалентности отличается максимальной близостью взаимосвязей и расположения основных сем в текстах оригинала и перевода: лексический состав сохраняется полностью, синтаксические структуры также параллельны. Согласно трансформационной модели, процесс перевода реализуется в три этапа – этап анализа, этап переключения и этап реструктурирования. В ходе указанных трех этапов осуществляется упрощение синтаксических структур исходного текста, происходит переход к семантическим компонентам переводящего языка в соответствии с нормативно-узуальными аспектами переводящего языка, то есть разного рода преобразованиям подвергаются такие формальные признаки, как структура предложения, порядок следования членов предложения, парадигма числа существительных и распределение семантических признаков.

Все рассмотренные выше преобразования текста оригинала осуществляются посредством переводческих трансформаций. В теории перевода существует широкая палитра определений переводческих трансформаций, каждое из которых раскрывает новые грани данного феномена. Так, Я. И. Рецкер предлагает определять переводческие трансформации как «приемы логического мышления, с помощью которых переводчик раскрывает значение иноязычного слова в контексте и находит ему соответствие, не совпадающее с его словарным значением» [4, с. 114]. Особый интерес представляет точка зрения Л. К. Латышева, который описывает текст перевода как «некое отступление от структурного и семантического параллелизма между исходным и переведенным текстом в пользу их равноценности в плане воздействия на реципиента» [3, с. 96]. Однако фундаментальным и наиболее разработанным в переводоведении определением переводческих трансформаций принято считать определение Л. С. Бархударова, который трактует тексты перевода как «многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые способствуют достижению переводческой эквивалентности, несмотря на расхождения в формальных и семантических системах двух языков» [1, с. 17].

Проведенный анализ определений переводческих трансформаций позволяет нам дать следующее определение данного явления. Переводческие трансформации – это ряд мотивированных преобразований, применяемых переводчиком для транскодирования единиц оригинала и его ключевых концептов в систему переводящего языка с целью преодоления конфликта лингвокультур.

В зависимости от характера единиц исходного языка, переводческие трансформации, чаще всего, подразделяются на лексические и грамматические. Кроме того, существуют также комплексные лексико-грамматические трансформации, где преобразования либо затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо являются межуровневыми, т. е. осуществляют переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот. Также все виды выполняемых при переводе преобразований можно свести к четырем основным группам: перестановки, замены, добавления, опущения.

Сущность трансформации перестановки заключается в изменении порядка следования элементов в тексте перевода в сравнении с текстом оригинала. Например: *A suburban train was derailed near London last night.* – «Вчера вечером вблизи Лондона сошел с рельсов пригородный поезд».

Замена – это один из наиболее распространенных и широко используемых приемов перевода. Замены подразделяются на лексические, грамматические, а также комплексные. Выполняя замену на уровне формы слова, переводчику необходимо учитывать расхождения грамматического строя взаимодействующих языковых систем. Например, в случае замены числа существительных: *овес* – *oats*, *окраина* – *outskirts*, *чернила* – *ink*. Замены могут производиться в парадигме времени глаголов, на уровне прономинализации (замены существительного местоимением) и обратного ей процесса субстантивации, замена отглагольного существительного и глагола на глагол, прилагательного существительным. Если замены осуществляются на уровне предложения, то происходит реструктурирование синтаксической схемы построения предложения: *He was met by his sister.* – «Его встретила сестра». Также прием замены широко функционирует на уровне лексики, подвергается таким переводческим модификациям, как антонимический перевод и компенсация – наиболее часто используется в тех случаях, когда в системе переводящего языка сложно подобрать эквивалент.

Прием добавления активно используется в случаях, когда наблюдается формальная невыраженность определенных семантических компонентов на языке оригинала. В случае, если в ходе межкультурной коммуникации взаимодействуют английский и русский языки, то формальная невыраженность определенных семантических компонентов является характерной для английского языка: *pay claim* – требование повысить зарплату, *humanities* – гуманитарные науки.

Опущение – переводческий прием, по своему применению противоположный добавлению, то есть применяется в отношении семантически избыточных лексических единиц и направлен на устранение так называемых парных синонимов: *The treaty was pronounced null and void.* – «Договор был аннулирован».

Как свидетельствует анализ высококвалифицированных переводов и собственный практический опыт, переводческие трансформации в «чистом» виде встречаются довольно редко. Чаще всего переводчик прибегает к комплексным преобразованиям, направленным на донесение смысла иноязычного текста до реципиента путем нахождения оптимального способа трансформации культурно-значимых концептов и в целом выстраивании уместной стратегии перевода.

Умение переводчика передавать национальное своеобразие исходящего текста, его особый колорит, тесно взаимосвязанный с его этнической средой, свидетельствует о мастерстве переводчика. Дифференциальным признаком перевода является сохранение неизменным плана содержания оригинала, его коммуникативной ценности, понимаемой как способность исходного текста вызывать определенный коммуникативный эффект при реализации присущей ему коммуникативной функции. Данная проблема не решается за счет использования переводческих приемов и трансформаций. Более того, исчерпывающее сохранение коммуникативной ценности оригинала явно противоречит таким широко известным переводческим приемам, как генерализация, конкретизация, добавление и опущение, которые в определенной мере модифицируют план содержания. К тому же, еще более заметные сдвиги в плане содержания влечет за собой учет прагматических факторов, требующих порой включения в текст дополнительных элементов и исключения из него элементов, избыточных с точки зрения иноязычного получателя [6, с. 172].

Иногда возникает необходимость в нахождении принципиально нового окказионального соответствия для более точной передачи культурно-обусловленной сути для исходной иноязычной единицы перевода. При сопоставлении и трансформации значений национальных концептов наиболее четко отражаются культурно-обусловленные компоненты смысла того или иного слова. Оптимальное решение стоящих перед переводчиком задач зависит не только от индивидуального набора когнитивных переводчика, но и от ассоциативной компетенции, определяющей ареальную и культурную выраженность концептуальных парадигм, находящих свое воплощение в форме вербальных кодов, трансформирующих ментальные модели определенной лингвокультурной общности.

Переводческая практика свидетельствует о том, что чем обширней у переводчика знания чужой культуры, тем глубже он может проникнуть в иную языковую картину мира, что позволит ему впоследствии избежать многих неудач в процессе перевода. Для достижения идеального уровня взаимопонимания между представителями разных культур необходима общность когнитивных баз. Следовательно, переводчик должен быть осведомлен об особенностях национального характера, системе ценностей, норм и установок, присущих определенному этническому сообществу.

Таким образом, для выполнения качественного перевода художественного текста переводчик должен обладать способностью проникновения в иную культуру и ментальность, отличающуюся набором и насыщенностью специфических концептов. Такой подход при использовании соответствующего переводческого инструментария способствует минимизации культурно-значимых потерь в процессе перевода, адекватной интерпретации оригинального текста и сохранению его коммуникативной ценности, прагматического потенциала и авторского посыла в переводящем языке.

Список литературы

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Изд. 2-е. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 235 с. – ISBN 978-5-382-00577-5.

2. **Комиссаров, В. Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Репр. изд. – Москва : Альянс, 2013. – 253 с. – ISBN 978-5-91872-024-0.
3. **Латышев, Л. К.** Перевод: теория, практика и методика преподавания : учеб. пособие для студентов пер. фак. высш. учеб. заведений / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – Москва : Академия, 2003. – 192 с. – ISBN 5-7695-2020-5.
4. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвист. теории перевода / Я. И. Рецкер – Москва : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
5. **Сдобников, В. В.** Перевод и коммуникативная ситуация : монография / В. В. Сдобников. – Москва : Флинта ; Наука, 2015. – 461 с. – ISBN 978-5-9765-2112-4. – ISBN 978-5-02-038639-6.
6. **Швейцер, А. Д.** Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 1988. – 215 с. – ISBN 5-02-010882-0.

**Ткачева Ю. Г.,
Кубракова М. В.**

The role of Translation Transformations in Rendering the Cognitive Component in a Literary Text

The article is devoted to the consideration of a literary text as a complex multidimensional phenomenon characterized by a dynamic nature and containing specific cognitive information. The main idea of the authors is that translation transformations in combination with the linguistic and cultural competence of the translator are an effective tool able to minimize the loss of culturally significant concepts in the process of translating a literary text, contribute to its adequate interpretation and preservation of communicative value.

Key words: *literary text, translation, linguistic culture, cognitive component, translation transformations, equivalence.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аулов Анатолий Михайлович, доцент кафедры русской и мировой литературы ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Банкова Людмила Львовна, доцент кафедры китайского языка ГАОУ ВО «МГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Москва, РФ

Боев Эрадж Бегиджонович, директор Научно-образовательного центра востоковедения, доцент кафедры международной журналистики Института русского языка ФГБОУ «НГЛУ им. Н. А. Добролюбова», кандидат исторических наук, доцент, г. Нижний Новгород, РФ

Бочацкая Анна Александровна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Василькова Ирина Романовна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Гришак Светлана Николаевна, профессор кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», доктор педагогических наук, профессор, г. Луганск, ЛНР

Дорофеева Власта Станиславовна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Дятлова Анастасия Михайловна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Жиров Илья Вячеславович, преподаватель кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Зайцева Анна Владимировна, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Каторгина Дарья Юрьевна, старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Кисель Виктория Сергеевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Коробко Кристина Вячеславовна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Кошкан Париса, лаборант-исследователь Научно-образовательного центра востоковедения, ассистент кафедры иностранных языков Института русского языка ФГБОУ «НГЛУ им. Н. А. Добролюбова», г. Нижний Новгород, РФ

Кубракова Марина Виталиевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Новикова Анна Анатольевна, заведующий кафедрой английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Серебряк Марина Владимировна, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Скидан Дарья Александровна, преподаватель кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Ткачева Елена Александровна, доцент кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Ткачева Юлия Геннадиевна, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Цурбанова Анастасия Юрьевна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ФГБОУ ВО «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97–2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки («») «елочки», внутренними – („“) «лапки»).

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится приставный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи

статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
<i>Заполняется каждым автором</i>		
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

*Редакция Вестника
Луганского государственного
педагогического университета*

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Филологические науки»

Сборник научных трудов

Главный редактор – **Л. Н. Синельникова**
Редактор серии – **А. А. Новикова**
Выпускающий редактор – **Г. Г. Калинина**
Корректор – **О. И. Письменская**
Компьютерная верстка – **Т. А. Ковалева**

Подписано в печать 30.07.2024. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 9,75.
Тираж 23 экз. Заказ № 73.

ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Издательство ЛГПУ

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011. Тел. : +7 857-258-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru